**Ежемесячный научный
и общественно-политический
журнал
Российской академии наук**

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 10, 2022

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

XXIV ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

3 КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР С.Г. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век

17 ЗАЙЦЕВ А.В. «Колониальная демократия» в социологии А.А. Зиновьева

27 ВОЛКОВ Ю.Г. Социальная справедливость как ценность: в поисках новой теоретической оптики

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

37 ТРОФИМОВА И.Н. Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус?

49 АНДРЕЕВ А.Л., АНДРЕЕВ И.А., СЛОБОДЕНЮК Е.Д. Представления россиян о будущем России

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

62 ТОЩЕНКО Ж.Т. Эволюция идей социальной структуры российского общества

74 КАРАВАЙ А.В. Факторы доступа к ресурсам социальных сетей в современной России

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

85 УСТЮЖАНИН В.В., СУМЕРНИКОВ И.А., ГРИНИН Л.Е., КОРОТАЕВ А.В. Урбанизация и революции: количественный анализ

96 БАСАЕВА Е.К., КАМЕНЕЦКИЙ Е.С., ХОСАЕВА З.Х. Прогнозирование социально-политической нестабильности (на примере Арабской весны)

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

107 ГУРКО Т.А. Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей

117 БЕЗРУКОВА О.Н., САМОЙЛОВА В.А., МАЛЬКОВ Н.Р. Отцовство осужденных молодых мужчин в условиях заключения

128 КАЗИЕВ С.Ш., СТАРЧЕНКО Р.А., МОГУНОВА М.В. Межнациональные браки между казахами и русскими Северного Казахстана

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

138 ФАДЕЕВА Е.В. Практики лечения в восприятии граждан: по материалам всероссийских исследований

145 БОГОМЯГКОВА Е.С., ОРЕХ Е.А., ГЛУХОВА М.Е. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга

ЮБИЛЕИ

156 Константиновскому Д.Л. – 85 лет

157 Семенову Е.В. – 70 лет

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

159 ЗАРУБИНА Н.Н. Судьба ученого и судьбы науки на переломе эпох (о книге Л.Г. Ионина о М. Вебере)

167 **КОРОТКО О КНИГАХ**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

170 МЯСНИКОВ А.Г. О наступившей исторической правоте институционально-матричного подхода С.Г. Кирдиной-Чэндлер

174 **ИНФОРМАЦИЯ**

175 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (http://www.socis.isras.ru/; http://www.isras.ru/socis.ru) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на http://www.socis.isras.ru/, http://www.isras.ru/socis.html через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html

По возникающим вопросам обращаться на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2022
© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2022
© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2022

© 2022 г.

С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР

ОДНОПОЛЯРНОСТЬ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И БИПОЛЯРНЫЕ КОАЛИЦИИ. XXI ВЕК

КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Института экономики РАН, Москва, Россия (kirdina@bk.ru).

***Аннотация**. В статье рассмотрены последствия одного из актуальных аспектов сложного и по некоторым оценкам катастрофического состояния современного мира – столкновения противоречивых тенденций глобализации и суверенизации. Нисходящий тренд глобализации (не путать с интернационализацией) наблюдается после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Он усилился под воздействием ковид-пандемии и санкционных рестрикций. Тенденции суверенизации, в том числе под влиянием данных факторов, наоборот, имеют восходящий тренд. В 2020-е гг. противоречивые тенденции глобализации и суверенизации обострили угрозу мирового хаоса. Разрешение противоречивых тенденций и формирование нового мирового порядка возможны на основе одной из моделей (нового) однополярного, многополярного или биполярного мира. В статье сопоставляются перспективы каждой из этих активно обсуждаемых моделей мирового развития. На основе проведенного анализа, опирающегося на теорию институциональных X-Y-матриц и эмпирические данные, обосновывается наибольшая вероятность становления биполярного мира. Его особенность, однако, состоит не в кристаллизация двух «полюсов силы» в виде соперничающих государств, а в институционализации равно могущественных межгосударственных биполярных коалиций. Их состав был спрогнозирован автором ранее (Кирдина, 2014) и подтверждается современной практикой.*

***Ключевые слова:** новый мировой порядок • глобализация • однополярность • суверенизация • многополярность • биполярные коалиции • теория институциональных X-Y-матриц • теоретический синтез*

DOI: 10.31857/S013216250022645-2

Алармистские оценки кризиса в международных отношениях и угрозах стабильности мирового порядка актуальны как никогда. Озабоченность «большой дестабилизацией» [Громыко, 2017: 59] усугубляется локальными военными конфликтами, которые охватывают все больше стран мира и перемещаются с периферии в центр [Степанова, 2020]. В научных и медийных дискуссиях обсуждаются перспективы и условия становления нового мироустройства, которое исключило бы катастрофические сценарии. «Мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка. Хаос угрожает нам…» [Киссинджер, 2016: 10]. Искомая концепция мирового порядка может быть основана на (новой) однополярности, многополярности или биполярности. В статье рассмотрены теоретические

Статья подготовлена в соответствии с планом государственного задания Института экономики РАН, рег. № 121030500099-6.

Автор благодарна В.И. Маевскому за ценные замечания, И.Л. Кирилюку за помощь в проведении расчетов, А.И. Волынскому и М.А. Кругловой за техническую поддержку.

и эмпирические аргументы относительно перспектив каждой из моделей. Особое внимание уделяется рассмотрению противоречий глобализации и суверенизации, с одной стороны, и роли биполярных коалиций в разрешении этих противоречий и становления более стабильного мира, с другой стороны[1].

Глобализация (≠ интернационализация): нисходящий тренд. При всем разнообразии подходов к определению глобализации в социальных науках можно выделить два основных.

При первом более широком подходе глобализация понимается как *интернационализация*, то есть процесс роста межнациональных связей и усиления взаимозависимости различных государств и организаций, росте их активности за пределами географических и национальных границ. В ходе интернационализации возникают международные объединения в различных сферах – экономической, политической, культурной, военной и т.д., растут объемы морских перевозок между континентами, обмены населением (миграция, туристы), иностранные инвестиции в национальные экономики и т.д. Интернационализация представляет собой вечный и естественный процесс, она сопровождает развитие человечества и опосредует взаимодействие людей, организаций и стран в мире, делая его все более взаимосвязанным. Интернационализация постоянно усиливается и имеет восходящий тренд.

При втором более узком подходе глобализация понимается не как вечный, но современный и направляемый процесс. Его суть состоит в *универсализации* экономических, политических и идеологических институтов, в том числе тех, что имеют наднациональный характер. «Глобализация – процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации»[2], при этом реализуется «американо-европейская либеральная модель глобализации» [Бузгалин, 2008]. Данное понятие глобализации, которого мы придерживаемся в данной работе, опирается на социологические теории глобализации, которые, в свою очередь, наследуют теориям модернизации 1950–1960- х гг. (Т. Парсонс, С. Хантингтон, Э. Шилз). Модернизация предполагает вытеснение традиций современностью и восходящее линейное движение к более развитым, прогрессивным формам общественной организации, которые предлагают развитые страны. Их распространение по всему миру означает «конец истории» [Fukuyama, 1992][3]. Обоснование модернизации, активно выходящей за национальные границы и обеспечивающей становление глобального модерного общества, продолжено в теориях глобализации. К ним относят концепции, которые концентрируются на разных сторонах универсального для разных стран вектора развития: мир-системная теория, теории глобального капитализма, сетевого общества, теории транснационализма, постмодерн и др. [Robinson, 2007].

Так, для автора мир-системной теории И. Валлерстайна «современный мир – это, прежде всего, капиталистический мир. Исследователь программно отказывается от того, что сегодня обычно обозначается как "методологический национализм", т.е. подход, при котором за основную единицу социологического анализа берется общество в рамках национального государства. Он утверждал, что капитализм с самого начала был вопросом не национальных государств, а явлением, которое развивается в мировом масштабе в процессах долгосрочной динамики…» [Шубрт, 2020: 102]. При этом именно «демократические развитые страны определяют лицо современности. Миссия США и других развитых стран заключается в том, чтобы привести отсталые традиционные страны в современность…»[4].

---

[1] Биполярные коалиции рассматриваются как один из вариантов будущего миропорядка, дискуссии по поводу которого начаты в журнале «Социологические исследования», № 7, 2022. Однако в этих дискуссиях были в фокусе анализа перспективы России в будущем мироустройстве. В данной статье речь идет о более широком международном контексте.

[2] См.: URL: https://artsandculture.google.com/entity/m0cjr0?hl=ru (дата обращения: 16.05.2022).

[3] В интервью 30 марта 2022 г. Фукуяма опроверг сам себя, вынужденный признать «конец конца истории» в наше время. URL: https://www.newstatesman.com/encounter/2022/03/francis-fukuyama-on-the-end-of-the-end-of-history (дата обращения: 16.05.2022).

[4] *Калхун К.* Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал // Институт общественного проектирования (ИНОП). 20 марта 2006. URL: http://www.inop.ru/reading/page68/ (дата обращения: 16.03.2020).

С 1990-х гг. «в качестве доминирующей силы, заинтересованной в глобализации и глобальном господстве, утвердились США» [Проданов, 2017: 173].

Теории глобализации служат важным средством легитимации[5] идеологического влияния капиталистических стран и США, которые выполняют роль гегемона глобализации: по сути, «гегемония есть легитимное правление доминирующей державы» [Hegemony and World Order, 2021: 3], использующей как жесткую, так и мягкую силу для поддержания своего доминирования. Чем могущественнее гегемон, тем успешнее глобализация в понимаемом здесь смысле.

Однако в XXI в. роль США как гегемона ослабевает [Wallerstein, 2003]. Поэтому глобализация, по мнению как её критиков, так и сторонников, затормозилась. «В то время как в 1990-х гг. Соединенные Штаты почти повсеместно считались единственной и непоколебимой сверхдержавой в мире, ко времени финансового краха 2008 г. представление о том, что гегемония США находится в глубоком и потенциально смертельном кризисе, переместилось из периферии в мейнстрим» [Silver, Rayne, 2020: 17]. Экономическими параметрами этого кризиса служат цифры снижения доли валового внутреннего продукта (ВВП) США в мире, особенно по сравнению с его основным экономическим конкурентом Китаем (табл. 1).

Таблица 1

Доли США и КНР в мировом ВВП (по паритету покупательной способности), 1990–2021, *%*

Страны	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2021
США	20,3	20,3	20,9	19,6	16,8	16,3	15,7
КНР	3,7	5,9	7,4	9,8	13,7	16,1	18,6

Источники: МВФ: International Monetary Fund's World Economic Outlook Database, April 2022 Edition; Мировой Банк: data.worldbank.org: GDP, PPP (current international $). Рассчитано автором.

Итак, США теряют лидерские позиции и право на мировую гегемонию [Kagan, 2008], что сопровождается замедлением процессов глобализации и глобальных связей, например сокращением темпов роста мировой торговли. «До 2000-х гг. мировая торговля росла в два раза быстрее в объемных показателях, чем мировой ВВП. В 2016 г. она росла примерно вполовину медленнее» [Дегарден, 2017: 73], и эта тенденция, усугубленная ковидными ограничениями, продолжается. Одной из причин этого, по данным МВФ, становится протекционизм [там же], т.е. стремление многих стран к экономической (и не только) самостоятельности и независимости.

Также причина замедления глобализации состоит в ее негативных последствиях: становится очевидным, что глобализация рынков приводит к улучшению положения для одних и ухудшению – для других, усиливая социальные неравенства и противоречия [Rodrik, 2017; Stiglitz, 2017]. «Глобальная экономика закрывается», как следует из исследования агентства Bloomberg[6], и «в будущем экономики определённо будут менее открытыми, чем сегодня»[7].

Суверенизация и постглобальный суверенитет: восходящий тренд. Отмеченное выше замедление торговли и глобальных связей привлекло внимание ученых всего мира и открыло непрекращающиеся дискуссии о деглобализации (обзор см. в [Witt, 2019]). Характерной чертой этого постглобального периода является восходящий тренд суверенизации и «капсуляции отдельных государств и блоков» [Проданов, 2017: 173].

В современном дискурсе суверенитет понимается как возможность отдельного государства иметь «право и силу определять для себя самостоятельно, а не по приказу других,

[5] Легитимация – способ объяснения и оправдания социальных и политических отношений, их когнитивная и нормативная интерпретация (П. Бергер, Т. Лукман).

[6] Das Satyajit. The Closing of the World Economy. URL: https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-09-14/governments-areleading-the-attack-on-globalization (дата обращения: 14.09.2020).

[7] *Li Eric X.* The End of Globalism // Foreign Affairs. 2016. December 9. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/unitedstates/2016-12-09/end-globalism/ (дата обращения: 16.05.2022).

основные вопросы, касающиеся своего существования»[8]. В понятии суверенитета связываются внешние (запрет на вмешательство, равенство) и внутренние (безопасность, мир) условия существования государства. По сути, суверенитет означает для государства «право на развитие». Суверенитет и государственность взаимосвязаны: несуверенное государство рассматривается как квазигосударство. Как правило, в поворотные исторические моменты концепты суверенитета актуализируются, заново переосмысливаются и наполняются новым содержанием[9]. В условиях деглобализации понятие суверенитета снова «выходит на арену» и требует своего развития и артикуляции.

Смещение фокуса от глобализации к суверенизации и усиление «постглобального суверенитета» [Пономарева, 2007: 101], или, другими словами, «глобального протекционизма» [Mariotti, 2022], соединяется с осознанием того, что «(н)екоторые страны используют язык глобализации в погоне за очень национальными повестками дня»[10] и не пренебрегают рестрикциями в отношении других стран. Поэтому экономические и политические интересы стран «дрейфуют» в сторону большей суверенизации.

Известно, что суверенитет, который может казаться невидимым, проявляет себя, как правило, во времена кризисов и потрясений. В такие периоды неустойчивости финансовых рынков, разрывов логистических цепочек, санкционных демаршей и т.п. становится очевидной *мера* суверенности государства, возрастает потребность в независимости и протекционизме [Enderwick, 2011: 326] и происходит возврат «к старой парадигме национальных интересов» [Вятр, 2017: 52]. Тогда государство, «сцементированное экономическим патриотизмом и национальной безопасностью», осознает свою роль как «стратега» [Lenway, Murtha, 1994] и становится управляющим актором в новой системе глобального протекционизма.

Какие факты говорят нам о возрастающем тренде суверенизации? Во-первых, видимым (хотя и малозамеченным) явлением служит рост количества физических ограждений и стен между государствами. Зарубежные авторы приводят интересную статистику: за период 1945–1989 гг. государства возвели между собой 19 стен, в 1991 г. это количество сократилось до 12 (что стало отражением эпохи «падения Берлинской стены»). Однако уже к 2014 г. таких стен стало 64 [Borders et al., 2014: 2]. Эти новые стены защищают государства не от военных нападений соседей, как это было ранее, но маркируют незримые границы стран как различных экономических, политических и культурных систем[11] и препятствуют глобальным «нежелательным» потокам мигрантов, туристов, товаров, услуг и др.[12]

Во-вторых, восходящий тренд суверенизации отражается в стремлении к (ре)локализации производства на собственной территории в большинстве стран мира. Если с 1960-х гг. в мировой экономике преобладал так называемый офшоринг, т.е. вывод производства на территорию других стран (обычно из развитых стран в развивающиеся, где издержки производства были ниже), то с 2010-х гг. развивается противоположный процесс – так называемый решоринг, т.е. возвращение ранее перенесенного производства обратно в страну. Программы решоринга направлены на повышение самодостаточности и устойчивости национального производства, на противодействие пандемийным рискам, в том числе связанным с ними разрывами логистических цепочек, на укрепление социально-экономической и политической стабильности внутри страны. Среди программ решоринга – запущенные в США программа «Переделка Америки» (Remaking America) 2010 г. во время президентства Б. Обамы; программа администрации Д. Трампа «Америка прежде всего»

---

[8] *Oji E.I., Ozioko M.V.C.* Effect of globalization on sovereignty of states. 2011. P. 259. URL: https://www.ajol.info/index.php/naujilj/article/view/82410 (дата обращения: 16.05.2022).

[9] *Volk C.* The problem of sovereignty in globalized times // Law, Culture and the Humanities. 2019. February 21. DOI: 10.1177/1743872119828010 (дата обращения: 06.06.2022).

[10] *Oji O.* Op. cit., p. 270.

[11] *Jones R.* Borders and Walls: Do Barriers Deter Unauthorized Immigration? October 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/348548402_Borders_and_Walls_Do_Barriers_Deter_Unauthorized_Immigration (дата обращения: 12.05.2022).

[12] С августа 2022 г. физические стены стали дополняться «визовыми стенами» между государствами.

(America first), заявленная им в президентской кампании в 2016 г.; программа Белого дома от 24 февраля 2021 г., по «восстановлению внутренних производственных мощностей», артикулированная президентом Дж. Байденом [Mariotti, 2022]. Известны аналогичные программы европейских стран – «Reshore UK» в Великобритании по перемещению зарубежных производственных мощностей обратно в страну и «Colbert 2.0» во Франции для поощрения продуктов «Сделано во Франции» и оживления внутреннего спроса; выделяются средства на аналогичные цели в Японии, Южной Корее и других азиатских государствах [ibid]. В современной России также идет релокализация производства критических товаров, национализации техстандартов и т.д.[13] Программы релокализации и решоринга отражают активный характер политики государств, направленной на повышение национальной конкурентоспособности. Её называют «политикой активистского экономического национализма» [Rodrik, 2017; Stiglitz, 2017], усиливающей суверенитет государств.

В-третьих, страны мира все шире внедряют концепции так называемой «технологической суверенизации», «технологической островизации»[14] или «нового технонационализма», которые «напрямую связывают технологические возможности с национальной безопасностью страны и геополитическими преимуществами и включают правовые и нормативные ограничения или санкции против избранных иностранных инвесторов или иностранных компаний» [Luo, 2022: 551]. Сам термин «технонационализм» возник в 1980-х гг. [Reich, 1987]. Традиционно под ним понимали комплекс политик и институтов, направленных на усиление конкурентоспособности нации за счет внедрения инноваций и распространения новых технологий. В отличие от традиционного понимания, «новый технонационализм» дополняется набором идеологических, политических, экономических соображений, а также соображениями безопасности, что роднит его с понятиями глобального протекционизма [Mariotti, 2022] и суверенитета.

Восходящий тренд суверенизации охватывает процессы не только территориального, воздушного и акваториального суверенитета, но также цифровой независимости и её защиты. Он проникает в культурное, коммуникативное, идеологическое пространство, где, соответственно, вводятся понятия «ценностного суверенитета» и «культурного суверенитета» (имеющие как позитивную[15], так и негативную[16] коннотации) и т.д.

Столкновение восходящего тренда суверенизации с нисходящим трендом глобализации расшатывает основы мирового порядка. Последние годы всё больше экспертов отмечают, что «налицо окончание эпохи глобализации в том понимании, которое было принято в последние несколько десятилетий, и наступление дезинтеграции глобального порядка, хаоса, принципиально другого мира» [Дуткевич, Казаринова, 2017: 79]. Также эксперты обращают внимание на дополнительные факторы дестабилизации и роста противоречий между странами, связанные с общими закономерностями социально-экономического развития. Так, сторонники теории длинных волн Кондратьева отмечают, что имеет место повышательная фаза очередной шестой волны цикла Кондратьева, начавшаяся на рубеже 2020-х гг. [Grinin et al., 2016]. Она сопровождается сменой лидирующей техноэкономической парадигмы [Perez, 2009; Глазьев, 2022], когда *в лидеры выходят новые государства*, сумевшие развить соответствующий новому укладу комплекс технологий. На эту волну накладывается смена циклов накопления капитала с начала 2000-х гг. – американский вековой цикл сменяется азиатским [Arrigi, 2007; Глазьев, 2022]. Система институтов, задававшая ход американскому циклу накопления, не обеспечивает более поступательного развития производительных сил. На периферии американского цикла накопления возник новый центр

---

[13] См.: URL: https://lenta.ru/news/2022/06/09/toto/ (дата обращения: 16.05.2022).

[14] См.: URL: https://publico.ru/topics/tehnologicheskaya-ostrovizacziya/ (дата обращения: 18.05.2022).

[15] См.: URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2021/11/chernyahovskij-chernyahovskaya-vyzovy-i-ugrozy…pdf (дата обращения: 20.06.2022).

[16] URL: https://www.quora.com/What-are-the-seven-cultural-universals-What-do-they-mean (дата обращения: 20.06.2022).

быстро расширяющегося воспроизводства, который в сфере производства товаров превзошел США. Лидер этого нового центра Китай уже опережает США по объему ВВП, как отмечено выше.

Кумулятивный эффект данных факторов приводит к тому, что стремление к суверенизации на фоне свёртывания глобализации вызывает рост неопределенности и конфликтности в мире. З. Бауман определял такие состояния общества, как *Interregnum* («междуцарствие»), когда прежние парадигмы миросуществования уже не работают, но новые парадигмы еще не артикулированы и правила игры недоопределены [Bauman, 2005].

Преодоление состояния хаотичности современного мира с ещё только формирующимися «полюсами силы» предполагает опору на взаимоприемлемую в международном масштабе модель нового мирового порядка. Наиболее обсуждаемыми являются модели однополярного, многополярного и биполярного мира.

Биполярные коалиции как альтернатива однополярному и многополярному миру. «Бесполюсный мир – феномен, известный своей неопределенностью, исторически и геополитически чрезвычайно опасный, когда ни на минуту не утихает борьба всех против всех… он опасен еще и непредсказуемостью последствий: во что он трансформируется и какой образец миропорядка победит» [Данилов, 2017: 68]. Рассмотрим перспективы его основных образцов (моделей).

Однополярный мир. Однополярность означает гегемонию одного глобального игрока. Такой мир предполагали сторонники теории глобализации и концепции «конца истории» Фукуямы. «Униполярность,– писали они,– представляет собой конечную точку эволюции» [Страус, 1997: 27], и наступление эпохи однополярного мира просто «отмечено печатью неизбежности» [там же]. Однополярность при таком понимании означала конец века идеологических противостояний, глобальных революций и войн в связи с победой либерально-демократической идеологии. Однако против однополярности выступила сама история – мы наблюдаем закат глобализации во главе с мировым гегемоном. Кроме того, глобальная однополярность несет угрозу демократии, поскольку супердержава испытывает искушение использовать свое положение себе во благо, не принимая во внимание интересы других стран [Köchler, 2020]. Поэтому «новая однополярность» не рассматривается реалистичными экспертами как возможная модель преодоления мирового хаоса.

Многополярный мир. Тезис о многополярности[17] как устойчивом состоянии мира имеет множество сторонников – как среди экспертов и учёных, так и среди политиков. Соответственно, приверженность идее многополярности формирует у исследователей соответствующий фокус анализа, позволяющий находить ей подтверждение и строить сопутствующие прогнозы. Так, уже отмечается, что при сохранении элементов «системы однополярного мира с начала века над ними надстраиваются "этажи полицентризма"» [Громыко, 2017: 59], и в перспективе условия «конструктивного полицентризма» позволят миру стать стабильнее. Высказывается утверждение, что «главной перспективной проблемой мироустройства, которую нужно решать, является нахождение оптимальных условий рациональных отношений между локальными цивилизациями с исключением возможности их столкновения. … при определении взаимоотношений между цивилизациями в долгосрочной перспективе необходимо исходить из принципа многополярности, равноправия и учета разнообразия интересов и разрешения возникающих противоречий на основе компромисса и консенсуса» [Акаев, 2017: 30].

Статистическим обоснованием перехода к многополярному миру выступают прогнозы переформатирования системы крупнейших экономических центров, сопоставимых друг с другом по мощности, но цивилизационно и культурно отличных. «Так, ожидается, что к 2030 г.

---

[17] Говорят также о «полицентричном, многополюсном миропорядке» [Гатилов, 2017: 54], мироустройстве взаимодействующих локальных цивилизаций [Акаев, 2017], полицентризме [Громыко, 2017], «многополярной констелляции»» [Köchler, 2020] и др. конфигурациях как средстве стабильности мирового порядка и суверенного равенства.

США по реальному ВВП уступят первенство Китаю, Индия поднимется с 10-го на 3-е место, а Бразилия до 2050 года с 6-й позиции вслед за Дели займет 4-ю строчку. При этом за тот же период Япония опустится с 3-го на 5-е место, Германия – с 4-го на 9-е, Франция – с 5-го на 10-е, а Италия и Британия вовсе покинут первую десятку крупнейших экономик мира. Россия в этих расчетах с 9-й позиции поднимется на 6-ю» [Miller, 2015: 11].

При этом сторонники многополярности полагают: «Попытки построить однополярный или двухполярный мир при гегемонии ведущих цивилизаций (сверхдержав) весьма опасны и обречены на провал» [Акаев, 2017: 33]. В свою очередь, противники многополярности отождествляют её с хаосом [Киссинджер, 1997] и полагают переходной фазой от однополярного мира к биполярному [Арин, 2001].

Биполярный мир. Биполярность означает наличие полюсов экономической и политической силы в виде двух (групп) государств и раздел между ними сфер влияния с обозначением фронтиров и правил диалога. Существуют различные точки зрения по поводу биполярности. Согласно одной из них, биполярность существовала лишь во времена противостояния СССР и США во второй половине XX в., и «ничего подобного противостоянию этих полюсов не случалось в истории международных отношений ни XIX в., ни в более ранний период. И ничего похожего не предвидится в будущем» [Кирсанов, 2009: 137]. Сегодня можно лишь испытывать своеобразную ностальгию по прошедшей эпохе такого биполярного мира, где обоюдное владение сторон смертоносным оружием планетарного масштаба делало «военное столкновение между ними в последнее десятилетие XX века … немыслимым. Это делало миропорядок устойчивым, исключающим возможность военных катаклизмов мирового масштаба» [Данилов, 2017: 69].

Другая точка зрения предполагает, что в современном мире уже выделяются два полюса, причем один из них (Запад) является монолитным, а другой – весьма рыхлым, состоящим из автономных компонентов. Он, по разным оценкам, включает Россию, Китай и Индию [Яковлев, 2000], Россию, Японию, Германию и Иран [Дугин, 2004], или лишь Россию и Китай[18]. Формирование такой биполярной геополитической структуры связывают с постоянным противостоянием морских (талассократических) и континентальных (теллурократических) государств, объединённых в два геополитических блока, борющихся за влияние на мировой арене.

Согласно третьей точке зрения биполярность присуща миру органически: «На глобальном уровне мировая общественная система всегда была и остается в первом приближении биполярной, что проявляется в её структуре-инварианте … однополюсность вообще противоречит законам природы. Мир просто обречён быть биполярным, ибо полюса должны дополнять друг друга в рамках единства противоположностей» [Тихомиров, 1997: 54–55]. Биполярность обеспечивает динамическое напряженное равновесие (во времена СССР использовался термин «мирное сосуществование») и предотвращает конфликты, особенно в том случае, если она институционализируется путем создания равномощных «симметричных» коалиций[19].

В XXI в. мы наблюдаем новый процесс институционализации биполярных коалиций, который приобретает все более планетарный характер. Его содержанием являются, с одной стороны, рост и оформление прежде «рыхлой» так называемой незападной коалиции и, с другой стороны, всё более отчётливая кристаллизация растущей западной коалиции. При этом, учитывая состав входящих в них стран, есть основания называть их, соответственно, X- и Y-коалициями. Дело в том, что, несмотря на разнообразие возникающих альянсов, за ними просматриваются контуры объединения, с одной стороны, стран

---

[18] *Чжао Хуашен.* Биполярность, однополярность и многополярность в современном мире. 28 октября 2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bipolyarnost-odnopolyarnost-i-mnogopolyarnost-v-sovremennom-mire/ (дата обращения: 14.05.2022).

[19] Пример: истории войн в Европе, стихавших в периоды «уравновешивания» сил противостоящих коалиций; период «холодной войны» между СССР со странами Варшавского договора и США со странами НАТО в условиях ядерного паритета [Gaddis, 1986: 142].

с доминированием институтов X-матрицы: страны БРИКС, другие страны Азии и Латинской Америки, а с другой – западных стран с доминированием институтов Y-матрицы [Кирдина, 2014; Kirdina-Chandler, 2017]. Тренд институционализации этих коалиций мы заметили ещё в 2014 г.: «…биполярность находит свое выражение не только в концентрации материально-технологического потенциала в каждой из групп стран, но и в укреплении и развитии институциональных структур и связей. В конечном счете, именно они становятся вехами так называемого "нового мирового порядка"…На одном полюсе этого порядка концентрируются западные страны с доминированием институтов Y-матрицы. Они все более укрепляют сотрудничество между собой… На другом полюсе, включающем группы стран с доминированием X-матрицы, идут параллельные процессы» [Кирдина, 2014: 315–316]. Рассмотрим подробнее развитие этих коалиций в XXI в.

Стержнем незападной X-коалиции служат структуры ШОС (основана в 2001 г., до 2001 г. – «Шанхайская пятерка»), БРИКС (2006) и СНГ (1991)[20], в которые входят все большее количество государств и состав которых всё более пересекается (табл. 2).

К настоящему времени круг участников данных организаций (без учёта подавших заявки и выразивших намерение вступить) объединяет 26 стран, в которых доминируют институты X-матрицы. Общность их повестки была зафиксирована в 2020 г., когда впервые

Таблица 2

Динамика состава международных организаций ШОС, БРИКС и СНГ, 2001–2022 гг.

Международные организации	2001 количество (состав)	2022 количество (состав)
ШОС	**5** (страны-члены: Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия)	**21** (8 стран-членов: Индия, Казахстан, Киргизия, Китай, Пакистан, Россия, Таджикистан, Узбекистан, 4 страны-наблюдателя: Афганистан, Белоруссия, Иран, Монголия, 9 партнёров по диалогу: Азербайджан, Армения, Египет, Камбоджа, Катар, Непал, Саудовская Аравия, Турция, Шри-Ланка)
БРИКС	**4** (Бразилия, Россия, Индия, Китай)	**5** (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) <+ **2** заявки на вступление: Аргентина, Иран, + **3** заявленных намерения вступить: Турция, Египет, Саудовская Аравия>
СНГ	**10** (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан)	**10** (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения как член-наблюдатель)
Итого стран в X-коалиции (с учётом пересечений)	**13**	**26**

Источник: сайты sectsco.org; infobrics.org; cis.minsk.by. Расчеты автора.

[20] ШОС – Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС – межгосударственное объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики, СНГ – Содружество Независимых Государств.

Таблица 3

Динамика количественного состава международных организаций НАТО и Евросоюз, 2001–2022 гг.

Международные организации	2001 количество (состав)	2022 количество (состав)
НАТО	**19** (США, Канада, Исландия, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Италия, Португалия, Греция, Турция, Германия, Испания, Венгрия, Польша, Чехия)	**30** (США, Канада, Исландия, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Италия, Португалия, Греция, Турция, Германия, Испания, Венгрия, Польша, Чехия, Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Эстония, Хорватия, Албания, Черногория, Северная Македония) <+ **2** заявки на вступление: Финляндия, Швеция>
Евросоюз	**15** (Бельгия, Великобритания, Франция, Италия, Люксембург, Нидерланды, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Португалия, Австрия, Финляндия, Швеция)	**27** (Бельгия, Франция, Италия, Люксембург, Нидерланды, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Португалия, Австрия, Финляндия, Швеция, Кипр, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Хорватия, Болгария, Румыния)
Итого стран в Y- коалиции (с учётом пересечений)	**23**	**36**

Источник: данные сайтов http://europa.eu; nato.int. Расчеты автора.

в качестве международного форума был апробирован формат ШОС+, в котором участвовали страны ШОС, СНГ и БРИКС.

В свою очередь, стержнем западной Y-коалиции являются организации НАТО (основан в 1949 г.) и Евросоюз (1993), составы которых также пересекаются (табл. 3).

Стержень современной Y-коалиции, которая начала институционализироваться на 40 лет раньше, включает в себя 36 стран, что почти на 40% больше, чем количество стран в X-коалиции. Однако темпы роста последней выше: за последние двадцать лет она увеличилась в 2 раза, в то время как коалиция Y-стран – в полтора раза.

Обе коалиции, несмотря на различие по конкретным параметрам (территория, население, объем производства, национальное богатство, военный потенциал, технологии, медийная сила и др.), в целом уже вполне сопоставимы по суммарной мощи. Более того, по некоторым параметрам можно предположить дальнейшее усиление мощности X-коалиции. Об этом свидетельствует долговременная динамика показателей ВВП, производимого группами X- и Y-стран (рис.).

Видно, что со второй половины XX в. рост доли X-стран в мировом ВВП имеет долговременный и устойчивый характер, а с начала века она уже опережает долю Y-стран. Можно ожидать, что этот процесс приведет к росту влияния образуемой X-коалиции не только в экономической, но и в идеологической сфере. Это дает основания предполагать, что институционализация биполярности в XXI в. не будет означать возвращение к дискурсу холодной войны и конфронтации двух полюсов силы, пронизанной дихотомией «друг-враг» [Schmitt, 2007 (1932)], характерной для доминирования западных стран. Скорее она поддержит диалог между крупными равнозначимыми субъектами мировой политики на основе более привычных для X-стран коммунитарных и кооперативных идеологических

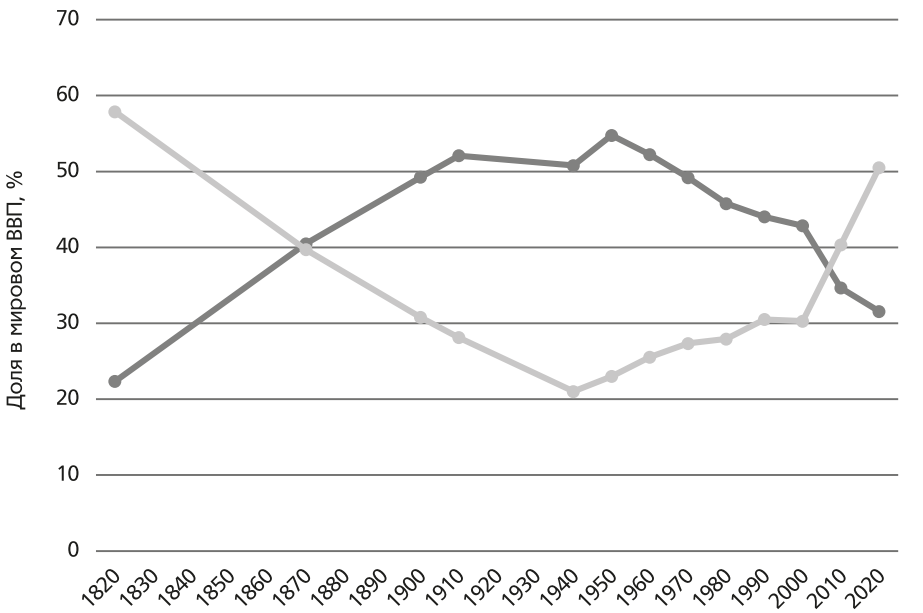

Рис. Доли ВВП стран с доминированием институтов X- (серая линия) и Y- (черная линия) матрицы, 1820–2020 гг.

Источник: Maddison Database; Worldbank Database. О методике проведения расчетов см. http://www.kirdina.ru/doc/book/XYbook3.pdf (с. 309–313). Расчёты выполнены И.Л. Кирилюком.

ценностей[21]. Обе коалиции смогут дополнять друг друга в рамках «единства противоположностей» и способствовать преодолению противоречий разнонаправленных процессов глобализации и суверенизации, а также поддержанию коллективной безопасности. Тем самым это поможет спасти мир от катастрофы.

На наш взгляд, для современной России упрочение и развитие мировой X-коалиции и своей роли в ней – магистральный путь развития. Его осознание мы видим в активизации усилий нашей страны в данном направлении в последние годы и месяцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акаев А.А. О перспективах становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 30–34.

Арин О.А. (Алиев Р.Ш.) Двадцать первый век: мир без России. М.: Альянс, 2001.

Бузгалин А.В. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. 2008. Вып. 1. С. 120–127.

Вятр Е.Й. К новому мировому порядку XXI века // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 51–53.

[21] Об отказе от идеологизированных подходов времен «холодной войны», уважении ценностей равенства, мира и справедливости и равноправном диалоге между странами см.: «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» от 4 февраля 2022 г. (URL: http://kremlin.ru/supplement/5770).

Гатилов Г.М. О некоторых новых вызовах и угрозах в глобальном мире на современном этапе // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего СПб.: СПбГУП, 2017. С. 54–58.

Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 95–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19–1.6.

Громыко Ал.А. Глобальная (не)безопасность: национальные интересы России // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 59–63.

Данилов А.Н. Глобальный хаос в бесполюсном мире: на пути к новому миропорядку // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 68–71.

Дегарден Б. Международные проблемы: экономические и социальные вызовы // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 71–79.

Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Эксмо, Яуза, 2004.

Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 79–82.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд. М.–СПб.: Нестор-История, 2014.

Кирсанов В.П. Социальная природа биполярного мира // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 36. С. 35–138.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.

Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2016.

Пономарева Е. Суверенитет в условиях глобализации. Понятийная категория и политическая практика // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 95–109.

Проданов В. От глобализации к деглобализации // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 173–175.

Степанова Е. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 24–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39.

Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 27–44.

Тихомиров В.Б. «Глобальное супружество»: разумное единство противоположностей в мировой системе государств // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 53–55.

Шубрт И. Иммануил Валлерстайн: взгляд на труды социолога мирового масштаба // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 101–109. DOI: 10.31857/S013216250009304-7.

Яковлев А.Г. И все же на горизонте двухполюсный мир // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 29–41.

Arrighi G. Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-first Century. L.: Verso, 2007.

Bauman Z. 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge: Polity, 2005.

Borders, Fences and Walls. State of Insecurity? / Ed. by *E. Vallet*. NY: Ashgate, 2014.

Enderwick P. Understanding the rise of global protectionism // Thunderbird International Business Review. 2011. No. 53(3). P. 325–336. DOI: 10.1002/tie.20410.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. NY: Free Press, 1992.

Gaddis J.L. The long peace: elements of stability in the postwar international system // International Security. 1986. No.10(4). P. 99–142. DOI: 10.2307/2538951.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery. Cham: Springer, 2016.

Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics / Ed. by *P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte*. Abingdon, Oxon; NY: Routledge, 2021.

Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. NY: Vintage, 2008.

Kirdina-Chandler S.G. Institutional Matrices Theory, or X- and Y-Theory: A Response to F. Gregory Hayden // Journal of Economic Issues. 2017. No 51(2). P. 476–485. DOI: 10.1080/00213624.2017.13214282017.

Köchler H. (ed.). Globality versus Democracy? The Changing Nature of International Relations in the Era of Globalization. (Studies in International Relations. Vol. XXV). Vienna: International Progress Organization, 2000.

Lenway S.A., Murtha T.P. The state as strategist in international business research // Journal of International Business Studies. 1994. No 25(3). P. 513–535. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490210.

Luo Y. Illusions of techno-nationalism // Journal of International Business Studies. 2022. No. 53(3). P. 550–567. DOI: 10.1057/s41267-021-00468-5.

Mariotti S. A warning from the Russian–Ukrainian war: avoiding a future that rhymes with the past // Journal of Industrial and Business Economics. 2022. DOI: 10.1007/s40812-022-00219-z.

Miller D.T. Defence 2045. A Report for the CSIS International Security Program. Lanham, Boulder, New York, London: CSIS, 2015. Nov.

Perez C. Technological Revolutions and Techno-Economic Paradigms. WP N20. Tallinn: NTUT, 2009.

Reich R.B. The rise of techno-nationalism // The Atlantic Monthly. 1987. No. 259(5). P. 63–69.
Robinson W.I. Theories of globalization // Blackwell Companion to Globalization / Ed. by. *G. Ritzer.* Oxford: Blackwell, 2007. P. 125–143.
Rodrik D. Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy. Princeton: Princeton University Press, 2017.
Schmitt C. The Concept of the Political. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2007 [1932].
Silver B.J., Payne C.R. Crises of world hegemony and the speeding up of social history // Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics / Ed. by *P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte*. NY: Routledge, 2020. P. 17–31.
Stiglitz J.E. Globalisation and Its Discontents Revisited: Anti-Globalisation in the Era of Trump. NY: W.W. Norton & Company, 2017.
Wallerstein I. The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. NY: The New Press, 2003.
Witt M.A. De-globalization: Theories, predictions, and opportunities for international business research // Journal of International Business Studies. 2019. No. 50(7). P. 1053–1077. DOI: 10.1057/s41267-019-00219-7.

Статья поступила: 28.07.22. Финальная версия: 25.08.22. Принята к публикации: 06.09.22.

UNIPOLARITY, MULTIPOLARITY AND BIPOLAR COALITIONS. XXI CENTURY

KIRDINA-CHANDLER S.G.

Institute of Economics of RAS, Russia

Svetlana G. KIRDINA-CHANDLER, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Head of the Sub-Division at the Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia (kirdina777@gmail.com).

Acknowledgements. The article was prepared in accordance with the state task plan of the Institute of Economics of RAS, reg. No. 121030500099-6.

The author is grateful to V.I. Mayevsky for valuable comments, I.L. Kirilyuk for help in carrying out calculations, A.I. Volynsky and M.A. Kruglova for technical support.

Abstract. The paper considers the consequences of one of the topical aspects of the complex and, according to some estimates, catastrophic state of the modern world – the collision of conflicting trends in globalization and sovereignty. The downward trend of globalization (not to be confused with internationalization) is observed after the global financial and economic crisis of 2008–2009. It has intensified under the influence of the covid pandemic and sanctions restrictions. Sovereignty trends, including those influenced by these factors have, on the contrary, an upward trend. In the 2020s, the contradictory tendencies of globalization and sovereignty increased the threat of world chaos. The resolution of contradictory tendencies and the formation of a new world order is possible on the basis of one of the models of a (new) unipolar, multipolar or bipolar world. The paper compares the perspectives of each of these actively discussed models of world development. On the basis of the analysis carried out, based on the theory of institutional X-Y matrices and empirical data, the greatest probability is the formation of a bipolar world. Its peculiarity, however, lies not in the crystallization of two "poles of power" in the form of rival states, but in the institutionalization of similar powerful international bipolar coalitions. Their composition was predicted by the author in the book "Institutional Matrices and the Development of Russia…" (Kirdina, 2014) and is confirmed by recent practice.

Keywords: new world order, globalization, unipolarity, sovereignty, multipolarity, bipolar coalitions, theory of institutional X-Y matrices.

REFERENCES

Akaev A.A. (2017) On the prospects for the establishment of a sustainable multipolar world order based on the partnership of civilizations. In: *Global World: Systemic Shifts, Challenges, and Shapes of the Future*. St. Petersburg: SPbGUP: 30–34. (In Russ.)
Arin O.A. [Aliev R. Sh.] (2001) *Twenty-first Century: The World without Russia.* Moscow: Alliance. (In Russ.)
Arrighi G. (2007) *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-first Century*. London: Verso.
Bauman Z. (2005) *44 Letters from the Liquid Modern World*. Cambridge: Polity.
Borders, Fences and Walls. State of Insecurity? (2014) Ed. E. Vallet. New York: Ashgate.

Buzgalin A.V. (2008) Alter-globalism: in search of a positive alternative to the new empire. *Vek globalizatsii* [Century of Globalization]. No.1: 120–127. (In Russ.)

Danilov A.N. (2017) Global chaos in a non-polar world: on the way to a new world order. In: *Global World: Systemic Shifts, Challenges, and Shapes of the Future*. St. Petersburg: 68–71. (In Russ.)

Degarden B. (2017) International problems: economic and social challenges. In: *Global World: Systemic Shifts, Challenges, and Shapes of the Future.* St. Petersburg: SPbGUP: 71–79. (In Russ.)

Dugin A.G. (2004) *Eurasia Project*. Moscow: Eksmo, Yauza. (In Russ.)

Dutkevich P., Kazarinova D.B. (2017) The end of the era of globalization: causes and consequences. In: *Global World: Systemic Shifts, Challenges, and Shapes of the Future*. St. Petersburg: SPbGUP: 79–82. (In Russ.)

Enderwick P. (2011) Understanding the rise of global protectionism. *Thunderbird International Business Review.* No. 53(3): 325–336. DOI: 10.1002/tie.20410.

Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man.* New York: Free Press.

Gaddis J.L. (1986) The long peace: elements of stability in the postwar international system. *International Security*. No. 10(4): 99–142. DOI: 10.2307/2538951.

Gatilov G.M. (2017) About some new challenges and threats in the global world at the present stage. In: *Global World: Systemic Shifts, Challenges and Outlines of the Future.* St. Petersburg: SPbGUP: 54–58. (In Russ.)

Glazyev S.Yu. (2022) Global transformations from the perspective of technological and economic world order change. *AlterEconomics.* Vol. 19. No. 3: 95–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19–1.6. (In Russ.)

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. (2016) *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Cham: Springer.

Gromyko Al.A. (2017) Global (in)security: Russia's national interests. In: *Global World: Systemic Shifts, Challenges, and Shapes of the Future*. St. Petersburg: SPbGUP: 59–63. (In Russ.)

Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics. (2021) Ed. by P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.

Kagan R. (2008) *The Return of History and the End of Dreams*. New York: Vintage.

Kirdina S.G. (2014) *Institutional Matrices and Development of Russia. Introduction to X-Y-theory.* 3rd ed. Moscow-St. Petersburg: Nestor-History. (In Russ.)

Kirdina-Chandler S.G. (2017) Institutional matrices theory, or X- and Y-Theory: A response to F. Gregory Hayden. *Journal of Economic Issues*. No. 51(2): 476–485. DOI: 10.1080/00213624.2017.13214282017.

Kirsanov V.P. (2009) The social nature of the bipolar world. *Izvestiya RGPU imeni A.I. Herzena* [News from RGPU after A. Hertsen]. No. 36: 35–138. (In Russ.)

Kissinger G. (1997) *Diplomacy*. Moscow: Ladomir. (In Russ.)

Kissinger G. (2016) *World Order.* Moscow: AST. (In Russ.)

Köchler H. (ed.) (2000) *Globality versus Democracy? The Changing Nature of International Relations in the Era of Globalization.* (Studies in International Relations. Vol. XXV). Vienna: International Progress Organization.

Lenway S.A., Murtha T.P. (1994) The state as strategist in international business research. *Journal of International Business Studies*. No. 25(3): 513–535. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490210.

Luo Y. (2022) Illusions of techno-nationalism. *Journal of International Business Studies*. No. 53(3): 550–567. DOI: 10.1057/s41267-021-00468-5.

Mariotti S. (2022) A warning from the Russian–Ukrainian war: avoiding a future that rhymes with the past. *Journal of Industrial and Business Economics.* DOI: 10.1007/s40812-022-00219-z.

Miller D.T. (2015) *Defence 2045.* A Report for the CSIS International Security Program. Lanham, Boulder, New York, London: CSIS.

Perez C. (2009) *Technological Revolutions and Techno-Economic Paradigms*. WP N20. Tallinn: NTUT.

Ponomareva E. (2007) Sovereignty in the context of globalization. Conceptual category and political practice. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. No. 11: 95–109. (In Russ.)

Prodanov V. (2017) From globalization to deglobalization. In: *Global World: Systemic Shifts, Challenges, and Shapes of the Future*. St. Petersburg: SPbGUP: 173–175. (In Russ.)

Reich R.B. (1987) The rise of techno-nationalism. *The Atlantic Monthly*. No. 259(5): 63–69.

Robinson W.I. (2007) Theories of globalization. In: *Blackwell Companion to Globalization.* Ed. by G. Ritzer. Oxford: Blackwell: 125–143.

Rodrik D. (2017) *Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy*. Princeton: Princeton University Press.

Schmitt C. (2007 [1932]) *The Concept of the Political*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Silver B.J., Payne C.R. (2020) Crises of world hegemony and the speeding up of social history. In: *Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics* / Ed. by P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte. New York: Routledge. P. 17–31.

Stepanova E A. (2020) Armed conflicts in the early 21st century: typology and directions of transformation. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 64(6): 24–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39. (In Russ.)

Stiglitz J.E. (2017) *Globalisation and Its Discontents Revisited: Anti-Globalisation in the Era of Trump.* New York: W.W. Norton & Company.

Straus A.L. (1997) Unipolarity. The concentric structure of the new world order and the position of Russia. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 27–44. (In Russ.)

Šubrt J. (2020) Immanuel Wallerstein. Looking back at the works of an international sociologist. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 101–109. DOI: 10.31857/S013216250009304-7. (In Russ.)

Tikhomirov V.B. (1997) "Global matrimony": reasonable unity of opposites in the world system of states. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 53–55. (In Russ.)

Vyatr E.Y. (2017) Toward a new world order in the 21st century. In: *Global World: Systemic Shifts, Challenges, and Shapes of the Future*. St. Petersburg: SPbGUP: 51–53. (In Russ.)

Wallerstein I. (2003) *The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World.* New York: The New Press.

Witt M.A. (2019) De-globalization: Theories, predictions, and opportunities for international business research. Journal of International Business Studies. No. 50(7): 1053–1077. DOI: 10.1057/s41267-019-00219-7.

Yakovlev A.G. (2000) And yet, a bipolar world is on the horizon. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. No. 4: 29–41. (In Russ.)

Received: 28.07.22. Final version: 25.08.22. Accepted: 06.09.22.

© 2022 г.

А.В. ЗАЙЦЕВ

«КОЛОНИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ» В СОЦИОЛОГИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА

ЗАЙЦЕВ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор Костромского государственного университета, Кострома, Россия (aleksandr-kostroma@mail.ru).

К 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева

Аннотация. *В статье рассматривается концепция «колониальной демократии» А.А. Зиновьева. Предпринята попытка её реконструкции на фоне формируемой США и ее союзниками однополярной модели мира. Автор констатирует особую актуальность этой модели в сфере социально-политической теории и практики текущих событий. Делается вывод о точности логико-социологической диагностики А.А. Зиновьева, о методологической актуальности концепции «колониальной демократии», «глобального неоколониализма» и других подходов к объяснению и интерпретации процессов в сфере международных отношений и геополитики. Аргументируется мысль, что тезис о колониальной демократии в контексте «логической социологии» А.А. Зиновьева сфокусировал сущность и перспективы постсоветской России и мирового сообщества. Показан дискурс в настоящее время идей А.А. Зиновьева о «колониальной демократии» среди российских исследователей, политиков, экономистов и журналистов.*

Ключевые слова: *А.А. Зиновьев • логическая социология • колониальная демократия • Запад • Россия • глобализация • геополитика • дискурс*

DOI: 10.31857/S013216250022372-2

Постановка проблемы. В современном социогуманитарном знании назрел вопрос теоретико-методологической рецепции термина «колониализм» на фоне геополитических сдвигов в мировом сообществе. В дискурсе данного понятия четко ограниченного ареала колониализма не существует. Подавляющее большинство исследователей связывают феномен современного (нео)колониализма с глобализацией, международными отношениями, геополитикой. А.А. Зиновьев в своей «логической социологии» 1990-х гг. приступил к разработке теории «колониальной демократии». Новая социальная реальность, обсуждаемая на Харчевских чтениях этого года в журнале «Социологические исследования», имеет грань, к которой, по моему мнению, имеет отношение концепция «колониальной демократии» А.А. Зиновьева.

Под «колониальной демократией» А.А. Зиновьев подразумевает форму государственного устройства, где, при наличии признаков народовластия, отсутствует независимость (суверенность) политической власти во внутренней и внешней политике. Первый раз термин «колониальная демократия» А.А. Зиновьев использовал в работе «Кризис русского коммунизма», вышедшей на Западе в 1990 г., а до этого апробировал в выступлениях [Александр Зиновьев…, 2009: 28]. В России данная работа издавалась в 1994 г. вместе с книгой «Коммунизм как реальность», написанной после высылки из СССР [Зиновьев, 1994: 291–490]. Финальная глава книги «Кризис русского коммунизма» – с подзаголовком «Вместо заключения» – названа автором «От коммунизма – к колониальной демократии». Завершает книгу подглавка «Колониальная демократия» в 2,5 страницы текста [Зиновьев, 1994: 488–490]. До выхода в свет русского перевода книги «Кризис русского коммунизма», в октябре 1993 г. был опубликован отрывок из неё под названием «Колониальная

Благодарю анонимных рецензентов журнала за критические замечания, которые помогли уточнить ряд важных положений моей статьи.

демократия»[1] с разделами: «Западнизация», «Теплая война» и собственно «Колониальная демократия». Из этого видно, что Зиновьев изначально связывал развал СССР с перспективой сползания России к положению «колониальной демократии». Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует о том, что фрагмент о колониальной демократии в общем контексте «логической социологии» ученого выступает своеобразным синопсисом, сфокусировавшим сущность перспектив постсоветской России, других стран мира и мирового сообщества.

Одну из задач логической социологии А.А. Зиновьев видел в выработке терминологического аппарата, призванного объяснить и понять происходящие социальные сдвиги [Зиновьев, 2002: 9]. Среди созданных им терминов-неологизмов – такие как «западнизация», «постсоветизм», «глобальный человейник», «горбачевизм», «катастройка» «гомо советикус», «западоид» и др. В этом терминологическом компендиуме центральное место, на мой взгляд, должно занимать понятие «колониальная демократия». В нем сущность созданной А.А. Зиновьевым концепции, призванной обоснованно объяснить изменения, происходившие в конце XX – начале XXI в.

По определению С.А. Кравченко концепция – социологическая категория, охватывающая широкий круг разнообразных явлений, процессов и способов понимания, объяснения и интерпретации объективной социальной реальности: «1) система взглядов; понятие, представление; 2) понимание; 3) замысел» [Кравченко 2004: 179]. Соответственно *под концепцией «колониальной демократии»* А.А. Зиновьева мы подразумеваем его *понимание* и интерпретацию мировой динамики, логики общемирового социально-политического и экономического развития, грядущих исторических перспектив, будущего мироустройства, места и роли России в глобализирующемся мировом сообществе. Проблеме «понимания» и его взаимосвязи с «логической социологией» А.А. Зиновьев посвятил исследование «Фактор понимания» [Зиновьев, 2006], изданное после смерти автора.

Колонизация рубежа XX–XXI вв. это не колонизация в традиционном понимании. «Колониальная демократия» А.А. Зиновьева предстает как *западнизация* (прямая калька термина *westernization*) мирового сообщества. Логика в его «логической социологии» исполняет функцию инструмента исследования и анализа объекта познания, в роли которого выступает совокупная социально-политическая сфера «глобального человейника», то есть мирового сообщества и его отдельных социокультурных локусов, включая современную Россию.

«Колониальная демократия» – предыстория. По убеждению А.А. Зиновьева, Россия до революции 1917 года «стала сферой колонизации для западных стран» [Зиновьев, 2007: 377]. В геополитическом контексте Великая Октябрьская социалистическая революция знаменовала утрату Западом потенциально колонизуемой территории. Попытки реставрации тренда колонизации предпринимались, в том числе в первые послереволюционные годы (военная интервенции) и позднее. Поэтому, полагает А.А. Зиновьев, было бы неправильно рассматривать отношения Запада и СССР исключительно в плоскости противоборства социально-политических и социально-экономических систем [Зиновьев, 2007: 377]. Фактически это была геополитическая борьба за материальные и природные ресурсы. Для Гитлера уничтожение коммунизма было формальным оправданием вторжения в СССР и аннексии восточных территорий. По сути это был геополитический акт, направленный на расширение «жизненного пространства» Рейха. И, подчеркивает А.А. Зиновьев, целью германского фашизма и его союзников стали колонизация СССР, превращение его населения в «рабов нового образца» [Зиновьев, 2007: 377].

Проблема борьбы за «жизненное пространство» не исчезла из современной повестки дня. У новейших неоколонизаторов изменились тактика, формы и методы достижения целей [Рукавицын, 2008: 116]. Современные неоколониалисты используют «мягкое»

[1] Колониальная демократия: материалы к юбилею. URL: https://forum.rusbeseda.org/archive/9.htm#12511 (дата обращения: 16.08.2022).

понятие – «национальные интересы». В ареал этих интересов входят регионы земного шара за тысячи километров от территории США, где пытаются насадить, в том числе с помощью физической силы, ценности и стереотипы, – в интерпретации А.А. Зиновьева, «колониальной демократии».

Поражение фашистской коалиции в Великой Отечественной войне и расширение сферы влияния СССР в Восточной Европе и в других регионах (Куба, Вьетнам, Китай, Северная Корея, ряд государств Азии и африканского континента), формирование мировой системы социализма, организация Совета экономической взаимопомощи (1949), создание военно-политического блока стран Варшавского договора (1955) уменьшили геополитические амбиции Запада «в отношении колонизации планеты» [Зиновьев, 2007: 377]. Холодная война, разгоревшаяся после завершения Второй мировой войны, стала, по убеждению ученого, «холодной колонизацией американцами самого западного мира» [Зиновьев, 2002: 254]. В противостоянии СССР и США периода «холодной войны» А.А. Зиновьев видит антиколониальную роль Советского Союза, реализовывавшуюся до перестройки и последовавшего развала страны-победителя, всего восточного блока, на протяжении нескольких десятилетий выступавших в роли альтернативы западному гегемонизму и (нео)колониализму.

Постсоветская Россия в контексте «колониальной демократии». А.А. Зиновьев полагал, что гибель русского коммунизма ведет страну не к торжеству демократии и свободы, а тому, что еще в период романтического восприятия демократических идеалов и ценностей, транслируемых западной цивилизацией, было названо им «колониальной демократией». Это значит, что на начальном этапе изобретенный А.А. Зиновьевым концепт использовался и по отношению к грядущей судьбе, к исторической перспективе постсоветской России. «Гибель русского коммунизма» в его социологической концепции рассматривалась как величайшая геополитическая катастрофа и трагедия XX столетия.

В одном из ранних интервью А.А. Зиновьев дал прогноз будущего постсоветской России: «Если никакого чуда не произойдет, то впереди у России – десятилетия (если не столетия) торжества мракобесия, паранойи, словом того, что неизбежно в стране колониальной демократии, которую я достаточно подробно и четко описал…» [Зиновьев, 2007а: 76]. В другом интервью (июль 1994 г.) он констатировал: «Россия разгромлена, и ее превращают в страну колониальной демократии» [Зиновьев, 2009: 127]. И далее: «Наше будущее – это колониальная или в лучшем случае полуколониальная страна, вымирающее русское население» [там же: 130]. К счастью, прогноз не оправдался; точнее, почти не оправдался. Современная Россия, несмотря на желание ее руководства уйти от намеченного для неё «транзита», сохраняет ряд признаков «колониальной демократии» – «сырьевое проклятье», стагнация национальной экономики, кризисные явления в социокультурной сфере общества, включая образование, здравоохранение, сферу досуга, резкая убыль населения, низкий (по сравнению с некоторыми странами Запада) уровень жизни населения. Однако главное – национально-государственный суверенитет, независимость в принятии политических решений во внутренней и внешней политике – чем гордится руководство нашей страны – удалось, пусть с большим напряжением сил, отстоять.

Среди российских политиков есть такие, кто упорно называет современную Россию колонией США. По убеждению Е.А. Федорова, депутата Государственный думы РФ ряда созывов, Россия после распада СССР и поражения в холодной войне утратила суверенитет, живет по законам, созданным по западным лекалам, не может проводить самостоятельную, независимую от США политику[2]. А.А. Зиновьев, в отличие от Е.А. Федорова, занимал более взвешенную позицию. Его первоначально несколько категоричная оценка характера постсоветского транзита с течением времени менялась. Базовый для его социологии

---

[2] Мы – колония США. Депутат-единорос Федоров рассказал о борьбе с «экономической оккупацией». URL: https://lenta.ru/articles/2012/11/09/fedorov/ (дата обращения: 19.08.2022); *Тумакова И.* Евгений Федоров: Российская Конституция – колониальный листок управления. URL: https://www.fontanka.ru/2013/11/29/186/ (дата обращения: 19.08.2022).

теоретический конструкт стал рассматриваться им не как фатальная неизбежность для посткоммунистической России, а в геостратегическом ракурсе с экстраполяцией на ряд стран, попавших в локус «национальных интересов» Запада. В одном интервью ученый категорически не согласился с журналистом, заявившим, что В.В. Путин, являясь выходцем из недр ельцинской администрации, обязательно продолжит прежнюю внутреннюю и внешнюю политику [Зиновьев, 2007а: 103]. Приход В.В. Путина к власти – не сразу и не целиком – А.А. Зиновьев оценил скорее оптимистично, как третью (августовский путч 1991 г. и расстрел Верховного Совета РСФСР осенью 1993 г.) попытку «сопротивления России насильственной западнизации и превращению ее в зону колонизации со стороны глобального западнистского сверхобщества (глобализации)» [Зиновьев, 2009: 452].

Он не дожил до выступления В.В. Путина на конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. в Мюнхене (умер 10 мая 2006 г.), обозначившего категорическое несогласие российского лидера с однополярной моделью глобальной мировой геополитики. Но в целом советско-российский социолог предугадал крепнувшее намерение В.В. Путина защищать национальные интересы страны, преодолевать тренд в сторону «колониальной демократии». «Стремление президента Путина к тому, чтобы Россия стала процветающей суверенной державой, достаточно независимой в своей жизнедеятельности от мирового окружения, и прежде всего от Запада, не вызывает сомнения,– констатировал в ноябре 2000 г. А.А. Зиновьев.– Об этом говорит как его внутренняя, так и внешнеполитическая активность» [там же, 2009: 490].

Исследуемый концепт «колониальной демократии» кочевал из одной книги А.А. Зиновьева в другую, получив в его социологическом, а по сути дела, социально-политическом, дискурсе несколько иные, чем изначально, смыслы.

В книгах А.А. Зиновьева данная концепция повторялась, пусть с некоторыми изменениями, в расширенном или несколько сокращенном варианте, и, как правило, в финальных частях его сочинений. Многократное рекомбинирование одного и того же текста в разных книгах, отведение данной концепции места в завершающей части произведений свидетельствует, что А.А. Зиновьев отводил дискурсу «колониальной демократии» важную смысловую роль. В социологическом исследовании «феномена западнизма», названном А.А. Зиновьевым «Запад», отрывок о «колониальной демократии» выделен в главку [Зиновьев, 2007: 419–420]. В сокращенной редакции книги «Запад», включенной в сборник статей и интервью «Планируемая история», анализируемый фрагмент присутствует вновь, но не выделяется в качестве раздела [Зиновьев, 2009: 62–64].

В монографии «Фактор понимания» А.А. Зиновьева отрывок о «колониальной демократии» является одним из самых лаконичных вариантов артикуляции данной концепции в его наследии [Зиновьев, 2007: 450–451]. В сжатом виде он используется в другом научном труде – «На пути к сверхобществу» – содержащем систематическое изложение методологических и логических основ «логической социологии» [Зиновьев, 2000: 631–632]. В сокращенном виде этот же фрагмент присутствует в книге «Идеология партии будущего» [Зиновьев, 2003: 199–200]. Сюжет о «колониальной демократии» не менялся автором на протяжении десятилетий в трудах, выходивших за рубежом и в России. А.А. Зиновьев в «логической (политической) социологии» пересматривал многое. Но предсказанный им финал социологии истории остался константой глобальной и локальной социальной динамики мира.

Свою теорию А.А. Зиновьев назвал «логической социологией», изложив ее основы в одноименном научном сочинении и включив в его финальную часть фрагмент о «колониальной демократии» [Зиновьев, 2002: 262–263]. Он вошел и в книгу «Глобальный человейник». К сожалению, А.А. Зиновьев не предпринял попытки более расширенной интерпретации «колониальной демократии». В то же время в его работах нередки высказывания, характеристики и оценки современного (нео)колониализма. Поэтому ниже мы осуществим более полную реставрацию зиновьевской концепции «колониальной демократии».

История и теория «колониальной демократии». А.А. Зиновьев обращает внимание на многообразие форм колонизации, известных в мировой истории. По его мнению, среди форм колонизации можно назвать:

– традиционное для древней истории открытие и освоение прежде незаселенных территорий;

– заселение новых территорий при смешении колонизаторов с проживающим там коренным населением;

– заселение новых земель и территорий с практически поголовным уничтожением или значительным сокращением численности ранее обитавших там;

– захват силой территорий и сбор дани с местного населения без разрушения социально-политического и социокультурного уклада завоеванного государства;

– насильственное завоевание территории государства с вхождением его в состав страны-колонизатора;

– захват государств, их территорий и населения с последующей трансформацией политической системы, экономики и культуры страны по образу и подобию государства-завоевателя и т.д. [Зиновьев, 2007: 419].

Модель «колонизация», появившаяся в конце XX в., рассматривается А.А. Зиновьевым как форма подчинения государств, стран и проживающих на их территориях народов, где Западом «принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии» [там же, 2007: 419]. С одной стороны, это продолжение колониальной политики группы западных стран. С другой – это новая форма колонизации с рядом характерных признаков.

Переход к колониальной демократии не становится естественным процессом исторического развития государства, страны или народа. Такое государство вырывается из существовавшей прежде системы координат, коммуникаций, связей и отношений, союзов, блоков и договоров. Сложившаяся логика политического, экономического и социокультурного развития нарушается – нередко это происходит под благопристойными лозунгами достижения свободы, независимости, самостоятельности. По сути дела, данный признак корреспондирует с тем, что в более поздний период, чем тот, когда писал А.А. Зиновьев, получил наименование «экспорта демократии»,– насаждение унифицированной по западному образцу модели политического устройства, к которому эти государства оказываются не готовы в силу специфики исторического развития и культуры.

Так произошло в ряде стран (Ирак, Афганистан, Ливия, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и др.), где США и их союзники пытались насадить либеральную демократию. «Экспорт демократии» с применением вооруженной силы со стороны США и их союзников по блоку НАТО трудно отличим от агрессии с признаками военных преступлений (Сербия). При этом обвинения в недемократичности, авторитаризме и тоталитаризме нередко служит прикрытием реального захвата территорий, обладающих природными ресурсами.

Мессианизм насаждения модели демократии в незападных странах вызывает критику даже в Соединенных Штатах Америки. Бывший сотрудник Госдепа США У. Блум в книге «Смертоносный экспорт Америки – демократия» заявил, что за ходом демократизации стран незападного мира скрыт миф, маскирующий интересы американского олигархического капитализма и империализма. С его точки зрения, «продвижение демократии», ее экспорт стали ширмой для отстаивания финансово-экономических интересов американского государства и транснационального капитала. Навязывание либеральной модели демократии как якобы универсальной ценности девальвировало идеи демократии, которая теперь в значительной мере лишилась изначального смысла и прежней привлекательности [Блум, 2014: 3]. Экспорт демократии рассматривается как порожденная Западом технология неоколониального захвата с расширением сферы своего геополитического влияния и могущества [Григорьян, 2017: 33–34; Касторский, 2018: 44–45].

В ситуации колониальной демократии страна сохраняет видимость самостоятельной внешней и внутренней политики. На самом же деле суверенитет деградирует и угасает.

Этому способствует разрушение прежде существовавшей экономической системы и финансово-экономическое закабаление новообращенных членов западного сообщества. Нарастает процесс эксплуатации природных, человеческих и других материальных ресурсов колонизируемой страны. За всеми процессами скрываются геополитические интересы США и их союзников.

Среди наиболее важных черт западных («западнистских») народов А.А. Зиновьев называет индивидуализм, практицизм, расчетливость и др. Все они не раз применялись для описания отличительных свойств западной цивилизации. А.А. Зиновьев выделяет два наиболее важных, с его точки зрения, свойства, характерных западным народам. Первое – это «стремление управлять другими и способность к этому» [Зиновьев, 2002: 152]. Второе свойство вытекает из того, что в процессе исторического развития практически все западные народы «в той или иной степени побывали в роли завоевателей и колонизаторов» [там же: 152]. С точки зрения А.А. Зиновьева, идентичность западных народов состоит в общем для них родовом свойстве выступать в роли завоевателей, поработителей, агрессоров, то есть колонизаторов, изымающих из покоренных территорий материальные ресурсы, художественные и археологические ценности, дешевую рабочую силу и т.д.

Третий признак колониальной демократии состоит в том, что колонизируемая страна доводится до состояния, когда она полностью теряет способность к самостоятельному существованию. Это относится не только к национальной экономике, но и к сфере обороны; собственная культура замещается западной масскультурой.

Особенности и смысл «колониальной демократии». Важной особенностью «колониальной демократии» выступает модель государственного устройства, где демократические ценности выступают в роли рекламы западного образа жизни. При этом в тени остается недемократическая часть государственной машины: администрация, бюрократия, полиция, тюрьмы, секретные службы, армия и т.д. Это относится и к существующей в западных странах системе выборов, политических партий, средствам массовой информации, к праву, суть которых, по А.А. Зиновьеву, «не в том, чтобы осуществлять абстрактную идею демократии», а в том, чтобы легитимировать существующую систему власти и отобранных для ее осуществления лиц [Зиновьев, 2004: 155]. Здесь стоит отметить, что в этой части концепции ее автор фактически повторял шаблоны советской контрпропаганды.

По мнению А.А. Зиновьева, процесс «западнизации» мира главным образом заключается в стремлении сделать незападные страны подобными себе. Это проявляется в попытках навязать иным цивилизациям, народам, странам западноцентричные нормы, ценности, стереотипы и ритуалы. Запад тиражирует, а по сути дела, навязывает незападным регионам модель общественно-политического, экономического, финансового и социокультурного устройства. В результате западнизации, принявшей в конце XX столетия глобальный характер, в западном и в незападном мирах возникают «колонии нового типа» [Зиновьев, 2009: 417]. С его точки зрения, западнизация есть «новая форма колонизации западным миром народов и стран незападных миров, в которой основным оружием является именно навязывание западнизма со всеми его проявлениями» [Зиновьев, 2009: 468].

Смысл «западнизации», по А.А. Зиновьеву, в том, чтобы довести страну, выбранную Западом в качестве очередной жертвы, до состояния, когда она утратила «способность к самостоятельному существованию» и благодаря этому вошла в число стран западного мира не в статусе «равноправных и равномощных партнеров, а в роли зоны колонизации» [Зиновьев, 2004: 200]. В отношении современной России Запад преследует цель превратить «ее в зону для своей колонизации» [там же: 207]. «Не для того Россию разгромили, чтобы включить ее в состав западного сверхобщества как равноценную часть,– утверждает А.А. Зиновьев.– Ее рушили, чтобы превратить в зону колонизации нового типа» [Зиновьев 2009: 427].

Для достижения поставленных Западом целей разработана колонизационная тактика. Ее суть, по Зиновьеву, заключена в следующем:

– дискредитация общественного устройства колонизируемого государства;

– дестабилизация социальной и политической ситуации;

– организация кризиса в экономике, в государственном управлении, в сфере мировоззренческих основ данного государства;

– размежевание населения на враждующие друг с другом группы, общности, кланы;

– подкуп национальной интеллектуальной элиты;

– внедрение и распространение ценностей и идеалов западного мира;

– создание иллюзии, что смена существующей социальной системы быстро приведет к росту изобилия и благосостояния населения колонизируемой страны;

– финансовое закабаление страны под видом оказания ей материальной помощи [Зиновьев, 2004: 200–201; 2002: 261].

Перед нами, по существу, «конспект» серии осуществленных на практике цветных революций и гибридных войн.

Постзиновьевский дискурс глобального колониализма. Концепция «колониальной демократии» А.А. Зиновьева долгое время в научном и общероссийском политическом дискурсе, особенно в период «романтических отношений» между РФ и США, оставалась невостребованной. Но ситуация меняется. Ряд исследователей, государственных деятелей обращаются к теме современного (нео)колониализма, видя в нем глобальную угрозу независимым от «коллективного Запада» государствам, народам и странам.

Идеи А.А. Зиновьева о «колониальной демократии» в настоящее время развивают исследователи, политики, экономисты и журналисты. Имеется сходство зиновьевского дискурса «колониальной демократии» с критической оценкой неолиберальной экономической системы экономистом и публицистом М.Л. Хазиным [2003], в соавторстве с С.И. Щегловым применившим средневековую систему отношений господства и подчинения к современности [Хазин, Щеглов, 2019]. Разработка теории современного глобального неоколониализма (со ссылкой на А.А. Зиновьева и без упоминания его имени) ведется А.Ю. Сироткиной. Она утверждает, что трансформация мировой колониальной системы в середине XX столетия лишь номинально декларировала крах прежнего «классического» колониализма. Фактически колониальная политика в новых, ранее не существовавших форматах продолжила инобытие в мировом сообществе конца XX – первой четверти XXI в. [Сироткина, 2021: 96–97; 2021а: 272; и др.]. А.А. Горелов предлагает понятие «глобальный неоколониализм» [Горелов, 2016: 41–42, 97–100, 107–108], благодаря которому создается глобальная империя, действия частей которой координируются из единого общемирового центра. Центром неоколониальной империи являются Соединенные Штаты Америки, а периферия, то есть «весь остальной мир постепенно превращается в глобальную неоколонию» [Горелов, 2014: 58]. Схожие оценки новейшего «глобального неоколониализма» дают М.А. Дубровин [2019], Е.С. Суровцева [2021], М.А. Леднева [2015] и ряд других авторов.

Несколько иную позицию занимает Л.Ю. Зайцева, выделяя три формы (стадии) колониализма: классическую, неоколониализм и современную – клиентелизм [Зайцева, 2017: 182; 2018: 184]. Клиентелизм или «добровольный колониализм», в отличие от прежних форм колонизации мира, «пытается демонстрировать либеральные методы передела мира». Границы этого либерализма (степени демократичности) определяются степенью лояльности конкретного клиента. Добровольный колониализм (клиентелизм) органически присущ однополярному миру и существует в довольно развитых европейских странах. Для него характерна передача «ряда суверенных прав государства мировому лидеру – патрону, либо некоторым международным организациям, союзам» [Зайцева, 2017: 181]. Взамен утраты суверенитета клиентелы получают от патрона ряд привилегий и выгод. Е.Ю. Зайцева предлагает использовать термин клиентелизм (добровольный колониализм) не только на внутригосударственном уровне, но и при системном анализе мировых геополитических процессов. Такая интерпретация термина позволяет применить его к анализу

однополярной мировой системы, в которой глобальный мир и его локальные части становятся зависимыми от патрона, выступающего в роли мирового лидера.

Заключение. Как видим, актуальность концепции «колониальной демократии», выработанной в первой половине 1990-х годов, подхвачена российскими публицистами, обществоведами и политиками. Соединив два направления научных изысканий – логику и социологию, А.А. Зиновьев сумел предсказать ведущие направления разнонаправленных векторов глобализации мира. Его вывод, сделанный на основе логического анализа, лаконичен, не раскрыт в деталях. Создавая концепцию «колониальной демократии», он был лишен многих эмпирических данных, которые в настоящее время общеизвестны. Опередив время и повторяя свой логический вывод о колонизации мира под прикрытием миссии демократизации, ученый обнажил сущность западнистского сценария исторического развития.

Концепция «колониальной демократии» значима для объяснения и понимания глубинной сущности неоколониального гегемонистского курса внешней политики США и их союзников, враждебно настроенных не только по отношению к России, но и ко всему остальному незападному миру с его собственными социокультурными и цивилизационными ценностями и идеалами. Ценность зиновьевской концепции в том, что страны, государства и народы, которым в соответствии с этой моделью отведена роль колоний или полуколоний, могут на ее основе предпринимать превентивные меры, объединяться для оказания сопротивления, создавая альтернативные идеологии и модели справедливой, то есть многополярной, модели глобализации.

Своеобразной антитезой «колониальной демократии» можно назвать разработанную в 2005–2007 гг. российскими политологами теорию «суверенной демократии» [PRO суверенную демократию…, 2007]. Обе концепции оказались очень актуальны в современной ситуации. Суверенитет, долгое время считавшийся важнейшим признаком и атрибутом государственной власти, в настоящее время позиционируется Западом как архаизм, не соответствующий тенденции создания глобального мирового сообщества. Сторонники многополярного мира, в том числе В.В. Путин и его единомышленники, справедливо, на наш взгляд, указывают, что утрата суверенитета ведет к экономической и социально-политической зависимости, глобальному неравенству и несправедливости, к вынужденным действиям вопреки интересам собственного государства и его населения, к утрате идентичности. Одним словом, это путь, по Зиновьеву, к «колониальной демократии».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Зиновьев о русской катастрофе. Из бесед с Виктором Кожемяко. М.: Алгоритм; Эксмо, 2009.

Блум У. Смертоносный экспорт Америки – демократия. Правда о внешней политике США и многом другом / Пер. с англ. М.: Кучково поле, 2014.

Горелов А.А. Глобальный неоколониализм в действии: война Запада против России и мира. М.: Летний сад, 2016.

Горелов А.А. От мировой колониальной системы до глобального неоколониализма // Век глобализации. 2014. № 2. С. 52–64.

Григорьян Э.Р. «Экспорт демократии» как технология колониального захвата // Регион и мир. 2017. № 2. С. 27–34.

Дубровин М.А. Глобальный неоколониализм: формулирование понятия // Вопросы экономики и права. 2019. № 4 (130). С. 14–17.

Зайцев А.В. Категория «колониальной демократии» в политической философии А.А. Зиновьева // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2022. № 1 (30). С. 155–159.

Зайцева Л.Ю. Добровольный колониализм или клиентелизм как современное геополитическое явление // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3. № 2. С. 181–188. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-181-188.

Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм; Эксмо, 2007.

Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Эксмо, 2003.

Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.

Зиновьев А.А. Логическая социология. М.: Социум, 2002.

Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000.

Зиновьев А.А. Планируемая история: Запад. Посткоммунистическая Россия. Гибель русского коммунизма: сб. М.: АСТ, 2009.
Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.
Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке / Сост. *О.М. Зиновьева*. М.: Алгоритм, 2007а.
Касторский Г.Л. Неоколониализм как общественно опасное последствие экспорта «демократии» // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 3 (67). С. 41–46.
Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Астрель, АСТ: Транзиткнига, 2004.
Леденёва М.В. Глобализация и неоколониализм: как избавиться от зависимости? // Вопросы безопасности. 2015. № 6. С. 1–16. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.6.17933.
Рукавицын П.М. Концепция борьбы за жизненное пространство немецкой школы классической геополитики // Обозреватель. 2008. № 9 (224). С. 109–117.
Сироткина А.Ю. Вызовы современности в ретроспекции долгосрочного тренда развития неоколониализма // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 5. С. 271–278.
Сироткина А.Ю. Трансформация капиталистической социально-экономической системы: становление глобальной империи // Философия хозяйства. 2021а. № 5 (137). С. 85–103.
Суровцева Е.С. Глобальный неоколониализм как подтекст проекта глобализации: на примере франко-алжирских отношений // Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации. Сб. мат. I междунар. науч. онлайн-конф. Екатеринбург, 2021. С. 289–293.
Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «PaxAmericana». М.: Вече, 2003.
Хазин М.Л., Щеглов С.И. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М.: Рипол-классик, 2019.
PRO суверенную демократию. Сб. / Сост. *Л.В. Поляков*. М.: Европа, 2007.

Статья поступила: 03.08.22. Принята к публикации: 25.08.22.

"COLONIAL DEMOCRACY" IN A.A. ZINOVYEV'S SOCIOLOGY

ZAITCEV A.V

Kostroma State University, Russia

Aleksandr V. ZAITCEV, Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University. Kostroma, Russia (aleksandr-kostroma@mail.ru).

Abstract. The article discusses A.A. Zinoviev's sociological conception, which he called "logical sociology". One of the tasks of "logical sociology" its author saw in the development of new concepts. Among them, a most important role belongs to "colonial democracy", used by A.A. Zinoviev in his logical and sociological discourse and interpretation of the specifics of the world community development in the context of globalization. In the article, the author attempts to comprehensively reconstruct Zinoviev's concept of "colonial democracy", as well as his studies against the backdrop of the emerging unipolar geopolitical model of the world. The author states that this trend has acquired particular relevance in the field of socio-political theory and practice. Based on this, conclusion is made about the ultimate accuracy of the A.A. Zinoviev logical and sociological diagnostics, as well as special methodological relevance of the "colonial democracy", "global neo-colonialism" concepts and other approaches to explaining and interpreting processes taking place in the field of international relations and geopolitics at the global level.

Keywords: A.A. Zinoviev, logical sociology, colonial democracy, West, Russia, globalization, geopolitics, discourse.

REFERENCES

Alexander Zinoviev about the Russian catastrophe. From conversations with Viktor Kozhemyako. (2009) Moscow: Algorithm: Eksmo. (In Russ.)
Bloom W. (2014) *America's Deadly Export – Democracy. The truth about US foreign policy and much more*. Transl. from Eng. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

Dubrovin M.A. (2019) Global neo-colonialism: formulation of the concept. *Voprosy ekonomiki i prava* [Questions of Economics and Law]. No. 4 (130). 14–17. (In Russ.)
Gorelov A.A. (2016) *Global neo-colonialism in action: the war of the West against Russia and the world.* Moscow: Letnii sad. (In Russ.)
Gorelov A.A. (2014) From the world colonial system to global neo-colonialism. *Vek globalizatsii* [Century of globalization]. No. 2: 52–64. (In Russ.)
Grigoryan E.R. (2017) "Export of Democracy" as a Technology of Colonial Capture. *Region i mir* [Region and World]. No. 2: 27–34. (In Russ.)
Kastorsky G.L. (2018) Neo-colonialism as a socially dangerous consequence of the export of "democracy". *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii* [Uchenye zapiski St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy]. No. 3 (67): 41–46. (In Russ.)
Khazin M.L., Shcheglov S.I. (2019) *Stairway to Heaven. Dialogues about power, career and world elite*. Moscow: Ripol-classic. (In Russ.)
Khazin M.L. (2003) *The decline of the dollar empire and the end of Pax Americana*. C. 289–293. Moscow: Veche. (In Russ.)
Kravchenko S.A. (2004) *Sociological encyclopedic Russian-English dictionary.* Moscow: Astrel', AST: Tranzitkniga. (In Russ.)
Ledeneva M.V. (2015) Globalization and neo-colonialism: how to get rid of dependence? *Voprosy bezopasnosti* [Security questions]. No. 6: 1–16. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.6.17933. (In Russ.)
PRO sovereign democracy. (2007). Coll. comp. L.V. Polyakov. Moscow: Evropa. (In Russ.)
Rukavitsyn P.M. (2008) The concept of the struggle for the living space of the German school of classical geopolitics. *Obozrevatel* [Observer]. No. 9 (224): 109–117. (In Russ.)
Sirotkina A.Yu. (2021a) Transformation of the capitalist socio-economic system: the formation of a global empire. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economics]. No. 5 (137): 85–103. (In Russ.)
Sirotkina A.Yu. (2021) Challenges of the present in retrospection of the long-term trend in the development of neo-colonialism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Bulletin of the South-Western State University. Series: Economy. Sociology. Management]. Vol. 11. No. 5: 271–278. (In Russ.)
Surovtseva E.S. (2021) Global neo-colonialism as a subtext of the globalization project: on the example of Franco-Algerian relations. *Ontological and socio-cultural foundations of the alternative globalization project. Collection of materials of the I international scientific online conference*. Yekaterinburg: 289–293. (In Russ.)
Zaitsev A.V. (2022) The category of "colonial democracy" in the political philosophy of A.A. Zinoviev. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk* [Problems of social and humanitarian sciences]. No. 1 (30): 155–159. (In Russ.)
Zaitseva L.Yu. (2017) Voluntary colonialism or clientilism as a modern geopolitical phenomenon. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian research. Humanitates]. Vol. 3. No. 2: 181–188. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-181-188. (In Russ.)
Zinoviev A.A. (1994) Communism as a reality. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
Zinoviev A.A. (2000) *On the way to super society.* Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
Zinoviev A.A. (2002) *Logical sociology*. Moscow: Sotsium. (In Russ.)
Zinoviev A.A. (2003) *The ideology of the party of the future.* Moscow: Eksmo. (In Russ.)
Zinoviev A.A. (2006) *Understanding factor.* Moscow: Algorithm, Eksmo. (In Russ.)
Zinoviev A.A. (2007) *West.* Moscow: Algorithm, Eksmo. (In Russ.)
Zinoviev A.A. (2007a) *I dream of a new man.* Comp. by O.M. Zinoviev. Moscow: Algorithm. (In Russ.)
Zinoviev A.A. (2009) *Planned history: West, post-communist Russia. The death of Russian communism*: Moscow: AST. (In Russ.)

Received: 03.08.22. Принята к публикации: 25.08.22.

© 2022 г.

Ю.Г. ВОЛКОВ

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ: В ПОИСКАХ НОВОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ОПТИКИ

ВОЛКОВ Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (ugvolkov@sfedu.ru).

Аннотация. *Статья представляет собой попытку рассмотрения понятия социальной справедливости в свете новой теоретической оптики, предлагаемой акторно-сетевой теорией, дающей возможность интерпретировать справедливость в социальных и межэтнических отношениях через картографию выравнивания социального ландшафта. Автор, анализируя базовые содержательные аспекты представлений о социальной справедливости в традиционной отечественной социологической мысли, переходит к проблеме поиска методологических ориентиров изучения социальной справедливости как ценности в условиях формирования новой реальности, которая является вызовом для наук об обществе, требующим обновления исследовательской оптики. В качестве возможного варианта такой новой оптики в статье рассматриваются некоторые идеи акторно-сетевой теории (АСТ – Б. Латур, М. Каллон, Дж. Лоу и др.). В статье показывается, что акторно-сетевая оптика позволяет поставить проблему выравнивания социального ландшафта, которое можно, по мнению автора, интерпретировать как реализацию принципов социальной справедливости, в том числе и в межэтнических взаимодействиях. Автор опирается на положения АСТ о необходимости исследовать социальные данности как процессы взаимодействий и приводит в статье некоторые результаты осуществленного в 2021 г. социологического исследования коллективных представлений о социальной справедливости в межэтнических взаимодействиях на Юге России.*

Ключевые слова: *справедливость • социальная справедливость • ценность • теоретическая оптика • глобализация • межэтнические взаимодействия • социальный ландшафт • актор-сеть*

DOI: 10.31857/S013216250021512-6

Введение. Новая реальность, предъявляющая свои требования и вызовы, в то же время не настолько нова, чтобы полностью перечеркнуть традиционно волновавшие российское общество проблемы: скорее, она представляет их в непривычном ракурсе, придает им новое звучание и наполняет отчасти изменившимся содержанием. Одной из традиционных для российского социокультурного пространства является проблематика социальной справедливости. Рассматриваемое в наиболее общем ключе понятие справедливости представляет собой одну из ключевых категорий этики.

Справедливость, как и ряд других понятий этического спектра, содержательно связанных с общественной жизнью, находится на пересечении предметных полей философских дисциплин (в нашем случае этики) и социологической науки. Оставаясь по своей сущности этической категорией, в дисциплинарных рамках социологического знания справедливость предстает не как черта личности или индивидуальная добродетель, не как морально-этический идеал, а как социальная ценность, расположение которой в иерархии ценностей общества характеризует качество социального порядка, проявляющееся в социальном поведении и социальном самочувствии людей.

Статья подготовлена в рамках программы исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. по проекту «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (ГЗ Минобрнауки № Г30110/21-04-РГ).

Значимостью этой ценности как одной из основополагающих в процессе культурной легитимации социального порядка обусловлена непреходящая актуальность именно социологического изучения проблематики справедливости в контексте трансформаций прошлого и настоящего, а также в свете утверждающейся в мире новой реальности. Нашей задачей в настоящей статье станет рассмотрение содержательной специфики изучения справедливости как базовой социальной ценности в условиях формирующейся новой реальности, изменяющей и человека, и общество.

Понимание справедливости в отечественной и мировой социологической традиции. Характерен интерес к исследованию социальной справедливости как ценности для российской социологии. В России осмысление справедливости не только находилось у истоков отечественной социологической науки, но и рассматривалось крупнейшими социальными мыслителями в качестве принципиального отличия русской социологической науки от западной. Так, Н.К. Михайловский рассматривал справедливость как один из аспектов правды наряду с истиной [Михайловский, 1897: 430]. Если под истиной в данном случае понимался гносеологический аспект понятия правды, то под справедливостью – его социально-антропологический аспект, находящий проявление в оценке субъектами качества социальных отношений. Михайловский полагал, и не без оснований, что русская социологическая мысль отличается от европейской главным образом концентрацией на субъективно-этическом аспекте социального познания и его связи с общественной практикой.

В этом Михайловский исходил из традиционного для российской культуры особого, эмоционально насыщенного отношения к справедливости как ценности. Можно без преувеличения сказать, что поиски справедливости в ее социальном измерении входят в российский социокультурный код, и это наложило отпечаток на методологические поиски отечественной социологии.

Речь не только о ключевой значимости категории справедливости для культуры русского мира, хотя и в этом смысле она имеет огромное значение. Общечеловеческий смысл и ценность, ассоциируемые с этой категорией, составляют необходимое условие нормальной жизнедеятельности общества. Любое взаимодействие людей, установление социальных связей между ними рождает запрос на упорядочение этих связей и взаимодействий на началах, соответствующих представлению об общем благе, и в соответствии с регулятивным принципом совместного бытия. Только такой социальный порядок на макроуровне воспринимается как легитимный, получает признание и одобрение сообщества.

Фундаментальность справедливости как социальной ценности обусловлена тем, что она оформляет связь между характером порядка в коллективе или обществе и духовно-нравственными принципами. Социальный порядок может коррелировать с духовно-нравственными ориентирами, заложенными в человека культурой, социализацией. Тогда он легитимирован в рамках этой культуры и рассматривается как справедливый, а может не коррелировать, в таком случае он будет держаться лишь на силе принуждения, вызывать явный или скрытый протест и интерпретироваться большинством членов общества как насилие и социальное зло. В социуме, в котором установленный порядок лишен культурной и нравственной легитимации, исчезает мотивация к созидательному труду и развитию, разрываются или деградируют горизонтальные социальные связи, утрачивается гражданское доверие. В такой ситуации возникает латентная тенденция к распаду социетального единства, поскольку оно скрепляется именно общими культурными и нравственными ценностями, определяющими коллективную идентичность в ее наиболее глубинных основаниях. Таким образом, справедливость является неотъемлемой ценностью именно социетального уровня, то есть той ценностью, которая обеспечивает обществу единство, воспроизводство, жизнеспособность.

Более того, справедливость как ценность по своему содержательному наполнению относится к сфере сакральных ценностей, наделенных архетипическим смыслом и выводящих человека и социум на высший уровень бытия, укореняющих их существование в онтологической полноте. Великие религиозные традиции мира оперируют этой

категорией, связывая ее с запредельными истоками принципов нравственности и с вопросами воздаяния человеку за заслуги и наказания за нарушение высших принципов. Социальный запрос на справедливое устройство общества – отражение сакральных оснований культуры. Поэтому дефицит справедливости в функционировании общества не только тяжело воспринимается населением, но и стимулирует поиск идеи более справедливого социального порядка, в рамках которого индивид не ощущал бы с такой остротой угрызений совести за несоответствие жизненной практики требованиям нравственности. Представления о справедливости выступают, таким образом, мерилом не только «правильности» общественного устройства, но и оценки индивидом собственной жизни как соответствующей или не соответствующей лекалам, построенным культурой. Интимная сопряженность представлений о справедливости и оценки собственной личности такова, что человеку трудно, а подчас невозможно вынести зрелище откровенной несправедливости, настолько оно оскорбительно для его нравственного чувства и личностного достоинства.

Можно сказать, что справедливость как ценность – основа ценности социальных отношений и связей в восприятии индивида. Отношения, выстроенные заведомо несправедливо, не рассматриваются как ценные. В поисках более справедливого мироустройства осуществляются реформы и революции, замена элит, создаются и пропагандируются идеологии, объединяются и противостоят друг другу социальные группы. Мобилизационный потенциал коллективных представлений о социальной справедливости очень высок, чем определяется значимость этой категории для общества.

Как генетически восходящее к фундаментальной этической категории, представление о социальной справедливости прежде всего ассоциируется с некоторым идеальным положением дел, которое редко находит воплощение в практической жизни общества. П. Штомпка выделяет три отдельных уровня, на которых может обретать социальное проявление справедливость как идея и ценность. Это уровень общего нравственного принципа, имеющего регулятивный характер, т.е. диктующий социально одобренную или связанную с социальными ожиданиями форму поведения; уровень правовых норм, формально зафиксированных в законодательстве; уровень социальных практик, на котором непосредственно происходит реализация норм и принципов, отражающих и транслирующих идею справедливости в реальной жизнедеятельности общества, в социальных отношениях [Штомпка, 2017: 381–399; 384].

При этом, отмечают исследователи, в ценностно-этической природе категории «справедливость» заключена сложность работы с ней в социологическом предметном поле: «Для современной социологии феномен социальной справедливости и само понятие «справедливость» являются трудно идентифицируемыми, прежде всего потому, что включают в себя как ценностно-смысловой (когнитивный) компонент, который играет важную роль в обеспечении общественного консенсуса, так и реальные социальные практики, имеющие значение в управлении обществом» [Давтян и др., 2018: 3]. Исследователи подчеркивают: «поскольку справедливость есть ценность идеальная, она не поддается точному измерению, и поэтому никакая формула справедливости, подобная формуле свободы, невозможна. В силу этих причин подход теоретической социологии к проблеме справедливости есть обобщение нравственного, философского, правового и прочих к ней подходов, а эмпирическая социология может исследовать лишь общественное мнение по поводу справедливости данного общества вообще или справедливости того или иного установления, института и т.д.» [Социальная справедливость…, 2014: 26]. О трудностях социологической концептуализации и операционализации понятия «справедливость» в силу его неоднозначности говорят и другие авторы: «Слово "справедливость" так широко используется во всех "жизненных мирах" (оказываясь одновременно конструктом "первого" и "второго порядка" в шютцевской модели), что ему крайне сложно дать однозначное концептуальное и операциональное определение в социологическом исследовании» [Троцюк, 2019].

Предложенная Штомпкой многоуровневая модель интерпретации понятия «справедливость» в определенной степени разрешает эти затруднения, поскольку выделяет и дифференцирует смысловые аспекты, работающие в социологическом поле, но имеющие разный потенциал операционализации. Тем не менее нам представляется, что такая классификация имеет ограниченную исследовательскую эффективность, хотя сама по себе важна, указывая на недопустимость прямого синкретического отождествления этих аспектов в эмпирических социологических исследованиях.

Социальная справедливость в новой теоретической оптике. Однако, говоря о встрече с новой реальностью макросоциального уровня, следует признать не только принципиальную сложность оперирования понятием «справедливость» в социологическом контексте, но и наличие новых трудностей, связанных с происходящими масштабными изменениями. В соответствии с этими изменениями усложняются критерии оценки социальных практик в терминах справедливости, а также требуют углубления и, возможно, переформатирования сами научные представления о справедливости.

Мы имеем основания говорить о новой реальности потому, что за последние десятилетия общество, коммуникативные практики, система социальных взаимодействий подверглись интенсивным изменениям и в результате стали существенно отличаться от прежних. Быстрые и радикальные перемены принесла компьютерная революция, резко расширившая возможности экономики, коммуникаций, образования и всех сфер общественной жизнедеятельности. Огромные экономические и социальные перемены несет с собой цифровизация, не только формирующая беспрецедентные новые возможности, но и создающая серьезные социальные риски. Модернизационные изменения в экономике, связанные с цифровизацией, могут отразиться на состоянии рынков труда, что, по мнению исследователей, «создает условия для подрыва принципов социальной справедливости при распределении трудовых доходов» [Ивановский, 2018], и это только один из социально-экономических аспектов новой реальности. Есть и социокультурные следствия, связанные, в частности, с прагматизацией мотивационных установок, деформацией функционирования институциональных механизмов социализации. Как отмечает С.Т. Сагитов, «цифровизация наглядно проявляется не только в экономических инструментах, таких как виртуальная валюта (в том числе биткоин) и блокчейн, но и в таком процессе, как, например, социализация личности» [Сагитов, 2019]. В социокультурном пространстве общества эпохи цифровизации виртуальное общение становится важнейшим агентом социализации, даже первичной, оттесняя родителей и учителей, расшатывая традиционные авторитеты и ценности. При этом технико-технологическое развитие, по оценкам некоторых экспертов, в условиях цифровой цивилизации будет стремительно нарастать и «выйдет на режим вертикального роста», настолько интенсивного, что уже невозможно и бессмысленно будет пытаться выделить в этой траектории непрекращающегося подъема периоды и фазы [Контуры современной реальности…, 2018: 321].

Исследователи обоснованно ставят вопрос о том, какие изменения этот неостановимый рост повлечет для социокультурной сферы, для цивилизационного развития, не станет ли он фактором упадка, и, в частности, деградации и трансформации системы ценностей, в том числе социетальных, таких как социальная справедливость? Не окажется ли развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта фактором дегуманизации общества и утраты им социокультурного измерения, деструкции его ценностных оснований? Что в таком случае ожидает коллективные представления о справедливости и будут ли они что-нибудь значить в новой реальности?

Новой социальной реальности, формирующейся на наших глазах, должна соответствовать социологическая оптика, учитывающая и отражающая эту новизну. Решение или, по крайней мере, постановка проблем, выдвигаемых на первый план происходящими изменениями, возможны в рамках обновленной оптики. Значительный вклад в формирование новой социологической оптики, в рамках которой неравенства предстают дефектом, тормозящим развитие, внесла не только цифровизация, но и интернет-коммуникация,

создание социальных сетей и утверждение равенства не как политико-идеологической реалии, а как практической данности виртуального общения, специфика которого дает возможность игнорировать статусные и имущественные различия в пространстве электронной коммуникации. Одним из вариантов обновления социологической оптики является парадигма, предложенная акторно-сетевой теорией (АСТ).

Отличительной характеристикой акторно-сетевой теории является то, что она позволяет инкорпорировать в ткань мышления об обществе понятия и видение социума, почерпнутые из практики виртуальных взаимодействий или отражающие их специфику. Это касается в первую очередь ключевого понятия теории – «актор-сеть». Под актором-сетью имеется в виду звездообразное по конфигурации образование, состоящее из цепочек взаимодействий, соединяющихся в своеобразные пространственно-временные узлы. Текучие, непрерывно меняющиеся во времени взаимодействия, в которые вовлечены не только люди, традиционно рассматриваемые как субъекты социального действия, но и неодушевленные объекты, вещи, а также нечеловеческие живые существа, в акторно-сетевой теории составляют непосредственный предмет социологии. Речь идет о возникающих и исчезающих связях, за пределами которых нет никакого иного «социального» [Латур, 2014].

В рамках этой оптики открывается новая возможность возвращения социологии к решению не только научно-теоретических, но и социально-практических задач, связанных с совершенствованием коллективного существования людей, в том числе с утверждением равных и социально ответственных взаимодействий. Речь идет о сглаживании социального ландшафта и хотя бы относительном нивелировании жестких форм неравенств в их избыточности. Да и сама социологическая оптика, предлагаемая этой парадигмой, ориентирует на понимание неравенств как главного препятствия для построения адекватных форм коллективной жизни. При этом социологическая оптика АСТ элиминирует предпосылки восприятия неравенств как нормы, обусловленной вписанностью индивидуальных акторов в различные социальные макроконтексты, служащие своего рода теоретическим обоснованием неравенств.

Выравнивание социального ландшафта – термин, конечно, в первую очередь относящийся к смене теоретической оптики. В.И. Дудина в этой связи пишет: «Такое "выравнивание ландшафта" переводит внимание исследователей с двухуровневой модели "актора, помещенного в контекст", на одноуровневую модель социальной реальности как совокупности репликаций… Тем самым структура предстает как совокупность сходных действий, регулярно повторяемых и воспроизводимых многими акторами, т.е. как совокупность репликаций» [Дудина, 2021: 3–11].

Таким образом, в акторно-сетевой оптике социальная реальность видится одноуровневой, «плоской», а привычные для традиционной социологической оптики макроструктуры, производящие впечатление вместилища или рамочного контекста взаимодействий и потому перетягивающие на себя основное внимание исследователей, позиционируются как продукт «фигуративного воображения» социологов, теряют свое былое теоретическое значение и деконструируются.

Второй аспект «выравнивания ландшафта» – социально-практический, хотя и он находится в теснейшей связи с теоретическим. Именно этот аспект касается социальной справедливости в перспективе новой оптики. Подлежащие «сглаживанию» макроконструкции, в различных фигурациях определяющиеся как те или иные «социальные силы», создают иллюзию объективной необходимости существования «неровностей» социального ландшафта, то есть различного рода неравенств – социальных, ресурсных, культурных. В традиционной теоретической оптике социологии социальные неравенства воспринимались и осмысливались как неотъемлемое и неустранимое свойство социальных отношений. Упомянутая В.И. Дудиной элиминация фигуративных представлений о макроструктурах освобождает социологическое мышление от необходимости надстраивать над социальными взаимодействиями макросоциологическое обоснование существующих неравенств и репрессивных практик, направленных на их удержание.

Таким образом, разворот социологической оптики, осуществленный акторно-сетевой теорией, направлен в том числе на решение социально-практических задач. Социальные взаимодействия приобретают прозрачность, и при этом все их участники становятся равноценными, поскольку без любого из них разрушается вся сеть ассоциаций. На смену макроструктурам, создающим неровность социального ландшафта, в новой оптике приходят узловые центры, образуемые масштабным пересечением цепочек взаимодействий.

В такой социологической оптике приобретает иные контуры и процесс глобализации, который по мере своего развития и распространения меняет облик как фактор макросоциальных изменений, способствующий деструкции культурных кодов локальных традиций, продвигающий взамен коды и ценности, создаваемые унифицированной глобальной культурой. Глобализационные процессы не только способствуют продвижению модерна, отождествляемого с траекторией прогрессивного развития, но и – главным образом – приводят к образованию нового типа неравенств глобального уровня, по-своему разрушающих справедливость посредством формирования глобальных культурных, образовательных, экспертных элит и создания обширной периферийной зоны, отчужденной от принятия важнейших решений, про-инновационного творчества и развития. Сложность глобализационных процессов проявляется в их неоднозначности в отношении справедливости как ценности: с одной стороны, унификация предполагает как раз обеспечение справедливости через достижение гомогенности потребительских стандартов и равенства возможностей их реализации, гомогенности потребления произведений культуры; однако, с другой стороны, в процессе глобализации закладывается самое несправедливое распределение доступа к принятию важнейших решений, к развитию и реализации человеческого потенциала обществ, оказавшихся в категории глобальной периферии. Анализируя глобализационные процессы в контексте справедливости как базовой ценности человечества, Н.О. Исмаилов отмечает: «Во все времена господствующие социальные силы пытались преподнести под видом справедливости то, что угодно сильнейшим и отвечает их интересам… На практике справедливость, провозглашаемая официально, в том числе в международных отношениях, является правом сильнейшего. При этом сильные мира сего, как правило, стараются идеологически обосновать свои несправедливые деяния, насилие в отношении других» [Исмаилов, 2015]. Идеологическое и политтехнологическое манипулирование понятием справедливости, однако, не исчерпывает собой трудности осмысления содержания справедливости как ценности в современном мире. В уравнительном понимании справедливость как раз и предстает как всеобщая унификация – и в потребительском, и в социокультурном смысле. Такое «распределение благ» может видеться как основанное на принципах справедливости. Однако более глубокое и многомерное понимание предполагает признание индивидуального своеобразия этносов, социумов, групп, не укладывающегося в унификационную схему. Новая реальность во многом характеризуется осознанным стремлением обществ к пересмотру системы унифицированных («общечеловеческих») ценностей, в контексте которой сформировалось унифицированное представление о справедливости. И правы исследователи, отмечающие возросшую в условиях развертывания современных тенденций глобализации актуальность изучения «этнической и общей справедливости» [Гагаев, 2020: 29–30].

В этом контексте первостепенное значение приобретает измерение справедливости, связанное с социокультурным воспроизводством, признанием справедливым такого положения вещей, когда любое локальное этнокультурное сообщество имеет возможность беспрепятственного воспроизводства специфики своей коллективной идентичности. Такое понимание справедливости основывается на признании ценности всех этносов, социальных групп, сообществ, значимости обеспечения сохранения и воспроизводства каждой локальной культуры.

Проблемы, создаваемые глобализацией и сопряженной с глобализмом культурной унификацией, в акторно-сетевой оптике решаются в контексте выравнивания социального ландшафта – посредством замены «паноптикума» (единственной привилегированной точки обзора) на множество «олигоптикумов» (равностатусных локальных точек) [Латур, 2014]. В таком видении оптические позиции различных субъектов обретают возможность выражения локального миропонимания, своих целей и интересов за счет отказа от единственной доминирующей

позиции. В итоге получается нечто схожее с моделью «многополярного мира» в геополитике: отходит на задний план борьба за доминирующий нарратив, возвращается позиция внимательного сберегающего отношения к каждому участнику сети взаимодействий.

Специфическая черта акторно-сетевой теоретической оптики – самопозиционирование социолога как протоколиста высказываний и оценок акторов, которые абсолютно свободны в построении собственных объяснительных конструкций. Оценка соответствия установленного порядка социальных отношений и взаимодействий критериям социальной справедливости в этой оптике предполагает применение акторами собственных критериев оценки, вытекающих из их видения мира, их собственных «метафизик» [Латур, 2014]. Этому подходу присуща открытость не только как готовность принять и осмыслить касающиеся социальной справедливости представления и объяснительные версии акторов, но и как понимание принципиальной незавершенности сложившегося образа мира и социальных взаимодействий, возможности пересмотра концепций и представлений, которые на сегодняшний день воспринимаются как фактически неоспоримые. В этом смысле социолог, в соответствии с классической рекомендацией Аристотеля, должен начинать свое исследование с удивления, а не с некоторых готовых истин, принимаемых как аксиомы. Открытость исследования как методологический принцип требует обращения к изучению тех аспектов реальности, которые еще не обрели завершенного образа в процессе познания и способны вызывать научные дискуссии. Подобные «дискуссионные реалии», в отличие от «фактических реалий» [там же], позволяют исследователю найти доступ к актуальным процессам и их интерпретации самими вовлеченными в них акторами.

Несмотря на то что в АСТ понятие «дискуссионных реалий» относится скорее к субъектно-объектным комплексам, вовлеченным в процессы взаимодействия, нам представляется возможным заимствовать его как элемент методологии изучения восприятия социальной справедливости. Социальная справедливость как ценность в аксиологической иерархии общества и в системе социетальных ценностей по своей сути, полагаем, может рассматриваться как одна из «дискуссионных реалий» уже в силу того, что общество, в особенности российское, неоднородно и в значительной мере поляризовано, что приводит к формированию и циркулированию в различных сегментах различающихся коллективных представлений и оценочных критериев. Дискуссионности добавляет и то, что, как подчеркивает И. Троцюк, «на современном этапе в научном пространстве ведутся активные поиски по построению адекватной модели российского общества» [Троцюк, 2019], а в этих поисках необходимо ориентироваться на восприятие населением справедливости как ценности и на оценке идущих процессов с точки зрения их соответствия архетипическим в своей основе представлениям о справедливом. Тем более важным является исследование представлений о справедливости в различных социально-практических срезах, социальных и этнокультурных группах, сопоставление и анализ выявленных представлений респондентов. В условиях полиэтничного общества и в эпоху глобализации особую значимость приобретает исследование коллективных представлений различных этнических групп о социальной справедливости в межэтнических отношениях. Представленный в работах Ф.С. Файзуллина подход позволяет «проанализировать комплексную национальную составляющую социальной справедливости и предлагает отталкиваться от представлений о социальной дифференциации социальных субъектов и неравенства в социальном положении того или иного этноса как социальной группы» [Социальная справедливость…, 2014: 245].

Исследование межэтнических отношений с точки зрения реализованности в них принципа справедливости в акторно-сетевой оптике приобретает новые перспективы, что связано главным образом с изменившимся пониманием этнических групп и вообще социальных групп как таковых, и с новым видением реальности социальных взаимодействий как таковой. «Мир – не твердый континент фактов,– пишет Б. Латур,– куда вкраплено несколько озер неопределенности, а широкий океан неопределенностей, где пестреют несколько островов градуированных и стабилизированных форм» [Латур, 2015: 337]. В этом видении группы, в том числе и этнические, приобретают текучесть и неопределенность границ, проявляя себя не столько через политические и идейные конструкции, сколько через взаимодействия и практики повседневности. В повседневных взаимодействиях, ориентированных не на идеи и ценности, а на

прагматику, справедливость как ценность может находить проявление в распределении разнообразных жизненных ресурсов, влиянии тех или иных групп на текущие события, отношениях с местными властями, наличии/отсутствии преференций в сфере торговли, в обеспечении возможностей для конкретных этнических групп к воспроизводству своих культурных традиций и в целом этнической идентичности.

Иными словами, место справедливости как ценности в таком контексте должно оцениваться через призму реальных практик, а не политических деклараций. С другой стороны, именно через исследование уровня реализации коллективных представлений о справедливости раскрываются характеристики наличного социального порядка.

В ходе осуществленного в 2021 г. в ряде южнороссийских регионов социологического исследования нами выявлены и систематизированы коллективные представления проживающих в этих регионах этнических групп о справедливом социальном порядке и межэтнических отношениях [Волков и др., 2021]. На основании полученных результатов было установлено: представители всех без исключения этнических групп, проживающих на Юге России, демонстрируют в своих ответах, что социальная справедливость ассоциируется у них преимущественно с реализацией равенства социальных условий и возможностей вне зависимости от этнической принадлежности. При этом чем более полиэтничным является регион проживания, тем более остро переживается представителями этнических меньшинств проблема обеспечения равных условий поддержания и воспроизводства этносоциокультурного своеобразия. Кроме того, обращает на себя внимание стремление респондентов проявлять объективность в оценке состояния межэтнических отношений в терминах справедливости-несправедливости, заинтересованность не столько в благоприятном позиционировании своей этнокультурной общности, сколько именно в равенстве условий и возможностей социокультурного воспроизводства и развития для всех.

Это свидетельствует о том, что в представлениях россиян, принадлежащих к различным этническим группам, справедливость как ценность увязывается главным образом с идеей и идеалом равенства и взаимного уважения, но не в контексте всеобщей социокультурной унификации, предлагаемой глобализмом. Справедливость рассматривается респондентами как важнейшее условие выстраивания равных и уважительных межэтнических отношений, преодоления следового влияния социокультурных травм прошлого, связанных с историческими коллизиями и конфликтами. Исследование показало, что респонденты видят конкретные проявления несправедливости в гораздо большей степени в сфере социальных, а не межэтнических отношений, связывая их с существующими социальными противоречиями.

Итоги исследования говорят о сохраняющейся дискуссионности темы справедливости в современном российском обществе, незавершенности и многообразии коллективных представлений о справедливом социальном порядке и в то же время о сохраняющейся значимости справедливости как базовой социальной ценности, идеала, в соизмерении с которым оцениваются происходящие в обществе изменения.

Отсюда следует, что изучение коллективных представлений о справедливости как ценности в условиях изменяющейся реальности может быть более эффективным благодаря включению в методологический арсенал исследователей элементов новой теоретической оптики, разработанной в акторно-сетевой теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков Ю.Г., Бедрик А.В., Бинеева Н.К. и др. Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России / отв. ред. *Ю.Г. Волков*. М.: ООО «Русайнс», 2021.

Гагаев А.А. Этническая справедливость в условиях глобализации и диалога культур // Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 24–25 апреля 2020 года). Екатеринбург: Уральск. ун-т, 2020. С. 29–30.

Давтян Д.В., Бояринова И.В., Начкебия М.С., Хрипков К.А. Роль ценности справедливости в осуществлении гражданского контроля за деятельностью местной власти // Общество: социология,

психология, педагогика. 2018. № 12. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2018/12/sociology/davtyan-boyarinova-nachkebiya-khripkov.pdf

Дробижева Л.М. Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / Отв. ред. *М.К. Горшков*. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 202–224. DOI: 10.19181/ezheg.2020.9.

Дудина В.И. «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016829-4.

Ивановский Б.Г. Социальные последствия цифровой революции // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2. Экономика: Реферативный журнал. 2018. № 3. С. 175–181.

Исмаилов Н.О. Глобализация в свете концепции справедливости // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-v-svete-kontseptsii-spravedlivosti (дата обращения: 18.06.2022).

Контуры современной реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / Под ред. *В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко*. М.: Леланд, 2018.

Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: ЕУ в СПб., 2015.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Акторно-сетевая теория в исследовании нации и национализма: методологический аспект // Kant. 2020. № 4 (37). С. 281–291.

Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Соч. в 6 т. Т. 4. СПб., 1897.

Сагитов С.Т. Социокультурная сфера и развитие цифровой экономики // Высшее образование в России. 2019. № 10. С. 97–105.

Социальная справедливость в русской общественной мысли. М.: Маска, 2014.

Троцюк И. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. № 1. С. 218–249.

Штомпка П. Справедливость / Пер. с пол. *А.А. Зотова* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 381–399.

Статья поступила: 09.07.22. Финальная версия: 28.08.22. Принята к публикации: 06.09.22.

SOCIAL JUSTICE AS A VALUE: IN SEARCH OF A NEW THEORETICAL OPTICS

VOLKOV Yu.G.

Southern Federal University, Russia

Yury G. Volkov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Southern Federal University, Academic Supervisor, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Rostov-on-Don, Russia (ugvolkov@sfedu.ru).

Abstract. The article revisits the concept of social justice in the light of a new theoretical optics offered by actor-network theory, which allows to interpret justice in social and interethnic relations through the cartography of re-aligning the social landscape. Analyzing the basic content aspects of social justice ideas in traditional Russian sociological thought, the author proceeds to the problem of finding methodological guidelines for studying social justice as a value in the conditions of a new reality formation, which challenges the sciences of society, requiring a renewal of research optics. As a possible version of such a new optics, the article discusses some ideas of actor-network theory (B. Latour, M. Callon, J. Low, e.a.). The article shows that actor-network optics allows us to pose the problem of leveling the social landscape, which, according to the author, can be interpreted as an implementation of social justice principles, including in interethnic interactions. The author relies on the theoretical ideas of the AST about the need to investigate social realities as processes of interactions and presents in the article some results of an empirical sociological survey of collective ideas about social justice in interethnic interactions in the South of Russia carried out in 2021.

Keywords: justice, social justice, value, theoretical optics, globalization, interethnic interactions, social landscape, actor-network.

REFERENCES

Contours of Modern Reality: Humanitarian-Technological Revolution and Choice of the Future. (2018) Ed. by V.V. Ivanov, G.G. Malinetsky, S.N. Sirenko. Moscow: Leland. (In Russ.)

Gagaev A.A. (2020) Ethnic Justice in Globalization and Dialogue of Cultures. In: *Dialogue of Cultures in the Age of Globalization and Digitalization: proceedings of International Scientific Conference* (Yekaterinburg, 24–25 April 2020). Yekaterinburg: Uralsk. un-t: 29–30. (In Russ.)

Davtyan D., Boyarinova I.V., Nachkebia M.S., Hripkov K.A. (2018) The role of the value of justice in civil control over local government. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika.* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2018/12/sociology/davtyan-boyarinova-nachkebiya-khripkov.pdf (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2020) Depoliticisation of Ethnicity: Between the Temptation of New Theories and Social Practice. In: *Russia Reforming: Yearbook.* Vol. 18. Ed. M.K. Gorshkov. Moscow: Novy Khronograph: 202–224. (In Russ.) DOI: 10.19181/ezheg.2020.9.

Dudina V.I. (2021) "Reassembling sociology": the digital turn and the search for a new theoretical optics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–11. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250016829-4.

Ivanovsky B.G. (2018) Social Consequences of the Digital Revolution. *Social and Human Sciences: Domestic and Foreign Literature.* Ser. 2. Economics: Abstract Journal. 2018. No. 3: 175–182. (In Russ.)

Ismailov N.O. (2015) Globalization in the Light of the Concept of Justice. *Society: Philosophy, History, Culture.* No. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-v-svete-kontseptsii-spravedlivosti (accessed 18.06.2022). (In Russ.)

Latour B. (2015) *Pasteur: War and the World of Microbes, with an Appendix of Irreducible* [translated from french by A.V. Dyakov]. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)

Latour B. (2014) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory.* Moscow: NIU VShE. (In Russ.)

Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. (2020) Actor-network theory in the study of nation and nationalism: a methodological aspect. *Kant.* No. 4 (37): 281–291. (In Russ.)

Mikhailovsky N.K. (1897) Letters on truth and untruth. In: *Op. cit.* in 6 vol. Vol. 4. St. Petersburg. (In Russ.)

Sagitov S.T. (2019) Sociocultural sphere and development of digital economy. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 10: 97–105. (In Russ.)

Sztompka P. (2017) Justice / Transl. from Polish by A.A. Zotov. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 381–399. (In Russ.)

Social Justice in Russian Public Thought. (2014) Moscow: Maska. (In Russ.)

Trotsyuk I. (2019) Justice in sociological discourse: semantic, empirical, historical and conceptual searches. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Sociological Review]. No. 1: 218–249. (In Russ.)

Volkov Yu.G., Bedrik A.V., Bineyeva N.K. et al. (2021) *Social justice in the sphere of interethnic relations and strengthening all-Russian identity of the population of Southern Russia.* Ed. by Yu.G. Volkov. Moscow: Rusains Ltd. (In Russ.)

Received: 09.07.22. Final version: 28.08.22. Accepted: 06.09.22.

Образы будущего России в общественном сознании

© 2022 г.

И.Н. ТРОФИМОВА

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О БУДУЩЕМ СТРАНЫ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КОНСЕНСУС?

ТРОФИМОВА Ирина Николаевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (itnmv@mail.ru).

Аннотация. *Эмпирическую базу исследования составили данные общероссийского социологического опроса, проведенного в марте 2021 г. по квотной репрезентативной выборке. Анализ показал, что отношение россиян к образу будущего страны – это специфический комплекс рациональных (приоритет частных интересов над общественными), эмоциональных (сочетание оптимизма и пессимизма) и поведенческих (конформизм) компонентов. Большинство репрезентирует желаемое будущее страны как демократическое социальное государство с устойчивыми институтами и сохраняющейся национально-цивилизационной идентичностью, однако предпочитает в частном порядке адаптироваться к настоящему, а не сообща и последовательно воплощать желаемый образ будущего. Этим определяется в целом рутинная темпоральная ориентация массового сознания современного российского общества.*

Ключевые слова*: российское общество • образ будущего • темпоральная ориентация • консенсус*

DOI: 10.31857/S013216250020843-0

Образ будущего играет важную роль: на индивидуальном уровне он определяют планы и действия людей, на коллективном уровне – сплачивает или разъединяет социум. В условиях растущей изменчивости и сложности современного общества, отмеченных многими авторами [Штомпка, 1996; Бек, 2000; Тоффлер, 2002; Гидденс, 2004; Бауман, 2008], изучение образов социального будущего приобретает особое значение. Еще в 1973 г. Ф. Полак отметил, что впервые за три тысячи лет существования западной цивилизации произошла массовая потеря способности или даже воли к обновлению образов будущего, произошло сжатие сознания времени до сиюминутного настоящего и размытие конкретного ощущения будущего [Polak, 1973: 14]. Непрерывные изменения и ускоряющийся темп жизни ставят под сомнение возможность долгосрочного целеполагания и прогнозирования. Даже наиболее тщательно разработанные планы имеют тенденцию не сбываться, а заканчиваться еще большим хаосом, аморфностью и беспорядком [Бауман, 2008: 147].

На этом фоне определение перспектив для трансформирующихся обществ выглядит еще более проблематичным. Со времени распада СССР и образования Российской Федерации прошло более 30 лет, произошли радикальные изменения в экономике, политике и социальной сфере. Однако вопрос о выборе пути развития России не сходил с повестки дня ни в турбулентные 1990-е [Куда идет…, 1994: 3–6], ни в относительно стабильные 2000-е гг. Образ будущего страны видится неопределенным и внутренне противоречивым даже для представителей экспертного сообщества и властных структур, от которых зависит

целеполагание общественного развития [Волков, Гончаров, 2017; Волков и др., 2020]. Проведение в 2022 г. специальной военной операции на Украине добавило к этим обстоятельствам резкое изменение международного имиджа России, повысив неопределенность.

Глобальные процессы, внутренние и геополитические противоречия не могли не сказаться на массовом восприятии образа будущего страны. Попытаемся найти ответы на вопросы, какие перспективы видятся россиянам наиболее желаемыми, как они соотносятся с их личными планами и оценками текущего положения дел, существует ли основа для достижения консенсуса.

Теоретическая основа анализа образа будущего. Изучение будущего (future studies) – отрасль междисциплинарных исследований, предметом которых является ментальная проекция актуальных социальных отношений и структур конкретного социума на шкале времени. Она включает анализ прошлого, определение текущих тенденций и построение сценариев возможных изменений в будущем. Ф. Полак называет этот процесс «тяни-толкай», в котором общество одновременно тянут вперед свои собственные заманчивые образы идеализированного будущего и толкает сзади реализованное прошлое [Polak, 1973: 1].

Отмеченные трудности в формировании образа будущего страны подводят к необходимости оценки способности общества проецировать и реализовывать перспективы, которые ведут к росту его благополучия. Полимодальность социального времени обусловливает разные *темпоральные ориентации* массового сознания. Исследователи противопоставляют ретроспективную и перспективную ориентации [Штомпка, 1996: 76], добавляя к ним рутину как проекцию в будущее текущей ситуации [Гудков, 2022: 665–667]. В содержательном плане эти ориентации отражают представления разных социальных слоев и групп в зависимости от их ценностных приоритетов, интересов, возможностей, жизненных планов [Gurvitch, 1963; Российское общество…, 2017; Карачаровский, Шкаратан, 2019; Шестопал, 2021]. При этом не только настоящее формирует образ будущего, но и образ будущего управляет настоящим через свою включенность как в индивидуальные планы, так и в государственные проекты и программы.

Одним из ключевых вопросов в исследовании образа будущего является его *структура.* Ряд авторов считает, что противоречия в групповых образах будущего, их нечеткость и неопределенность чреваты рисками социальных конфликтов и политической апатией, абсентеизмом и цинизмом граждан, что ведет к дестабилизации политической системы [Шестопал, 2021: 99; Российское общество…, 2017: 360]. Другие авторы отмечают объективный характер противоречий: если объединяющие, комплексные проекции включают выживаемость, функциональность, создание и реализацию образа будущего, то разъединяющие, альтернативные проекции учитывают влияние изменений, использование возможностей, управление рисками и реализацию изменений [Monda, 2018]. В данную логику укладывается и вывод о том, что образ будущего у россиян не носит окончательного характера и является принципиально открытым для изменений и дополнений [Волкогонова и др., 2002].

Отношение общества к образу будущего – консолидированная поддержка/отрицание в целом или его отдельных компонентов – рассматривается, как правило, в контексте анализа адаптивных предпочтений [Эльстер, 2011: 124; Фуллер, 2021: 314] и коллективных действий [Хоффер, 2017: 25; Delanty, 2021]. Если будущие результаты неизвестны либо их достижение предполагает риск или слишком высокую плату, то велика вероятность отказа от перспективы, какой бы привлекательной она ни казалась изначально. Доказательство тому – изменение отношения российского общества к демократической перспективе за последние 30 лет. В то же время отмечено, что широкое вовлечение различных участников (экспертов, граждан, неправительственных организаций) способствует более четкому и устойчивому видению будущего [Nikolova, 2014]. С учетом того, что в 2021 г. только 11% россиян отмечали свою возможность влиять на принятие важных для страны решений, при этом почти половина граждан (46%) не принимали никакого участия в политической жизни, неудивительно, что образ будущего России является, скорее, абстрактно-вневременным, чем конкретным и личностно-актуальным.

Партисипативный подход отражает переход от изучения альтернативных вариантов будущего к изучению образа желаемого будущего, который формируется как на внешнем коллективном, так и на внутреннем индивидуальном уровне [Inayatullah, 2013]. При этом образ будущего рассматривается в контексте не борьбы идеологий (например, капитализм vs социализм), а взаимоотношений человека с окружающей его реальностью. Отчуждение граждан от участия в общественно-политической жизни как части этой реальности, безусловно, накладывает отпечаток на отношение к своему будущему и будущему страны. Как своего рода резюме в описания сути рассматриваемой проблемы можно привести слова Ю.Г. Волкова: «Если в настоящем мы имеем дело с обществом, переживающим сложный переходный период, имеющим в своей истории радикальные повороты и при этом достаточно разобщенным, инертным и индифферентным, то такой социум не в состоянии породить актуальный проект коллективного будущего» [Волков, 2022: 84].

Методология изучения отношения россиян к будущему. Изложенное определяет концептуальные элементы нашего исследования: темпоральная ориентация массового сознания, динамика и структура массовых предпочтений, различие между личным и общественным, гражданское участие. Новизна подхода заключается в попытке выявить отношение россиян к образу будущего страны в контексте их *личных* планов и ожиданий, а не идеологических или ценностных конфликтов. Гипотезой исследования является предположение, что взгляды россиян относительно будущего во многом пересекаются, но социальная разобщенность и гражданская пассивность обусловливают трудности в достижении консенсуса в вопросе о том, какими путями к этому прийти.

В исследовании рассматривается отношение россиян к таким перспективам развития страны, как демократическое развитие, сильная власть, национальные традиции, сближение с Западом, свободный рынок, социальная справедливость, русское национальное государство, многонациональное государство. Они отражают наиболее острые темы публичных дискуссий относительно путей развития России, выступая компонентами образа будущего страны в целом. Отношение к ним является предметом мониторинга, проводимого Институтом социологии ФНИСЦ РАН с 2000-х гг., так что преемственность формулировок вопросов и вариантов ответов дает возможность проследить динамику на протяжении более чем 20 лет. В отличие от интегрального описания общества, практикуемого в мониторинге [Андреев, 2021], настоящая статья фокусируется на выявлении специфической связи между переменными, значение которых подчеркивается как последними теоретическими разработками, так и становящейся реальностью.

В качестве основной эмпирической базы использованы результаты социологического опроса, проведенного в марте 2021 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН в рамках проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (РНФ 2020–2022 гг.) методом анкетирования по квотной репрезентативной выборке относительно социально-демографической структуры населения в 22 регионах страны ($N = 2000$). Для выявления динамики отношения к образу будущего использованы также данные социологических опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН на протяжении 1998–2018 гг.

Динамика образа будущего страны: «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Отслеживая динамику образа будущего страны (табл. 1), можно видеть смену предпочтений десять лет назад: если в конце 1990-х – начале 2000-х гг. наиболее важным для россиян было установление сильной власти, способной обеспечить порядок, то с 2012 г. по сей день таковым является социальная справедливость. Переломным моментом стал 2012 год, который ознаменовался резким снижением поддержки лозунга сильной власти (до 18%) на фоне подавления массовых выступлений против итогов парламентских и президентских выборов. Одновременно усилилась поддержка лозунга «Россия – великая держава».

Как видно, в 2021 г. наиболее предпочтительными для россиян являлись перспективы достижения социальной справедливости, утверждения демократии, сохранения

Таблица 1

Структура и динамика образа желаемого будущего России
(ранжировано по данным 2021 г.), %

Желаемое будущее России	1998 $N = 2500$	2004 $N = 2500$	2012 $N = 1750$	2015 $N = 4000$	2018 $N = 4000$	2021 $N = 2000$
Социальная справедливость	32	37	45	47	59	51
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	15	15	28	27	37	41
Возврат к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям	24	13	22	35	27	33
Сильная власть, способная обеспечить порядок	48	40	18	26	26	31
Россия – великая держава, объединяющая разные народы	9	17	27	32	32	27
Россия – страна, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	*	*	*	*	*	20
Свободный рынок, частная собственность, минимум государства в экономике	21	16	7	13	14	16
Сближение с Западом, вхождение в «общеевропейский дом»	2	1	9	11	14	15
«Россия для русских», создание русского национального государства	3	3	14	10	12	12

Примечание. Заливкой выделены позиции, выбираемые респондентами наиболее часто (не менее 40%). * Вариант ответа не был включен в опрос.

национальной идентичности и сильной власти как гаранта общественного порядка и стабильности. В меньшей степени респонденты поддерживали лозунг «Россия – великая держава», а такие перспективы, как развитие свободного рынка, сближение с Западом и создание русского национального государства, являлись наименее привлекательными.

Обращает на себя внимание постепенный *рост* числа сторонников демократического развития, что противоречит выводу о *снижении* интереса к теме демократии в публичной дискуссии [Двадцать пять…, 2018: 135]. Во время опроса в 2021 г. при выборе из пары альтернативных суждений 66% респондентов отметили, что Россия должна стать демократическим государством, в котором обеспечиваются права человека и свобода самовыражения личности, а что она нуждается в твердой единоличной власти отметили только 34%. Динамика говорит скорее о растущей актуальности ценности демократии, прав человека и личной свободы.

Менее всего менялось отношение к перспективе развития рынка. Ее сторонниками являются в среднем 15–16% респондентов. В представлении россиян установился некоторый предел для экспансии рынка: всего 11% респондентов считают, что расширение возможностей для свободного предпринимательства и развитие конкуренции относятся к первоочередным задачам российского общества.

Наиболее желаемой перспективой россиянам видится установление социальной справедливости. Подтверждение тому – структура первоочередных задач, которые должно решать российское общество: за смягчение социальных неравенств выступали 37% респондентов, за увеличение бюджетного финансирования социальной сферы – 33%, за демократическое обновление общества, расширение прав и свобод граждан – 13%. Это

показывает, что отношение к образу будущего страны «подпитывается» текущими социальными процессами и отношениями. Демократия выглядит как важная, но отдаленная перспектива, тогда как на первое место выходит решение социальных проблем.

Однако наиболее ценное не означает легко достижимое. Снижение поддержки перспективы социальной справедливости с 59% в 2018 г. до 51% в 2021 г. на фоне роста – пусть небольшого – поддержки других перспектив («сильной власти, способной обеспечить порядок», «возврата к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям») говорит о некотором изменении во взглядах россиян. С точки зрения теории адаптивных предпочтений происходит преуменьшение ценности ранее желанных, но труднодостижимых результатов и завышение ценности результатов, менее желанных, но более важных и простых в достижении [Фуллер, 2021: 314–315]. В данном контексте демократия и социальная справедливость выглядят желанными, но труднодостижимыми целями, тогда как сильная власть и национальные традиции, так или иначе, *уже* находят свое воплощение в историческом прошлом и в текущем настоящем. Сама реальность сдерживает устремления в будущее, трансформируя мотивационную структуру человека, снижая значение проективного взгляда в будущее в пользу рутинного и ретроспективного, то есть обращенного на привычное настоящее и уже прошедшее.

В становящейся реальности идет постоянное переформатирование картины будущего. Наиболее желаемый, но труднодостижимый образ России как демократического и социального государства «отодвигается» дальше во времени, а «освободившееся место» занимают образы страны с сильной властью и национальными традициями. В целом в глазах современных россиян складывается вполне определенный образ желаемого будущего страны: демократическое социальное государство с устойчивыми институтами и сохраняющейся национально-цивилизационной идентичностью. На первый взгляд, консенсус в отношении образа будущего достигнут. Почему же его реализация постоянно отодвигается?

Личное будущее и будущее страны: «своя рубашка ближе к телу». Отношение к образу будущего страны во многом зависит от того, с каким настроением граждане смотрят в это будущее. Прежде всего, нужно отметить бóльшую озабоченность россиян своим личным будущим, чем будущим страны (63 и 27% соответственно), что, по мнению исследователей, в значительной степени связано с ситуацией пандемии [Андреев, 2021: 91]. Треть россиян вообще не задумывается или задумывается редко о будущем страны.

Если в свое личное будущее россияне смотрят с большей уверенностью и надеждой, то в будущее страны – с большей тревогой. Оптимизмом (уверенность, спокойствие, надежда) окрашены взгляды в личное будущее у 59% респондентов, а взгляды в будущее страны – у 44% респондентов; соответственно пессимизм (беспокойство, страх, отчаяние) в отношении личного будущего отмечают 37%, страны – 45%. Конечно, россияне не погружены в страх или отчаяние, а смотрят в будущее с надеждой, но спокойствие и уверенность однозначно уступают чувству тревоги. Показательно, что регулярные размышления о будущем своем и страны сопряжены с более пессимистическими оценками. Среди тех, кто редко задумывается о будущем и склонны жить настоящим, оптимистично смотрят в свое будущее 69%, в будущее страны – 49%, а пессимистично – 26% и 44% соответственно.

Полученные данные опровергают вывод об уязвимости «маленького человека» и устойчивости «большой страны» перед лицом будущего [Российское общество…, 2017: 314]. Оптимизм в отношении личного будущего подкрепляется уверенностью в поддержке со стороны ближайшего окружения – членов семьи, родственников, друзей, коллег, а будущее страны воспринимается сквозь призму надвигающихся на нее трудностей и недоверия к тем, кто принимает государственные решения. По крайней мере, в трудную минуту россияне рассчитывают на помощь именно ближайшего окружения, а не государственных или общественных структур.

Вычленение двух групп респондентов по степени их эмоционального отношения к будущему – «оптимистов» и «пессимистов» – показало, что первые в большей степени открыты разным перспективам с заметной «симпатией» либерально-демократическому

Таблица 2

Соотношение образов будущего России и проявления оптимизма/пессимизма в отношении личного будущего и будущего страны, *март 2021 г., %*

Желаемое будущее России	Личное будущее		Будущее страны	
	оптимисты	пессимисты	оптимисты	пессимисты
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	53	44	43	47
Сильная власть, способная обеспечить порядок	50	45	40	51
Возврат к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям	48	49	44	48
Сближение с Западом, вхождение в «общеевропейский дом»	65	35	59	29
Свободный рынок, частная собственность, минимум государства в экономике	66	13	69	25
Социальная справедливость	40	57	30	59
Страна, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	47	51	33	60
«Россия для русских», создание русского национального государства	32	66	27	63
Россия – великая держава, объединяющая разные народы	55	38	43	48

направлению. Для пессимистов большее значение имеют социальная справедливость и снижение социального неравенства. Кроме того, взгляд «пессимистов» отличает гораздо бóльшая поддержка образа «Россия для русских» по сравнению с «оптимистами» (табл. 2).

Судя по ответам, россиян больше беспокоит то, как те или иные варианты развития страны скажутся на их личных перспективах. Пожалуй, наиболее ярко это проявляется во взглядах молодежи.

Как видно из данных таблицы (табл. 3), взгляды молодых россиян в целом прямо противоположны взглядам старших поколений (за исключением почти равной поддержки наименее для всех привлекательного лозунга «Россия для русских»). Молодежь – единственная возрастная группа, которая поддерживала в 2021 г. демократическую перспективу больше, чем достижение социальной справедливости (49 и 42% соответственно), а возврат к национальным традициям – лишь немногим больше, чем сближение с Западом и развитие свободного рынка. Но молодежь, несмотря на сравнительно большую поддержку демократических и рыночных свобод, не может преодолеть ориентацию российского общества в целом. По мере взросления происходят адаптация к существующим реалиям и рутинизация образа будущего страны, наполнение его теми компонентами, которые отражают накопленный жизненный опыт и стремление к конформизму [Радаев, 2019: 182–183].

Более сбалансированный взгляд на будущее страны выражает другая группа респондентов – имеющие несовершеннолетних членов семьи (39% выборки). Их тоже отличает бóльшая ориентация в сторону демократического развития (43%), сближения с Западом (17%) и свободного рынка (18%). Любопытно, что у семейных респондентов, по крайней мере, до недавнего времени, было более выражено желание покинуть страну, в чем, по мнению исследователей, проявлялась тревога за будущее детей в современной России [Гостев, 2016: 212]. Этому наблюдению соответствует и вывод об устойчивости в российском массовом сознании облика Европы как образца развития, желаемого будущего, благополучной и обустроенной жизни, достойных условий для ее граждан [Российское общество…, 2017: 104]. Респонденты, в семьях которых нет детей, в большей степени ориентированы на достижение социальной справедливости (53%) и построение русского национального

Таблица 3

Отношение к образу будущего России в зависимости от возраста,
март 2021 г., %

Желаемое будущее России	Возрастные группы				
	18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	49	40	46	41	32
Сильная власть, способная обеспечить порядок	27	31	33	28	36
Возврат к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям	24	35	30	37	41
Сближение с Западом, вхождение в «общеевропейский дом»	21	18	15	10	9
Свободный рынок, частная собственность, минимум государства в экономике	22	18	17	10	12
Социальная справедливость	42	51	50	55	57
Страна, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	17	20	21	22	20
«Россия для русских», создание русского национального государства	11	14	12	12	12
Россия – великая держава, объединяющая разные народы	25	22	25	31	31

государства (21%). Хотя разница по этим показателям в двух группах респондентов не превышает 10 п.п., в сочетании с другими показателями она говорит о большей актуальности будущего страны у тех, кто планирует свое будущее и будущее своей семьи.

Подтверждением тому являются ответы респондентов в разрезе их горизонтов планирования. *Чем дальше горизонт планирования, тем более сбалансированным по своим компонентам выглядит образ будущего страны*. Для тех, кто планирует свою жизнь не менее чем на 5–10 лет вперед, равное значение имеют как демократическая перспектива и социальная справедливость, так и сильная власть, способная обеспечить порядок, – по 39%. Однако для респондентов без планов или с краткосрочным горизонтом планирования в 1–2 года социальная справедливость намного важнее, чем демократия и сильная власть.

Желаемый образ будущего страны формируется исходя из специфики восприятия респондентами окружающей действительности. Состояние фрустрации, невозможность удовлетворения тех или иных потребностей в конкретных условиях существования способствуют выбору компонентов образа будущего, которые близки к текущему положению дел или реализацию которых респонденты возлагают на других, прежде всего на государство. Люди часто превращают свою жизнь в рутину и с ее помощью противостоят чувству неуверенности и ощущению опасности [Хоффер, 2017: 25]. Напротив, респонденты, которые чувствуют бóльшую субъективную уверенность и ответственность, например молодежь и семьи с детьми, склонны выбирать будущее с «дальним прицелом».

Образ будущего страны, как и отношение к нему, определяются текущим ментальным, эмоционально-психологическим и поведенческим комплексом. В восприятии образа будущего России преобладает рутинная ориентация, которая отодвигает цели во времени и позволяет снимать противоречия между желаемой перспективой и трудностями ее реализации. И все же *рутинная ориентация имеет разное значение*. В группе респондентов с низким психолого-эмоциональным настроем это – компенсация тревожных взглядов на свое личное будущее и будущее страны. В двух группах респондентов – с детьми

и имеющих долгосрочные планы – рутина воспринимается как стабильность, основа для постепенного продвижения к цели и улучшения жизни следующих поколений. Для молодежи рутина вытесняет проективную ориентацию по мере взросления и адаптации к существующим условиям.

Участие в общественно-политической жизни: «моя хата с краю». Если отношение к образу будущего страны – сочетание рациональных оценок и эмоциональных настроений, то готовность в буквальном смысле строить это будущее зависит от степени вовлеченности в общественно-политическую жизнь: пассивность предполагает согласие и адаптацию, активность – планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей [Штомпка, 1996: 108]. По степени вовлеченности в общественно-политическую жизнь страны можно выделить три группы респондентов. К группе «абсентеистов» отнесены те, кто в своих ответах отрицали какое-либо участие,– 46% всех респондентов. В группу «конформистов» включены принимавшие участие в инициированных властью политических акциях (различного уровня выборах, референдумах) – 40%. Наконец, минимальную по численности группу, 4%, составили «активисты» – респонденты, принимавшие участие в акциях, инициированных не властью, а гражданскими активистами.

Как показал прошлогодний опрос (рис.), для всех трех групп предпочтительными являются перспективы установления демократического общества и социальной справедливости, причем первая несколько более важна для «активистов», а вторая – для «конформистов». Единственная перспектива, где поддержка «абсентеистов» преобладает,– это «Россия – великая держава, объединяющая разные народы». В целом либерально-демократическая перспектива (демократическое развитие с ориентацией на Запад и свободный рынок) выглядит более предпочтительной для «активистов», хотя и не является для них приоритетной. Это означает, что именно они могут предложить и продвигать данную перспективу в публичной дискуссии. Две другие группы в большей степени являются выразителями социал-демократического взгляда. Мы опять видим, что для россиян желаемый образ будущего страны – демократическое социальное государство, но активное меньшинство готово участвовать в движении к нему, а пассивное большинство предпочитает адаптироваться к текущей реальности.

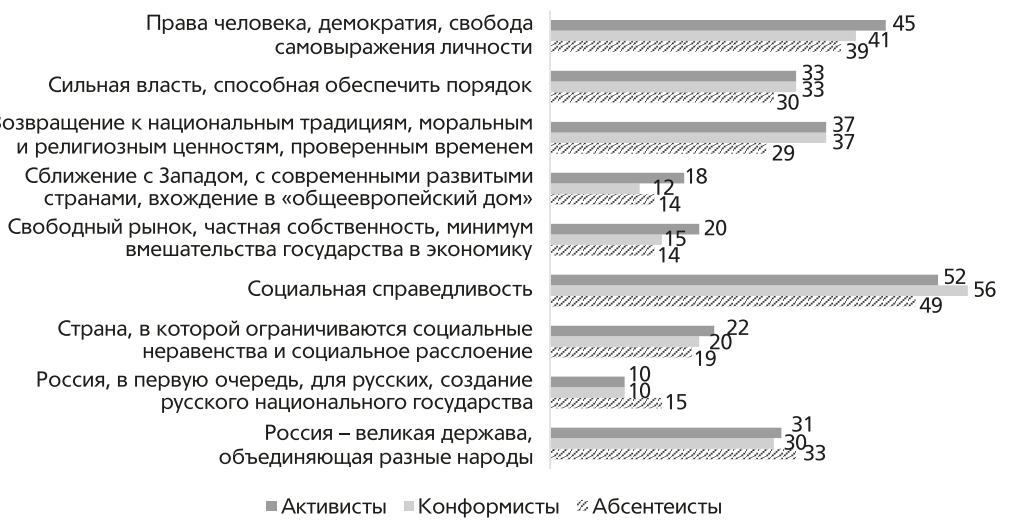

Рис. Отношение к будущему страны в разрезе опыта общественно-политического участия, *март 2021 г., %*

Для респондентов, которые уверены в своей возможности влиять на политику государства (их доля, как уже отмечалось, составила 11%), наиболее желаемой является именно перспектива демократического развития общества, далее идут установление социальной справедливости (36%) и сильная власть, обеспечивающая порядок (34%). Для остальной части респондентов (89%) к приоритетным относятся установление социальной справедливости (53%) и демократии (42%), а также возвращение к национальным традициям (33%). Конечно, эти две очень разные по численности группы не противостоят друг другу, во многом пересекаясь в своих предпочтениях, но они различаются в оценке способов, с помощью которых эти предпочтения могли бы быть реализованы.

Участие в общественно-политической жизни способствует росту гражданской субъектности, осознанию личной ответственности за происходящее в стране в противовес конформистскому согласию. Гражданская активность обеспечивает связь с актуальной реальностью, побуждая общество в целом находить решение проблем, а не замалчивать их, и постепенно продвигаться к цели. В данном контексте гражданская активность «выталкивает» общество из рутины повседневности и выступает как фактор инкрементального обновления образа будущего. Однако большинство россиян предпочитает в частном порядке адаптироваться к настоящему, чем сообща последовательно стремиться к желаемому будущему. Следовательно, проблема не в самом образе будущего, а в том, как люди оценивают возможности и способы его реализации.

Возможен ли консенсус? Анализ показал, что отношение россиян к образу будущего страны представляет собой специфический комплекс рациональных (преобладание частных интересов над общественными), эмоциональных (сочетание оптимизма и пессимизма) и поведенческих (конформизм) компонентов. Рациональная составляющая проявляется в приоритетности образа личного будущего над будущим страны, что объясняется большей возможностью учитывать повседневную действительность, планировать и управлять изменениями в личной жизни и жизни семьи, нежели всего социума. Эмоциональная составляющая определяет оптимизм или пессимизм в отношении будущего: позитивный настрой способствует его долгосрочному проектированию, тогда как негативный – адаптации к настоящему, поиску ориентиров в прошлом. Поведенческий компонент отражает степень готовности индивидов непосредственно участвовать в реализации той или иной перспективы, причем различие между «активными» и «пассивными» гражданами заключается не собственно в предпочтениях, а в способах, которыми эти предпочтения могут быть реализованы. В своем сочетании эти компоненты обеспечивают преимущественно рутинный взгляд россиян на будущее страны.

Большинство россиян репрезентирует желаемое будущее страны как демократическое социальное государство с устойчивыми институтами и сохраняющейся национально-цивилизационной идентичностью. Этот образ складывался постепенно на протяжении всех лет после распада СССР, отражая происходящие в стране перемены. Его ценностно-смысловое ядро в виде сильной власти как гарантии порядка сместилось в сторону социальной справедливости. При этом сам образ стал более сложным: не только социальная справедливость, но и другие перспективы получили растущую поддержку со стороны россиян, в чем просматривается чрезвычайно возросшая разнородность и сегментация российского общества [Горшков, 2019: 15]. Апелляция к сильной власти видится актуальной больше в смысле обеспечения законности, прав граждан и движения в сторону социальной справедливости, но никак не установления тоталитарного режима в духе Сталина. Очевидно, что с течением времени меняется не только степень поддержки населением той или иной перспективы развития страны, но также ее смысл.

Образ будущего страны может быть достаточно универсальным, когда речь идет об уважении и правах личности, благополучии, безопасности, возможности самореализации и сохранения национально-культурной идентичности. Как показал анализ, предпочтительные для россиян перспективы вполне соответствуют этой картине. Ключевой проблемой является дистанцирование граждан от участия в выработке и реализации образа

будущего страны. Хотя демократия и социальная справедливость приоритетны в глазах большинства россиян, эти перспективы отодвинуты в дальнее будущее как труднодостижимые, тогда как настоящее заполняется менее значимыми – рутинными или извлеченными из прошлого.

Предложенная гипотеза, что взгляды россиян относительно будущего во многом пересекаются, но социальная разобщенность и гражданская пассивность обусловливают трудности в достижении консенсуса в том, какими путями к этому прийти, в целом подтвердилась. Однако существенные различия между группами «активных» и «пассивных» респондентов не выявлены: малочисленность первой группы дает возможность говорить лишь о тенденции. Более определенно об отношении россиян к образу будущего страны можно говорить в контексте их личных проектов: чем дальше горизонт планирования, тем желаннее перспективы демократии, социальной справедливости и стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А.Л. Ожидания, надежды и образы будущего // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 90–103.

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Волков Д., Гончаров С. Образ будущего в представлении экспертного сообщества Общероссийского гражданского форума // Левада-Центр. 08.12.2017. URL: https://www.levada.ru/2017/12/08/obraz-budushhego-v-predstavlenii-ekspertnogo-soobshhestva-ogf/ (дата обращения: 10.06.2022).

Волков Д., Колесников А., Левинсон А. Альтернативы для России: каким видят будущее страны сторонники и противники перемен // Московский Центр Карнеги. Ноябрь 2020. URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Russian_final1.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

Волков Ю.Г. Российское общество в XXI веке: личностное измерение социального развития. М.: РУСАЙНС, 2022.

Волкогонова О.Д., Малов А.В., Панина Е.М. Представления современной вузовской молодежи о будущем // Мир России. 2002. № 4. С. 157–178.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.

Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17.

Гостев А.А. Отношение современных россиян к некоторым аспектам социальной и политической жизни страны // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: ИП РАН, 2016. С. 206–218.

Гудков Л. Возвратный тоталитаризм. В 2-х т. Т. 1. М.: НЛО, 2022.

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян / Под ред. *М.К. Горшкова, В.В. Петухова*. М.: Весь Мир, 2018.

Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 5–17.

Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Материалы международного симпозиума, 17–19 декабря 1993 г. / Общ. ред. *Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян.* М.: Интерпракс, 1994.

Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / Под ред. *М.К. Горшкова, В.В. Петухова.* М.: Весь Мир, 2017.

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002.

Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Паблишер, 2017.

Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 99–112.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. М.: ГУ ВШЭ, 2011.

Delanty G. Imagining the future: Social struggles, the post-national domain and major contemporary social transformations // Journal of sociology. 2020. No. 57(1). P. 27–46.

Gurvitch G. Social Structure and the Multiplicity of Times // Sociological Theory, Values, and Sociocultural Change: Essays in Honor of P.A. Sorokin / Ed. by *E.A. Tiryakian*. New York: Free Press of Glencoe, 1963. P. 171–184.

Inayatullah S. Futures Studies: Theories and Methods // There's a Future: Visions for a Better World. Bilbao: BBVA, 2013. P. 37–63.

Monda E. Social Futuring – in the Context of Futures Studies. Working Paper. No. 5. Budapest: Corvinus University, 2018.

Nikolova B. The rise and promise of participatory foresight // European Journal of futures research. 2014. No. 2 (1). DOI: 10.1007/s40309-013-0033-2.

Polak F. The Image of the Future. Amsterdam, London, New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973.

Статья поступила: 14.06.22. Финальная версия: 22.08.22. Принята к публикации: 23.08.22.

RUSSIANS' IDEAS ABOUT THE FUTURE OF THE COUNTRY: IS THERE A CONSENSUS?

TROFIMOVA I.N.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina N. TROFIMOVA, Dr. Sci. (Pol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (itnmv@mail.ru).

Abstract. The relevance of the study is due to the difficulties in forming country's future image in a transforming society, growing contradictions in relation to individual prospects and the ongoing discussion in determining the causes and consequences of these contradictions. The theoretical basis of the study is a set of provisions on the polymodality of social time, acceleration of social dynamics, complexity of the image of the future and its dependence on the specifics of social interactions in a particular society. The empirical base of the study is the data of a nationwide sociological survey in March 2021 using the method of questioning respondents using a quota representative sample. The analysis showed that the respondents' attitude to the image of the country's future is a specific set of cognitive (priority of private interests over public), emotional (a combination of optimism and pessimism) and behavioral (civic passivity) components. It is concluded that a majority of Russians represent the desired future of the country as a democratic social state with stable institutions and a preserved national and civilizational identity, but they prefer to privately adapt to the present than to participate in the creation of this future. This determines the routine temporal orientation of the mass consciousness of Russian society.

Keywords: Russian society, image of the future, dynamics, temporal orientation, consensus.

REFERENCES

Andreev A.L. (2021) Expectations, hopes and images of the future. In: *Information and analytical bulletin (INAB). Russian society in a pandemic: a year later (the experience of sociological diagnostics).* No. 2: 90–103. (In Russ.)

Bauman Z. (2008) *The liquid modernity*. St. Petersburg: *Piter*. (In Russ.)

Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Delanty G. (2020) Imagining the future: Social struggles, the post-national domain and major contemporary social transformations. *Journal of sociology*. No. 57(1): 27–46.

Elster J. (2011) Explaining Social Behavior. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)

Fuller S. (2021) *Post-truth. Knowledge as a power game*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.).

Giddens A. (2004) *Runaway World. How Globalisation is Reshaping our Lives*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)

Gorshkov M.K. (2019) Social outcomes of the post-Soviet transformations. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–17. (In Russ.)

Gorshkov M.K., Petukhov V.V., eds. (2017) *Russian society and challenges of the time*. Book 5. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)

Gorshkov M.K., Petukhov V.V., eds. (2018) *Twenty-five years of Russian transformations: experience of sociological analysis*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)

Gostev A.A. (2016) The attitude of modern Russians to some aspects of the social and political life of the country. In: Zhuravlev A.L., Koltsova V.A., Holondovich E.N. (eds) *Historiogenesis and the current state of the Russian mentality*. Iss. 2. Moscow: IP RAN. (In Russ.)

Gudkov L. (2022) *Return to totalitarianism*. Vol. 1. Moscow: NLO. (In Russ.)

Gurvitch G. (1963) Social Structure and the Multiplicity of Times. In: Tiryakian E.A. (ed.) *Sociological Theory, Values, and Sociocultural Change: Essays in Honor of P.A. Sorokin*. New York: Free Press of Glencoe: 71–184.

Hoffer E. (2017) *The true believer*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Inayatullah S. (2013) Futures Studies: Theories and Methods. In: *There's a Future: Visions for a Better World*. Bilbao: BBVA: 37–63.

Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.L. (2019) Different goals of the same society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies] No. 1: 5–17. (In Russ.)

Monda E. (2018) *Social Futuring – in the Context of Futures Studies*. Working Paper. No. 5. Budapest: Corvinus University.

Nikolova B. (2014) The rise and promise of participatory foresight. *European Journal of futures research*. No. 2 (1). DOI: 10.1007/s40309-013-0033-2.

Polak F. (1973) *The Image of the Future*. Amsterdam, London, New York: Elsevier Scientific Publishing Company.

Radaev V. (2019) *Millennials: How the Russian society changes*. Moscow: NIU HSE. (In Russ.)

Shestopal E.B. (2021) Image of an Ideal Future: Russians' Normative Concepts of Authorities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 464: 99–112. (In Russ.)

Sztompka P. (1996) The Sociology of Social Change. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Toffler A. (2002) *Future shock*. Moscow: AST. (In Russ.)

Volkogonova O.D., Malov A.V., Panina E.M. (2002) Representations of modern university youth about the future. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 4: 157–178. (In Russ.)

Volkov D., Goncharov S. (2017) The image of the future in the view of the expert community of the All-Russian Civil Forum. *Levada Center.* URL: https://www.levada.ru/2017/12/08/obraz-budushhego-v-predstavlenii-ekspertnogo-soobshhestva-ogf/ (accessed 10.06.22). (In Russ.)

Volkov D., Kolesnikov A., Levinson A. (2020) Alternatives for Russia: how supporters and opponents of change see the future of the country. *Carnegie Moscow Center.* URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Russian_final1.pdf (accessed 10.06.22). (In Russ.)

Volkov Yu.G. (2022) *Russian society in the 21st century: personal dimension of social development*. Moscow: RUSAINS. (In Russ.)

Zaslavskaya T.I., Arutiunian L.A., eds. (1993) *Where is Russia going? Alternatives of social development*. Proceedings of the international symposium, December 17–19. Moscow: Interpraks. (In Russ.)

Received: 14.06.22. Final version: 22.08.22. Accepted: 23.08.22.

© 2022 г.

А.Л. АНДРЕЕВ, И.А. АНДРЕЕВ, Е.Д. СЛОБОДЕНЮК

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О БУДУЩЕМ РОССИИ

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С.А. Герасимова, Национального исследовательского университета «МЭИ» (sympathy_06@mail.ru); *АНДРЕЕВ Иван Андреевич – ассистент Национального исследовательского университета «МЭИ»* (v-andreev_07@mail.ru); *СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, старший научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»* (eslobodenyuk@hse.ru). *Все – Москва, Россия.*

Аннотация. *Предметом статьи выступают представления россиян о перспективах развития страны и путях ее развития. На основе результатов всероссийских социологических опросов 2021–2022 гг. анализируются консолидированные запросы россиян на различные варианты будущего и идентифицируются их коллективные носители. Сравнивая результаты социологических исследований разных лет, авторы отмечают устойчивость представлений населения России о дальнейших путях развития страны. На первые места среди качеств, которыми должна обладать Россия будущего, большинство россиян ставят социальную справедливость, преодоление коррупции, смягчение социальных неравенств, переход к инновационной экономике, укрепление международных позиций страны. В своем понимании национальных целей, в запросах на будущее россияне опираются на коллективный исторический опыт, квинтэссенцией которого является убеждение большинства граждан в том, что «Россия должна жить своим умом», не оглядываясь на импортированные модели и образцы. Либеральные ценности в западном их понимании привлекают меньшинство граждан. Ставится вопрос о том, как различия в представлениях о должном и желательном применительно к будущему России соотносятся с базовыми социальными различиями (пол, возраст, образование, место проживания и др.). Дифференциация взглядов россиян по данному вопросу практически не связана со стандартными социально-демографическими различиями, а коренится в мировоззрении. Несмотря на рост тревожности, обусловленный изменением политической обстановки в мире, ценностные установки и запросы россиян на будущее в основном укладываются в тенденции, которые прослеживаются в социологических опросах последних двух десятилетий.*

Ключевые слова*: будущее • российское общество • образы будущего • социология будущего • российская ментальность • модель развития*

DOI: 10.31857/S013216250020368-7

Социология будущего. Будущее, в повседневном значении слова,– это то, чего еще нет, но может быть в одном из многих возможных вариантов [Цой, 2013: 120]. Онтологический статус будущего значительно сложнее. Мы ведь не можем отчетливо зафиксировать момент, когда оно «уже пришло». В известном смысле то, что грядет, всегда «уже с нами», ибо всегда так или иначе содержится в нашем «сейчас». В общественном сознании современного типа инкорпорировано множество образно-смысловых элементов, выводящих нас за пределы сегодняшней реальности и как бы представляющих будущее-в-настоящем, его прожективные формы, существующие в модальностях возможного, вероятного и предпочтительного. Такие формы нельзя рассматривать как чистую игру воображения, поскольку они оказывают влияние на устремления, ценностные установки и реальное социальное поведение людей. Начиная с определенного исторического момента, хронологически обозначенного «Тезисами о Фейербахе» [Маркс, 1955], человечество не довольствуется простым ожиданием будущего, а стремится *производить* его в соответствии

При поддержке РНФ, проект № 20-18-00505.

со своими запросами. В обществе модерна образы желаемого будущего и его ожидания служат важнейшим фактором легитимации конкретных политических идей, программ и отстаивающих их политических сил. Представления о будущем выступают по отношению к меняющейся социальной реальности в функции аристотелевых целевых причин. В этом смысле Дж. Урри сравнивал социальное будущее с роком, направляющим сегодняшнюю жизнь людей [Urry, 2016], и это в значительной степени верно, несмотря на то что большая часть проектов будущего не реализуется и переходит в разряд *failed futures*.

Социальные науки призваны участвовать в процессе производства будущего, способствуя пониманию перспектив общественного развития. Как отмечал У. Белл, социология может изучать будущее несколькими способами. Во-первых, мы можем сосредоточить внимание на образах будущего, которые бытуют в социальных коммуникациях и культуре в различных модальностях (ожидание, прогноз, идеал, мечта, отношение к различным альтернативам будущего и т.п.). Во-вторых, можно анализировать цели, намерения, традиции и решения различных социальных акторов, действиями которых, собственно, и создается будущее. В-третьих, предметом изучения может стать динамика представлений о будущем, социальных мотиваций и моделей социального поведения с анализом последствий этих изменений [Bell, 2009].

Состоявшийся в 2016 г. в Вене 3-й Форум международной социологической ассоциации, проходивший под девизом «Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир»[1], продемонстрировал многогранность проблемы, которая рассматривается современной социологической наукой в разных теоретических перспективах: технологической, экологической, постколониальной, феминистской, трансгуманистической и т.п. Мы ограничимся первым из перечисленных У. Беллом направлений. *Предмет нашего исследования – это характеристика образов России будущего, какой ее хотели бы видеть россияне.* Мы рассматриваем эти образы в двух аспектах: с точки зрения содержательной характеристики идеалов и устремлений наших сограждан и с точки зрения оценки ими рисков и перспектив развития страны, выявляем и описываем группы россиян, наиболее значительно различающиеся между собой по видению желаемого образа будущей России.

Эмпирической базой послужили результаты опросов Института социологии ФНИСЦ РАН в марте 2021 и марте 2022 гг. в рамках проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз»[2]. Массовые опросы населения РФ осуществлены по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке. Объем выборочной совокупности составляет 2000 респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, социально-профессионального статуса, образования и типа населенного пункта проживания. Исследования проводились в 22 субъектах РФ и охватили 112 поселений, в том числе 2 мегаполиса, 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 19 поселков городского типа (ПГТ) и 37 сел. Районирование осуществлялось по федеральным округам Российской Федерации. Сбор первичной информации осуществлен методом очного персонального интервью[3].

Сопоставление результатов исследований 2021 и 2022 гг. интересно тем, что первое из них зафиксировало состояние массового сознания в условиях относительно спокойного времени, второе же отразило общественные настроения в момент начала специальной военной операции (СВО) Вооруженных сил РФ и ЛДНР. Усилилось значение факторов риска и неопределенности, на что российское общество отреагировало резким повышением уровня тревожности (в 2021 г. 62% россиян оценивали ситуацию в России

[1] В оригинале слово «будущее» использовано во множественном числе («Futures»), подчеркивая множественность вариантов будущего.

[2] РФФИ, проект № 20-18-00505.

[3] Для анализа изменений ряда показателей использовались данные исследования «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век» Института социологии РАН, проведенного в 2000 г. методом очного интервью по репрезентативной выборке (N = 2050).

как кризисную или катастрофическую, в 2022 г. – 86%). В подобных ситуациях всегда возникают новые ожидания, способствуя пересмотру сложившихся социальных представлений и возникновению запроса на формирование новых образов будущего. Опираясь на результаты социологических исследований, можно зафиксировать исходные параметры данного процесса, определить «социальный профиль» его участников и высказать суждения о его вероятной динамике.

Представления россиян о желаемом будущем страны и проблема цивилизационного самоопределения России. Хотя в представлениях россиян о будущем прослеживаются поддерживаемые большинством доминанты, они не единообразны. В основе размежевания лежит выбор между двумя принципиально разными стратегиями развития России, одна из которых ориентирована на следование западным образцам, другая – на собственный опыт, собственные ценности и на некую историческую миссию, отличную от той, которую олицетворяет и реализует Запад. Эта идеализированная схема на практике осложняется дополнительными альтернативами, противостоянием демократических и авторитарных, имперских и националистических, социалистических и буржуазных тенденций. Однако на данный исторический момент проблема цивилизационного самоопределения России в системе координат «Восток – Запад» является самым сильным дифференцирующим признаком, определяющим строй мировоззрения.

На протяжении двух десятилетий большинство россиян высказывается против безоглядного заимствования чужого опыта[4]. После признания Россией независимости народных республик Донбасса и последовавших за этим событий оппозиция Западу и ориентированной на Запад стратегии развития среди россиян значительно выросла. Одновременно заметно увеличилась доля россиян, одобряющих путь, по которому идет современная Россия (55% – в 2021 г., 71% – в 2022 г.), а доля считающих, что этот путь ведет в тупик, значительно уменьшилась (с 45 до 29%)[5].

Обращают на себя внимание изменения, которые характеризуют запрос россиян на те или иные варианты будущего. Эти изменения не выливаются в коренной пересмотр сложившейся в массовом сознании «картины мира», которая носит устойчивый характер. Но они примечательны и могут рассматриваться среди других характерологических черт российского социума, определяющих его своеобразие на фоне других обществ. На первое место в списке социальных характеристик, которые наши сограждане хотели бы видеть у России будущего (рис. 1)[6], они выдвинули обеспечение социальной справедливости (в 2021 г. за это высказался 51%, в 2022 г. – 47% опрошенных). На втором месте не реализация прав человека и демократия, а сильная власть, обеспечивающая в стране порядок и эффективную стратегию развития (31 и 40% соответственно). Отметим заметное (с 26 до 35%) увеличение доли желающих, чтобы Россия и в будущем сохранила за собой роль великой державы, объединяющей разные народы. На 5 п.п. (до 39%) вырос за год престиж национальных традиций и традиционных ценностей, но эта тенденция не свидетельствует об изоляционистских настроениях – число желающих, чтобы Россия и впредь сохраняла тесные партнерские отношения с Западом, практически не уменьшилось (как и годом раньше, с таким пожеланием солидаризировался приблизительно каждый седьмой).

---

[4] Показательны ответы на вопрос с выбором альтернатив: «С каким из нижеприведенных суждений вы согласны в большей степени?»: «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны» (35% – в 2021 г., 23% – в 2022 г.), «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни» (65 и 77% соответственно). И эта тенденция устойчива.

[5] Точная формулировка вопроса с выбором одной из альтернатив: «Существуют различные точки зрения в отношении того, как и в каком направлении должна развиваться Россия. С каким из нижеприведенных суждений вы согласны в большей степени?»: «Путь, по которому идет современная Россия, даст в перспективе положительные результаты», «Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик».

[6] Точная формулировка вопроса: «Какой вы хотели бы видеть Россию будущего?»; полный перечень вариантов ответа представлен на рис. 1; допускалось не более трех вариантов.

Рис. 1. Желаемый образ будущей России в массовом сознании россиян, 2021–2022 гг., *в % от опрошенных*

Представления о будущем и исторический опыт. Выражая свое понимание национальных целей и задумываясь о будущем, наши сограждане опираются на исторический опыт России. Вопрос о том, какие уроки для настоящего и будущего следует извлечь из этого, неоднократно задавался в ходе исследований разных лет. Как выяснилось, самый очевидный из этих уроков состоит в том, что нам надо жить своим умом, не копировать иностранные образцы. Такой вывод делают для себя 35–40% россиян. Данный показатель незначительно варьируется по годам, но на протяжении последних двух десятилетий он очень мало менялся[7]. Противоположной точки зрения – «Западная модель развития

[7] Здесь и далее рассматриваются ответы россиян на вопрос: «Как вы думаете, какие главные уроки должна извлечь Россия из исторического опыта прошедшего столетия?» (не более трех ответов

наиболее эффективна, и Россия должна ей следовать» – придерживаются не более 4–5% населения страны. Доля тех, кто счёл Россию страной, фатально обреченной на неудачи («в России никогда ничего хорошего не получится»), составляет не более 5%.

По мере втягивания страны во все более острую конфронтацию с Западом у россиян усиливались сомнения в приоритете экономики перед политикой, в том, что реформы в стране надо было начинать с экономики, а не с политических преобразований: по сравнению с 2000 г. доля разделяющих такую точку зрения уменьшилась примерно в полтора раза (с около 40 до 26%). Параллельно уменьшается и доля тех, кто связывает процветание страны с созданием условий для желающих работать и зарабатывать: в целом по сравнению с 2000 г. она сократилось с 35 до почти 24%. В основном этот тезис поддерживают лица с высокими доходами; в данной группе его сторонников примерно наполовину больше, чем в среднем по стране. В то же время слабо выражен рост числа граждан, считающих, что социализм подходит нашей стране больше, чем капитализм.

Продолжая анализ влияния исторического опыта на коллективное самосознание российского общества, хотелось бы обратить внимание на то, как преломляется в динамике мнений тема «сильного» государства и «сильного» политического лидерства. Русских, россиян вообще, нередко уличали в неискоренимой приверженности к деспотизму, как повод для антироссийских политических кампаний и даже прямой русофобии. Международные события на исходе зимы 2021–2022 гг. вызвали сплочение общественных слоев вокруг президента В.В. Путина и укрепили его положение политического лидера страны. В зарубежных (порой и в отечественных) СМИ это интерпретируется как свидетельство существования в российском обществе сильного запроса на авторитаризм. На наш взгляд, такая интерпретация не согласуется с эмпирическими данными, характеризующими массовые настроения россиян. Если авторитарный запрос в российском обществе и существовал, то в последние десятилетия он слабел. В 2000 г. с тезисом «Россия может процветать только тогда, когда во главе ее – сильная личность, хозяин» солидаризировались почти 29% россиян, в 2017 г. – 22%. Весной 2022 г. – после начала специальной военной операции на Украине – его поддерживали те же 22%.

Соответственно описанным тенденциям во взглядах на уроки прошлого и перспективы развития страны произошла умеренная корректировка, касающаяся оценки значимости задач, решение которых должно обеспечить наступление лучшего будущего[8]. Расстановка приоритетов осталась той же, что мы фиксировали год назад и несколько ранее, но «вес» отдельных задач, которые необходимо решить российскому обществу и государству, изменился. На первом месте для сограждан по-прежнему стоит борьба с коррупцией (40% – в 2021 г. и 42% – в 2022 г.). Затем со сравнительно небольшими разрывами следуют смягчение социальных неравенств и формирование эффективной наукоемкой экономики: эти пункты набирают в свою поддержку до 35% сторонников каждый, но по первому из них не было увеличения по сравнению с прошлым годом, значение второго увеличилось на 7 п.п. Существенно возросла доля граждан, назвавших в числе своих приоритетов укрепление суверенитета России и ее позиций на мировой арене (с 26 до 34%). Снижение наложенных на Россию санкций, похоже, для россиян не предмет озабоченности – эту позицию отмечал один из восьми. В остальном представления большинства об актуальных задачах, которые стоят перед страной, практически не изменились. В числе главных приоритетов российского общества остаются обеспечение равенства всех перед законом и увеличение

из 13 суждений). Среди не озвученных в тексте присутствовали следующие: «Нельзя жить без веры в Бога» (18% – в 2022 г.), «В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках» (18%), «Несмотря на отдельные достижения, советская власть завела страну в тупик» (8%), «Запад – извечный враг России, именно он противодействует ее процветанию» (22%), «Нельзя менять жизнь методом революций, необходимы постепенные преобразования в обществе» (22%).

[8] Ответы на вопрос: «В последнее время много говорят о необходимости дальнейшей трансформации российского общества с учетом новых реалий. Как вы полагаете, какие задачи Россия должна решать в первую очередь?» (не более трех из 11 суждений).

бюджетного финансирования медицины, образования, культуры. Мало изменились мнения россиян по вопросам либеральной повестки, которые обычно воспринимаются в российском обществе довольно индифферентно (демократическое обновление общества, расширение прав и свобод, расширение возможностей для свободного предпринимательства, поддержание российских ценностей и исторических традиций).

Путь в будущее: решение актуальных проблем. Что требуется для решения задач, которые, по мнению россиян, в настоящее время стоят перед страной? Необходимы ли для этого коренные перемены, новые политические и экономические реформы? Или больше нужны устойчивость, стабильность, постепенность, преемственность в развитии и снижение уровня генерируемых рисков? Весной 2021 г. мы фиксировали, что мнения россиян по данному вопросу разделились почти пополам [Андреев А., Андреев И., 2021], с тех пор индикаторы популярности каждой из этих альтернативных точек зрения сблизились. Если год назад первую из них поддерживали 47% россиян, вторую – 50%, то по результатам опроса 2022 г. эти показатели еще более сблизились (50 против 48%). В абсолютных цифрах это очень небольшое изменение. Но в первом случае количество сторонников стабильности пусть немного, но превышало число желающих коренных перемен, тогда как в самое последнее время соотношение становится обратным.

Анализ показывает, что наиболее «сильными» дифференцирующими признаками в данном случае являются возраст и уровень доходов. В возрастной группе до 25 лет доля энтузиастов коренных перемен поднимается до 68% (на 18 п.п. больше, чем в среднем по выборке), численность предпочитающих стабильность падает до 30%. С увеличением возраста этот разрыв постепенно сокращается, преобладание сторонников стабильности устанавливается после 46 лет. В самой пожилой возрастной группе (старше 65 лет) значение соответствующего показателя представляет собой почти точную инверсию того, что мы наблюдаем в самой младшей возрастной когорте: 34% за перемены и 65% против. Среди граждан с наиболее высокими среднедушевыми доходами в домохозяйстве (выше 2 поселенческих медиан) доля сторонников перемен составляет 62%, противоположную позицию занимают 37%. С падением уровня доходов тяга к решительным переменам затухает: в медианной группе (от 0,76 до 1,25 поселенческих медиан) численность приверженцев стабильности немного преобладает, среди граждан с низкими доходами наблюдается паритет противоположных точек зрения. Менее выражена, но все же очень заметна, корреляция между жаждой коренных перемен и такими параметрами, как тип поселения и уровень образования. В целом в мегаполисах и среди граждан, закончивших высшие учебные заведения, стремление к переменам на 2–4 п.п. выше, а стремление к стабильности на столько же ниже, чем в среднем.

Идеологическая дифференциация населения на основе образов желаемого будущего страны. Из приведенных данных можно сделать вывод, что запрос на перемены в России усиливается, в качестве «возмутителя спокойствия» выступает наиболее «продвинутая» и социально динамичная часть населения. На этот запрос надо реагировать, понимая при этом конкретную суть данного запроса. Для одних желаемые перемены – это уменьшение неравенства, для других – неограниченная возможность «зарабатывать», для кого-то это возвращение к традициям, для кого-то – новый путь в Европу и т.д. Среди поборников перемен всегда находятся такие, у кого нет определенного осмысленного и идеологически обоснованного образа желаемого будущего, им просто хочется некой «встряски».

Выявить социальные типы, различающиеся по комплексу характеризующих их представлений о должном и запросов на будущее, связанных между собой в определенное смысловое единство, позволяет метод кластеризации данных. Использование метода двухэтапного кластерного анализа позволяет разделить россиян на 6 групп, три из которых (№№ 1–3) являются носителями ярко выраженных, непротиворечивых и отчетливо различающихся между собой мировоззренческих позиций, еще две (№№ 4–5) характеризуются менее выраженным социально-психологическим и идеологическим «профилем», последняя (№ 6) объединяет тех, у кого позиция противоречива и не в полной мере еще

Таблица 1

Группы россиян, формирующиеся на основе желаемого образа будущей России, 2022 г.
(*% людей, придерживающихся того или иного мнения в составе группы*)

Желание видеть Россию страной…	Группы россиян (№№)						В среднем по стране
	1	2	3	4	5	6	
в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	100	13	82	34	25	21	*39*
в которой существует сильная власть, обеспечивающая порядок и развитие в ней	0	100	91	0	58	39	*40*
сохранившей национальные традиции, моральные и религиозные ценности, проверенные временем	0	45	88	36	56	37	*39*
активным партнером Запада	35	0	0	0	0	26	*14*
в которой обеспечиваются свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	40	0	0	0	0	46	*21*
в которой обеспечивается социальная справедливость	55	31	0	54	100	28	*47*
в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	22	0	0	13	20	24	*17*
в первую очередь, для русских, то есть русским национальным государством	0	0	0	0	0	25	*8*
великой державой мира, объединяющей разные народы	0	100	0	100	0	20	*35*
Справочно: численность россиян, входящих в группу, % населения	*15*	*12*	*7*	*17*	*17*	*32*	–

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100%, т.к. при ответе на вопрос допускалось до 3 вариантов ответа; серым фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 75% (т.е. те мнения, которые поддерживаются подавляющим большинством представителей группы).

сформирована (табл. 1). Отличительной чертой последней группы выступает то, что она единственная объединяет в себе всех до единого сторонников нетипичной для подавляющего большинства россиян (поддерживаемой 8% граждан) идеи создания русского национального государства.

Представители группы приверженцев западного пути развития (группа № 1) хотят соблюдения прав человека, демократии, как минимум каждый третий – партнерства с западными странами и обеспечения свободного рынка с минимальным вмешательством в его функционирование со стороны государства (табл. 1). Каждый второй ее представитель желает справедливости, по-видимому, в либеральном англосаксонском толковании. В дальнейшем мы будем называть эту группу «новыми западниками».

Группа № 2 объединила людей, желающих видеть Россию великой мировой державой с сильной властью, обеспечивающей мир и порядок. Эти два мнения одновременно высказал каждый человек, попавший в ее состав. В качестве третьего ответа чаще отмечалось сохранение российских национальных традиций. Данную группу лучше всего назвать «жесткими государственниками».

По мировоззренческим характеристикам заметно выделяется группа № 3. Представители этой группы также хотят жить в стране с сильной властью, которая чтит

национальные традиции. Но вместе с тем это должна быть демократическая страна, в которой обеспечены защита прав граждан и свобода самовыражения. Выбор представителей данной группы – назовем их «мягкие государственники» – четко ограничен первыми тремя строками приведенной таблицы.

Две оставшиеся группы россиян характеризуются своим главным запросом. Для группы № 4 это желание видеть страну великой мировой державой, для группы № 5 – желание жить в справедливом обществе.

Дальнейший анализ будет сфокусирован на рассмотрении трех групп (№№ 1–3). Авторы статьи осознанно прибегают к такому ограничению, несмотря на то что в общей совокупности данные группы охватывают лишь треть населения страны (табл. 1). Причиной служит то, что только эти три группы в ходе детального анализа широкого ряда показателей продемонстрировали значимые на общестрановом фоне отличия, позволяющие судить о том, кто является носителем данных взглядов[9]. Три остальные группы, охватывающие 2/3 населения страны, по анализируемым показателям, в том числе по стандартным социально-демографическим и социально-экономическим (пол, возраст, место проживания, профессия, доход, состав семьи и мн. др.), не продемонстрировали значимых отличий и представляют собой усредненный портрет российского общества, что и привело авторов к одному из ключевых выводов исследования. Рассмотрим подробнее портреты этих групп (табл. 2).

Первые – *«новые западники»* – люди, во многом *оторванные от корней*. Лишь один из пяти представителей этой группы интересуется историей своей семьи, остальным до нее нет дела, их интересуют текущие житейские проблемы. Среди «новых западников» чаще можно встретить тех, кто не знает, как относиться к истории своей страны, 30% испытывают по отношению к историческому прошлому смешанные чувства либо стыдится его. В среднем по стране таких почти вдвое, среди «государственников» втрое меньше (16 и 10%). Представители данной группы наименее религиозны: 22% среди них – атеисты, в совокупности с теми, кто верит в наличие абстрактной высшей силы, не относя себя ни к какой конфессии, – 37%. Среди «государственников» («жестких» и «мягких») неверующих и верящих в абстрактную высшую силу 16–17%. «Новые западники» *не склонны доверять практически никому, кроме*

Таблица 2

Наиболее значимые характеристики «новых западников», «жестких» и «мягких» государственников, 2022 г., *%*

Характеристики	«Новые западники»	«Жесткие государственники»	«Мягкие государственники»	В среднем по стране
Историческая память				
Не интересуются историей семьи	19	7	9	14
Испытывают смешанные чувства относительно истории страны / стыдятся ее	30	10	16	16
Лояльны к сносу памятников и переименовыванию улиц	17	4	9	10
Уровень недоверия к разным институтам, организациям, лицам				
Президенту	51	9	14	26
Правительству	63	25	30	41
Руководителю республики, губернатору и пр.	67	32	42	47

[9] С точки зрения же стандартных социально-демографических характеристик (пол, возраст, места проживания и пр.), как показано далее, от общестранового портрета не отличаются и они, что приводит авторов к значимому выводу, представленному в заключение статьи.

Окончание таблицы 2

Характеристики	«Новые западники»	«Жесткие государственники»	«Мягкие государственники»	В среднем по стране
Российской армии	47	9	16	24
Российской академии наук	43	23	28	32
Церкви	58	32	30	42
Защита прав и интересов человека				
Не согласны с тем, что государство должно в первую очередь отстаивать интересы народа, а не интересы личности	32	12	10	20
Считают, что законы можно нарушать, если они устарели или не соответствуют нынешним реалиям	43	35	22	34
Считают, что правительство не вправе влиять на правосудие, даже если этого требуют интересы государства	59	30	37	45
Считают, что любой человек в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	81	49	66	66
Согласны с тем, что если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, то их свободу стоит ограничивать	42	81	66	62
Оценка власти и пути развития страны				
Считают, что нынешний путь заведет Россию в тупик	34	10	16	29
Считают, что власть надо поддерживать в любых обстоятельствах	52	92	85	76
Считают, что власть надо сменить во что бы то ни стало	47	8	12	23
Считают, что санкции приведут к крайне негативным последствиям	45	14	19	26
Не одобряют специальную операцию на Украине	44	5	13	21
Стыдятся России	20	6	8	10

Примечание. В ячейках отражена доля представителей группы, для которых типично то или иное убеждение/характеристика (для оставшихся из 100% представителей группы типично противоположное мнение/характеристика); в таблице сведены и сгруппированы по содержательным блокам ответы на вопросы исследования, предоставляющие наибольшую ценность для анализа и интерпретации.

ближайшего круга. Уровень доверия к президенту здесь низкий (49%, в среднем по стране – 73%, среди «жестких государственников» – 91%). Можно было ожидать, что они более благосклонны к таким неотъемлемым элементам современного модернизированного общества,

как научное сообщество (в лице Академии наук) и НКО. Однако по отношению к ним «новые западники» демонстрируют самый высокий уровень недоверия[10].

Подавляющее большинство в данной группе согласно с тем, что любая личность имеет право в любой ситуации отстаивать свои права, даже в виде бойкотов, забастовок и демонстраций. Они хотят, чтобы государство защищало интересы малых групп, и *не поддерживают политический вектор*, который избрало правительство, *и действия властей,* в особенности происходящие в последние месяцы, 44% не поддерживают специальную операцию на Украине, 45% считают, что санкции западных стран нанесут непоправимый ущерб нашему обществу. Из совокупности этих характеристик понятно, почему каждый пятый стыдится своей страны (вдвое больше среднего по стране и как минимум втрое больше, чем в группах №№ 2–5), каждый третий убежден, что Россия идет путем, который заведет ее в тупик, каждый второй считает, что нынешнюю власть надо сменить во что бы то ни стало. Каждый пятый из числа «новых западников» практически готов уже завтра присоединиться к протестным акциям. Учитывая то, что данная группа охватывает 15% россиян, это настораживающий факт.

«Жесткие государственники» отличаются наибольшей долей тех, кто гордится российской историей и страной в целом, – 47% представителей этой группы ценят историю своей семьи, 33% прилагают усилия по ее изучению. Ввиду более бережного отношения к истории они чаще выступают против стирания исторической памяти (68 против 58% по стране в целом). Рассуждая о *скрепах российского общества*, 55% из этой группы утверждают, что россиян роднит и объединяет историческая память (против 39% по стране)[11]. В качестве основы солидарности с гражданами России 51% называют *ответственность за судьбу страны*. Это очень показательная черта: во всех остальных группах доля придерживающихся такого мнения не превышает 34–37%. «Жестких государственников» отличает *уверенность в правильности пути, по которому в настоящее время идет страна* (89 против 71% в среднем по стране), и в то же время самое выраженное непринятие западного пути; 91% из этой группы твердо убеждены, что Россия – особая цивилизация (против 77% в среднем). Они испытывают *наивысшее доверие* ко всем ключевым уровням *власти*, лично президенту (91 против 73%), ко всем принимаемым ими *решениям*. Они выделяются наивысшей степенью одобрения специальной операции (70%), ни в одной другой группе доля сторонников не превышает половины, в среднем по стране составляет 46%. По этой причине представители данной группы спокойнее всех восприняли события февраля–марта 2022 г. и не склонны переживать по поводу наложенных на Россию санкций (42% считают, что санкции принесут российской экономике определенную пользу). Лояльность к нынешней власти проявляется и в том, что «жесткие государственники» хотят *еще большей* ее централизации (76 против 57%). Они убеждены, что какие бы действия ни предпринимали власти, их нужно поддерживать, терпимее всех остальных относятся к вмешательству правительства в судопроизводство. Это объясняется их убежденностью в том, что надо отстаивать интересы большинства. 81% считают, что свободу блогеров и СМИ, действующих против интересов страны, следует ограничивать.

Третья группа – *«мягкие государственники»* многим напоминают предыдущую, но характерологические показатели, по которым «жесткие государственники» отличаются от средних по стране и от «новых западников», проявляются в данной группе не столь ярко

---

[10] В общей сложности сопоставлялся уровень доверия к 19 организациям при ответе на вопрос: «А вы доверяете или не доверяете в целом следующим государственным и общественным институтам?» (в т.ч. из не представленных в табл. 2, в которой отражены наиболее показательные данные, – органам местного самоуправления, Государственной думе России, Совету Федерации, политическим партиям, полиции и органам внутренних дел, прессе, Интернету и социальным сетям, профсоюзам, судебной системе, общественным организациям (экологическим, благотворительным, правозащитным), российским банкам, Центральной избирательной комиссии).

[11] Не считая гражданства и территории, на которой проживает русский народ, – позиций, самых часто называемых.

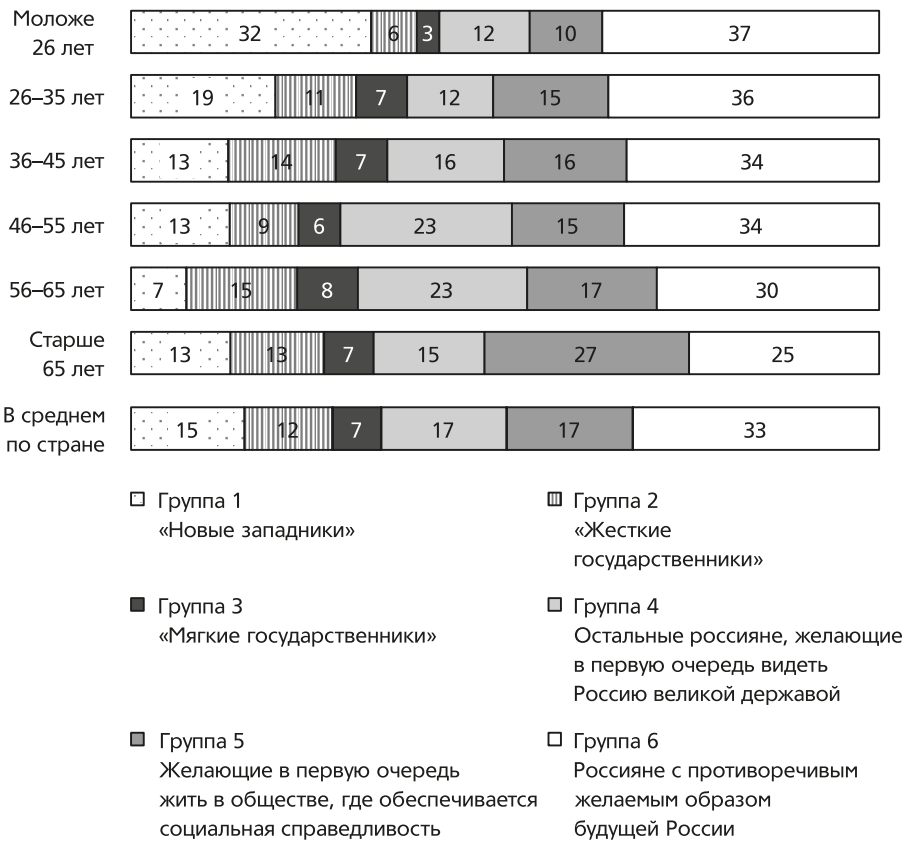

Рис. 2. Доля групп, солидарных в отношении желаемого образа будущей России, среди россиян разных возрастов, 2022 г., *в % от опрошенных*

и рельефно. От «жестких государственников» их отличает еще несколько особенностей. Во-первых, никто из «мягких государственников» не отметил стремление видеть нашу страну великой мировой державой как приоритетное. Во-вторых, они более чувствительны к стиранию исторических «маркеров» (снос памятников и т.п.). В-третьих, среди «мягких государственников» 78% не готовы нарушать законы даже в случае, если они не соответствуют нынешним реалиям (среди «жестких государственников» таких 65%). Можно говорить о том, что эмоциональная напряженность, склонность к крайностям в этой части политического спектра менее выражена, чем у «жестких государственников». Рассуждая о том, что роднит рассматриваемую группу с остальными гражданами России, надо отметить, что они немного чаще «жестких государственников» называют в числе приоритетов культуру и религиозные ценности.

Видя значимые различия между «новыми западниками» и «государственниками», мировоззренческие особенности первых и вторых, нельзя не поставить вопрос: «Так кто же эти люди? Является ли горячность «новых западников» – идеей, зажигающей умы молодых поколений, сформировавшихся в информационном поле постмодерна, а непоколебимый патриотизм – чертой поколений уходящих поколений?».

Как мы убедились, сопоставление представлений о будущем России по возрастным когортам в целом не дает оснований для такого рода утверждений (рис. 2). С одной

стороны, среди молодежи в возрасте 18–25 лет больше всего сторонников прозападных настроений. С другой стороны, с 26-летнего возраста эти взгляды теряют популярность. Возможно, это связано с этапами жизненного цикла, для которых в ранних возрастах в принципе типичен идеализм, максимализм и горячность, в старших возрастах – взвешенность суждений, отказ рассматривать события и явления в черно-белом ключе, склонность мириться с обстоятельствами, нежелание резких перемен. Но, может, описываемая тенденция демонстрирует зачаток новых идеалов, продвигаемых молодым поколением.

Неожиданным результатом кластерного анализа явилось то, что ни одна из классификаций по объективным социальным признакам не позволяет зафиксировать границы выделенных групп – они практически не отличаются от усредненного состава российского общества и представлены людьми всех возрастов, профессий, уровней образования и т.д. Единственная поправка к данному утверждению: среди «новых западников» чаще встречается молодежь (44% моложе 36 лет, в среднем по стране – 29%), но столь заметное отличие наблюдается только в данной группе и исключительно в срезе по возрастам.

Это подтверждает мысль о том, что *в современном российском обществе базовые социально-демографические и статусные характеристики не выступают дифференцирующими показателями при описании мировоззренческих расхождений*, включая представления о будущем [Латова, 2019]. В частности, мы не можем сказать, что «новые западники» в подавляющей массе – молодежь, а «жесткие государственники» – это пожилые граждане. Мы не увеличим шансы встретить «государственников», если поедем в малую Россию, или «новых западников», если обратим свой взор на мегаполисы. Этот вывод означает серьезный вызов для российской политики и для выявления зон локализации полярных социально-политических настроений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А.Л., Андреев И.А. Россия-2021: переживание настоящего и взгляд в будущее // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 82–92.

Латова Н.В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11. № 3. С. 119–134.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд. полит. лит., 1955.

Цой Л.Н. «Будущее» как социологическое понятие // Мир психологии. 2013. № 2. С. 120–134.

Bell W. Public Sociology and the Future: the Possible, the Probable, and the Preferable // Handbook of Public Sociology / Ed. by V. Jeffries. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.

Urry J. What is the Future? Cambr.: Polity Press, 2016.

Статья поступила: 26.05.22. Финальная версия: 11.08.22. Принята к публикации: 07.09.22.

RUSSIANS' IDEAS ABOUT THE FUTURE OF RUSSIA

ANDREEV A.L.[*], ANDREEV I.A. [**], SLOBODENYK E.D.[*]

[*]*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; **National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Russia*

Andrey L. ANDREEV, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (sympathy_06@mail.ru); *Ivan A. ANDREEV – Assistant, National Research University "Moscow Power Engineering Institute"* (v-andreev_07@mail.ru); *Ekaterina D. SLOBODENYUK, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Senior Researcher, Institute for Social Policy, National Research University "Higher School of Economics"* (eslobodenyuk@hse.ru). *All – Moscow, Russia.*

Acknowledgements. The study was funded by Russian Scientific Foundation (Project No 20-18-00505).

Abstract. The subject of the article is the social ideals of Russians and their ideas about the prospects and the ways for the development of the country. Based on the results of All–Russian sociological surveys, including those conducted in 2021–2022, the article analyzes consolidated Russians' demand for future options, clears up the conceptual foundations of such demand and identifies their social subjects. Comparing the results of sociological studies of various years, the authors of the article note stable ideas of the Russian population about the further development of the country. In the first place among the qualities that Russia of the future should possess, most Russians call social justice, overcoming corruption, mitigating social inequalities, transition to an innovative economy, strengthening the country's international positions. At the same time, as shown in the article, in their understanding of national goals and in their requests for the future, Russians rely on collective historical experience, the quintessence of which is the conviction by the majority of citizens that "Russia should live by its own mind", not looking at imported models and patterns, including Western ones. Accordingly, liberal values in their Western understanding attract only a minority of citizens. In this regard, the article raises the question of how differing perceptions of what is due and desirable in regard to Russia's future correlate with basic social differences (gender, age, education, place of residence, etc.). It is shown that the differentiation of Russians' views on this issue is practically not related to standard socio-demographic differences being rooted in their worldview choice. It is shown that, despite growing anxieties caused by the change in the political situation in the world, values and demands of Russians for the future basically fit into the trends traceable in sociological surveys of the past two decades.

Keywords: images of the future, sociology of the future, Russian society, Russian mentality, development model.

REFERENCES

Andreev A., Andreev I. (2021) Russia-2021: Experiencing the present and looking into the future. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 82–92. (In Russ.)

Bell W. (2009) Public Sociology and the Future: the Possible, the Probable, and the Preferable. *Handbook of Public Sociology.* Ed. by V. Jeffries. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers.

Latova N. (2019) The Actors of the Request for Institutional Changes in Modern Russia (the Socio-psychological Context). *Journal of Institutional Studies*. Vol. 11. No. 3: 119–134. (In Russ.)

Marx K. (1955) Theses about Feuerbach. In: Marx K., Engels F. *Writings.* 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Gos. izd. polit. lit. (In Russ.)

Tsoi L. (2013) "Future" as a sociological concept. *Mir psihologii* [World of Psychology]. No. 2: 120–134. (In Russ.)

Urry J. (2016) *What is the Future?* Cambridge: Polity Press.

Received: 26.05.22. Final version: 11.08.22. Accepted: 07.09.22.

© 2022 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (zhantosch@mail.ru).

Аннотация. *Учитывая размышления и выводы новой коллективной монографии под редакцией Н.Е. Тихоновой, рассматривается генезис идей социальной структуры российского общества, олицетворяющих творческое и новаторское продолжение исследований, накопленных за весь период существования русской/советской/российской социологии. С этой целью проанализированы первые шаги и трактовки социального положения основных общественных слоев, общностей и групп в России в XIX в., их развитие, уточнение и новое осмысление в XX – начале XXI в. Показывается, что многие попытки объяснить изменения социальной структуры связаны как с социально-экономическими и социально-политическими условиями (объективные обстоятельства), так и с обогащением научного знания, применением новых методов познания. На основе информации по данной проблеме в современной отечественной социологии утверждается, что подход, предложенный в данной монографии к анализу социальной стратификации на основании жизненных шансов, обогащает наши представления о социальной структуре современного российского общества. Высказываются также комментарии, направленные на обсуждение дискуссионных положений данной концепции.*

Ключевые слова: *социальная структура • социальная стратификация • классы • социальные слои, общности, группы*

DOI: 10.31857/S013216250021404-7

В новой монографии [Общество неравных возможностей…, 2022] предложена оригинальная методология анализа социальной структуры российского общества с использованием вертикальной модели стратификации на основании соотношения жизненных шансов и рисков. Осуществленный анализ и предложенные выводы авторов побудили не только к размышлениям (хотя и в тесной связи) над продуктом творческого поиска и возможностей исследования, но и к оценке наследия отечественной социологии по проблемам социальной структуры. Для этого заглянем в историю социологии, чтобы понять, как шел поиск новых идей, как генерировались умозаключения и выводы, которые становились этапом или новой гранью в познании общественной структуры.

Первый этап: рождение многообразия идей. Уже на этапе возникновения социологии российские ученые особое внимание уделяли изучению социальной структуры общества – чрезвычайно актуальному вопросу в силу глубоких общественных сдвигов, происходящих в России начиная с середины XIX в. Практически каждый обществовед того

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 18-18-00024.

времени в той или иной мере касался проблем сословного положения людей. Напомним, что в России XIX в. было шесть сословий: аристократия царских и княжеских родовых кланов, дворянство, духовенство, крестьянство, городские обыватели и казачество. Отдельно учитывались лица военной и гражданской службы. Кроме того, с 1832 г. в Российской империи было введено сословие почётных граждан.

На наш взгляд, первыми специальными работами, посвященными социальной структуре, стали работы А.И. Стронина (1826–1889) [1869; 1872 (1917); 1885]. Они были ответом на кардинальные изменения в российском обществе – начали формироваться новые социальные общности и группы под влиянием становления капиталистических отношений, связанных с отменой крепостного права и новой потребностью в профессиональных и интеллектуальных силах. Дав анализ многообразию происходящих изменений, Стронин предложил свое видение – рассматривать три общности: самую массовую (земледельцы, ремесленники, торговцы), среднюю (арендаторы, мануфактуристы, банкиры) и правящую (законодатели, судьи, администраторы). Хотя с точки зрения сегодняшнего дня эта классификация выглядит примитивно, но в то время эта постановка вопроса привлекла внимание многих мыслящих представителей интеллигенции, увидевших в ней обоснованное суждение о происходящей трансформации социальной структуры российского общества, которая исходила не из правовых оснований сословного деления, а из реально складывающихся новых социальных образований.

Практически одновременно в русскую социологическую мысль вошли труды марксистов, рассматривающие формирующиеся новые социальные классы – рабочий класс (пролетариат) и класс капиталистов (буржуазии), которые стали определять лицо российского общества. Первые выводы о формировании новых классов становящегося буржуазного общества и их роли в жизни страны и мира были сделаны Г.В. Плехановым (в наиболее сжатом виде они изложены в: [Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова, 1973]). Но если у Плеханова эти идеи были выражены в основном в виде теоретических размышлений, то в работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» на основе анализа более 500 источников (монографий, статей, статистических справочников, сборников, обзоров и т.д.) был дан анализ классовой структуры российского общества конца XIX в. Ленин подробно описал, как образуются рабочие слои в возникающих отраслях экономики, как помещичье хозяйство постепенно замещается капиталистическим, как происходит расслоение крестьянства. Особое внимание Ленин уделил трудовой жизни формирующегося пролетариата, что привело его к выводу о реальности его существования и его будущности [Ленин, т. 3, 1971].

Среди трудов, посвященных классовой структуре, стоит особо выделить исследования М.И. Туган-Барановского (1865–1919). В монографии «Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование» (1900) он поставил цель изучить положение пролетариата больших городов. В монографии «Теоретические основы марксизма» (1905) в главе «Потребности как движущие силы социального развития» дал описание бедственного положения рабочих, отметив, что 92–94% из них не имели семей, ютились в приспособленных и скученных жилищных условиях с низкой оплатой труда [Туган-Барановский, 1997; 2019].

Среди других русских социологов, в той или иной мере анализирующих социальные группы, следовало бы, на наш взгляд, отметить труды П.Л. Лаврова (1823–1900), Н.К. Михайловского (1842–1904) и С.Н. Южакова (1849–1910).

В целом, вклад социологов России XIX в. в том, что был сформирован принципиально новый взгляд на реальное (а не официально декларируемое сословное) состояние общественной структуры. Эти новые представления о социально-классовой структуре активно обсуждались не только в научном сообществе, но и среди всех участников политической жизни, что позволяло отстаивать новые определения и представления о классах, уточнять трактовку, определять их место и роль в жизни российского общества. Нужно признать, что большинство исследователей склонялись или поддерживали (нередко частично)

точку зрения марксистов и анализировали те критерии, которыми они определяли классы и свое представление о них. Наиболее полная формулировка этих представлений выражена в определении Ленина, ставшем классическим: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [Ленин, т. 39, 1970: 15].

Второй этап: опыт осмысления советской реальности. Вполне закономерно, что после Октябрьской революции, отменившей одним из первых декретов сословную структуру 11 (24) ноября 1917 г., марксистская концепция стала преобладать в тематике социальных наук, в том числе и в социологии. Именно социологи пошли дальше в своих исканиях – они начали изучать не только основные классы – рабочих и крестьян, но и составляющие эти классы социальные общности и группы. Т.е. они, с одной стороны, продолжали развивать идеи Маркса о классах, с другой стороны, конкретизировали и уточняли их применительно к российской специфике.

В 1920-е гг. появились исследования различных общностей и групп рабочих (Е.О. Кабо, Б.Б. Коган, М.С. Лебединский), молодежи (А.И. Колодная), крестьян (П.А. Анисимов, А.Б. Гейер). В 1920-х – начале 1930-х гг. проводились широкомасштабные эмпирические исследования и социально-статистические обследования в Красной армии, 80% которых было посвящено изучению «военно-социальных проблем через призму социально-классовых отношений, социально-классовой структуры армии и флота» (И.Н. Шпильрейн). Все эти исследования открыли совершенно новый мир, который всеми красками отражал многообразие трудовой, политической и социальной жизни этих общностей и групп на основе не только умозрительных рассуждений и статистических данных, но и на базе конкретных эмпирических исследований (подробнее см.: [Кукушкина, 2009]).

По сути дела, эти исследования выработали те направления, формы и методы исследований, которые в дальнейшем нашли отражение в концепции П. Сорокина о социальной стратификации в его четырехтомном труде, написанном в 1937–1941 гг. [Сорокин, 2000]. Напомним, что он выделил четыре основных признака, по которым, на его взгляд, происходит естественное деление на социальные страты в любом обществе: уровень дохода; образование; социальный престиж; наличие власти. Такой подход делал акцент на распределении результатов труда, социальном положении и степени влияния человека на дела общества, что давал мощный импульс для глубокого и обоснованного суждения о жизнеустройстве людей. Именно этот подход открыл ворота для углубленных исследований классов посредством детального и обстоятельного анализа других социальных общностей и групп, в том числе и во вновь образующихся и возникающих в процессе кардинальных изменений, происходящих в Советском Союзе.

Этот подход, который соединял анализ классов и составляющие его структурные образования, исповедовали в реальной практике социологи того времени. Он обогатил социологию новыми методами исследования – статистический анализ был дополнен анкетированием, интервью, анализом документов, в том числе личных (писем, дневников). В результате была получена более полная и убедительная информация о состоянии общественного сознания у многих слоев населения, что давало в распоряжение органов управления возможность принимать соответствующие решения с учетом знания потребностей, мотивов и интересов людей. Так, в монографии А.М. Большакова «Деревня (1917–1927 гг.)» (1927) в полной мере реализован монографический подход: подробнейшим образом проанализирован исторический путь, социально-экономическое состояние нескольких волостей Тверской губернии, участие крестьян в экономической и политической жизни, их повседневные заботы и даже дан анализ частушек, как спе-

цифического языка, наглядно отражающего заботы сельских жителей – от политических до бытовых.

Или другой пример, социологические и социально-психологические исследования красноармейцев в 1920–1930-е гг. позволили корректировать работу командного и политического руководства Красной армии, совершенствовать идейно-воспитательную работу среди будущих бойцов, результаты которой проявились впоследствии, в годы Великой Отечественной войны (подробнее см.: [Образцов, 2019]).

В целом на этом этапе была получена ценнейшая информация о состоянии сознания, поведения, формах и методах участия различных групп населения в той гигантской преобразовательной деятельности, которая осуществлялась в Советском Союзе. Именно в этот период сформировался такой социальный феномен, как советский человек. Его характеристика во всех сложностях становления стала серьезным достижением социологов, которое, к сожалению, еще слабо осмыслено и в настоящее время.

После перерыва в проведении эмпирических исследований в 1930–1940-х гг. в конце 1950-х гг. они были возрождены в рамках классической марксистской парадигмы – исследовались в первую очередь трудовые коллективы рабочего класса. Хотелось довести до сведения читателей любопытный факт: первая статья, посвященная анализу жизни рабочих трех уральских заводов на базе эмпирических исследований, появилась в журнале «Вопросы философии» в 1959 г. [Коган, 1959]. Да и другие последовавшие социологические публикации тоже апробировали свои идеи на промышленных предприятиях – описывали социальное положение рабочих разных профессий в различных отраслях народного хозяйства, среди которых следует отметить коллективную монографию под ред. Г.В. Осипова [Рабочий класс…, 1965], исследование под руководством В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова, посвященное трудовой жизни рабочей молодежи [Человек и его работа, 1967], а также монографии Ю.В. Арутюняна о крестьянстве [Опыт социологического…, 1968; Социальная структура…, 1971].

Насколько значимым было исследование проблем социальной структуры, говорит факт, что в конце 1960 – начале 1970-х гг. прошли три всесоюзные конференции (в Минске, Свердловске (Екатеринбурге), Львове), которые по значимости, охвату и количеству участников превосходили проводившиеся в то время все другие научные мероприятия. Они собрали практически всех работающих в социологии исследователей. Всеобщий и преобладающий интерес к этой проблеме позволил охарактеризовать изменения в структуре рабочего класса и крестьянства, выявить происходящие глубинные изменения. Это проявилось в том, что при всей ориентации на прежний классовый подход исследователи де-факто использовали стратификационный подход (хотя этого слова в то время избегали). Появились публикации, которые выявляли ростки новых тенденций, претендуя на далеко идущие выводы. Так, в монографии М.Н. Руткевича и Ф.Р. Филиппова «Социальные перемещения» были проанализированы новые тенденции, которые впоследствии стали обозначаться как социальная мобильность. Эта монография была новаторской: в ней впервые утверждалось, что в наступившее время социальные различия внутри классов могут превосходить различия между классами, в частности между отдельными группами рабочего класса и инженерно-технической интеллигенцией; на основе социологических исследований предлагались термины «рабочие-интеллигенты» и «интеллигенты-рабочие», что говорило об образовании социальных групп, которых не знало предшествующее развитие советского общества и которые отражали принципиальные сдвиги в его структуре [Руткевич, Филиппов, 1970].

Детальный как классовый, так и стратификационный подход был постепенно реализован в новосибирской школе исследователей сельских проблем под рук. Т.И. Заславской. Эта школа постепенно эволюционировала от анализа экономических проблем села к социальным, выдвинув ряд оригинальных идей, сделавших это направление социологии признанным в стране и в мире. В их исследованиях на статистическом и эмпирическом материале были выявлены острые проблемные ситуации современной деревни; главным

итогом стал поиск новых форм организации трудовой и повседневной жизни крестьянства (подробнее см.: [Россия и россияне…, 2008]).

Размах и расцвет исследований социальной структуры в 1970–1980-е гг. выразился во все возрастающем охвате новых групп: пионерными работами стали труды Г.Н. Волкова (1968), А.А. Зворыкина (1969), С.А. Кугеля (1983), Л.С. Бляхмана и О.И. Шкаратана (1973), изучающих различные группы научной и инженерно-технической интеллигенции.

В целом 1970–1980-е гг. характеризовались постепенным накоплением информации о социальной структуре по всей стране, социально-демографическим и социально-профессиональным группам. По мере их изучения стал набирать влияние стратификационный подход, что во многом сопровождалось включением в исследовательскую практику наследия П.А. Сорокина. Именно его использование в научной практике вело к анализу отдельных страт общества по профессиям и социально-демографическим общностям: молодежь (С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский (1969), см.: [Чупров, 2019]), пенсионеры (В.Д. Шапиро (1983)). Формируется социология семьи, заявившая о себе фундаментальным трудом А.Г. Харчева «Семья и брак в СССР» (1964, переиздано в 2007 г.).

Иначе говоря, в эти годы шло накопление социологической информации как в целом по социальной структуре общества, так и по многообразным социальным слоям, общностям, группам, что позволило видеть советское общество во всем его многообразии, в его проблемном положении. Этот период был этапом постепенного завоевания социологией новых позиций в науке. Несмотря на явное и скрытое сопротивление (и даже обвинение) формам и методам работы социологов, жизнь брала свое. Социологические исследования (пусть не всегда с полностью научных позиций) стали проводиться и распространяться по всей стране. Многие руководители, в первую очередь на производстве, и творчески мыслящие партийные и государственные работники постепенно осознавали важность социологической информации, которая предоставляла им возможность глубже и обстоятельнее вникать в происходящие процессы, понимать их и на этой основе принимать более обоснованные решения. Именно объективно созревшие условия и крепнущий субъективный фактор (в виде специалистов, как проводящих исследования, так и тех, кто понимал их значение) постепенно ломали стереотипы по отношению к социологии.

Третий этап: поиск ответа на вызовы времени. 1990-е гг. ввергли социологов в новые условия жизни. Демонтаж Советского Союза привел к возникновению новой реальности. Прежние координаты социально-экономической, социально-политической и социально-культурной реальности ушли в прошлое или серьезно модифицировались.

Потребовалось новое осмысление произошедших сдвигов. Реакция социологов была различной. Одни сочли возможным отмежеваться от марксизма и провозгласить себя сторонниками иных концепций, начиная от уходящего в прошлое структурного функционализма и завершая провозглашением себя поборниками постмодернизма. Другие, вдохновленные идеями рынка и демократии, сосредоточились на доказательстве их неизбежности и непререкаемой ценности экономических реформ, хотя многие из них впоследствии, увидя, к чему привела реализация рыночных установок в российском исполнении, стали отмежевываться от ранее провозглашенных утверждений. Третьи направили усилия на поиск ответа на сложившиеся социально-экономические отношения, на выявление новых явлений, характеристик и специфики преобразований.

Что касается поиска ответа на вопрос: а что собой стала представлять социальная структура в постсоветской России, то он шел по нескольким направлениям.

Во-первых, новаторским и ранее не анализировавшимся феноменом стал *средний класс (средние слои)* – оригинальная и прежде не ставившаяся в отечественной социологии таким образом проблема. Стало очевидным, что прежняя социально-классовая структура перестала существовать, на исторической арене появились иные социальные общности и группы, к которым неприменимы прежние принципы анализа. Требовались уточнения и ответы на многие ранее не встречавшиеся вопросы – каковы индикаторы этого класса, как происходит их формирование и функционирование, сопоставление

с наработками западных коллег. Особую трудность представляло и представляет определение специфики этого класса, его роли и значения в решении актуальных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных проблем современного российского общества (подробнее см., напр.: [Средний класс…, 2016]).

Исследования среднего класса выявили новые лакуны в социальной структуре общества. Стало очевидным: его состав оказался сложным образованием, состоящим из ряда общностей, слоев, групп, серьезно отличающихся по материальной обеспеченности (доходу), образованию и квалификации, по влиянию и участию в принятии управленческих решений. В соответствии с таким пониманием было предложено делить средний класс на верхний, средний и низший (или предлагалась даже более фрагментированная его структура – от пяти до десяти уровней). Однако такой подход постепенно привел к выводу, что социальная структура общества не исчерпывается характеристикой этого класса, тем более что по самым оптимистическим подсчетам к нему можно было отнести только часть населения (различными исследователями численность среднего класса колеблется в пределах от 8–12 до 20%). Исследования РИА Новости, основанные на данных статистики за 2021 и 2022 гг. и исходящие из того, что средним классом принято считать «работающих людей с трудовыми доходами, позволяющими приобретать дорогостоящее имущество (жилье, машины), а также имеющих относительно высокий уровень текущего потребления» (под ним они понимают не менее двух прожиточных минимумов на человека после выплат обязательных налогов и кредитов (напомню, в среднем по РФ величина прожиточного минимума с июня 2022 г. равна почти 14 тыс. руб. на душу населения). Согласно их подсчетам, в настоящее время, т.е в 2022 г., к среднему классу можно отнести всего 11,5% семей[1].

Иначе говоря, социологи получали неполный ответ на многообразие социальной структуры. Возникли вопросы – а какие еще классы (общности, группы) существуют в российском обществе? К какому классу (общности, группе) отнести оставшееся население, если даже изъять немногочисленный слой богатых и сверхбогатых людей?

Поэтому, во-вторых, в поиске объяснить изменившееся лицо социальной структуры были выдвинуты предложения рассматривать ее через призму *сословий* [Кордонский, 2008; Немировский, 2017], в которых осуществлялись попытки рассмотреть новые социальные образования – бюрократия, чиновничество, группы давления и другие, которые возникали в ходе рыночных реформ и политических преобразований.

В-третьих, с 2000-х гг. начало употребляться такое понятие, как правящий класс, который по сути был инкарнацией прежнего понятия, используемого в советской действительности, – номенклатура. Эта формулировка была заимствована из труда Г. Моски «Основы политической науки»: «Во всех обществах,– писал он,– начиная со слаборазвитых и с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных, существуют два класса людей: класс правящих и класс управляемых» [Моска, 1995]. Именно из такого разделения исходили в своих поисках российские политологи и социологи [Мостовой, 2012]. Вариантом такого подхода стал анализ политического класса (см., напр.: [Охотский, Смольков, 1998]), а также описание специфической закрытой группы, так называемой *элиты* [Ашин, 2010; Крыштановская, 2005].

Были осуществлены и другие попытки выявить социальные общности и группы, которые бы представляли социальную структуру в ином ключе. Среди этих попыток можно назвать концепцию *креативного класса*, понятие, предложенное Р. Флоридой для обозначения социальной общности, включённой в постиндустриальный сектор экономики. Согласно его трактовке и разделяющих его точку зрения исследователей (например, [Волков, 2013]), представители творческого класса предпочитают вертикальному продвижению по служебной лестнице горизонтальное перемещение и смену мест работы в пользу наиболее творческой. Для людей данной группы характерной чертой также является духовное

[1] *Башкатова А.* Российский средний класс пришлось искать со статистической лупой // Независимая газета. 2022. 26 июля.

удовлетворение и ярко выраженное чувство индивидуальности и личной свободы. Но рыхлость границ такой социальной группы позволяет усомниться в глубоком научном обосновании этого понятия – это скорее характеристика некоторых черт личности, которая может быть присуща практически всем слоям населения.

Сродни этому понятию и *интеллектуальный класс*, о котором начали говорить со времен Римского клуба и который представляет собой общественный слой, занимающийся производством знания, его передачей и воспроизводством, а также его критической оценкой и утилизацией [Неклесса, 2021]. Трактуемое как мыслящее сословие (Неклесса), оно обладает огромной долей неопределенности, так как знания производит не только данная социальная группа, но практические все люди, участники как публичной, так и приватной жизни. Стремление обосновать это тем, что в этом производстве применяются принципиально новые средства, формы и методы познания, никак, на наш взгляд, не проясняет картину. Правда, когда начинают трактовать интеллектуальный класс просто словом интеллектуалы, появляется уточнение, так как это более определенная профессиональная общность (страта), обладающая знанием и реализующем его в высокопрофессиональных формах занятости.

При попытке ответить на вопрос: а все ли социальные группы (слои, общности) были учтены при анализе социальной структуры, был описан и рассмотрен такой слой, как *андеркласс* [Балабанова, 1999; Тихонова, 2011], который состоит из люмпенизированных групп (бомжи, нищие, бездомные, бичи и т.п.).

Особое место в осмыслении социальной структуры занимает анализ той значительной части российского общества, которую, исходя из данных социологических исследований, стали называть *прекариатом*, все четче вырисовывающейся новой общности/протоклассе, который образовался из неформально, временно или не полностью занятых, вовлеченных в сезонную или эпизодическую работу. Специфика этого класса (слоя) в том, что он в основном представляет собой тех, кто, имея образование, квалификацию, стремится не терять социальных связей с обществом, продолжал претендовать на достойное место в нем, но не имеет правовых гарантий занятости. Эта совокупность людей неустойчивого, нестабильного, негарантированного труда в большей мере отвечала на вопрос: а как назвать тех, кто не попадает под определение среднего класса и так называемого правящего класса, а также не относящегося к люмпенизированному слою – андерклассу (подробнее см.: [Бобков, 2019; Тощенко, 2018]).

Таким образом, на этом этапе предложено множество интерпретаций изменяющейся социальной структуры российского общества, в каждой из которых содержались заслуживающее внимания доказательства, зачастую на базе социологических исследований. В целом, они создали разноцветное полотно представлений о социальном строении российского общества, но с самыми различными подходами к его анализу.

Новаторский поиск нового времени. В 1990–2020-е гг. в российской социологии сложилась значительная группа социологов, изучающих социальную структуру российского общества (Л.А. Беляева, З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, В.А. Мансуров, М.Ф. Черныш, О.И. Шкаратан и многие другие).

Среди них особо следует отметить непрерывный поиск ответа на вопрос, что представляет собой социальная структура общества во всем ее многообразии, который был осуществлен Н.Е. Тихоновой с коллегами. Причем в этом поиске истины я хотел бы выделить многолетнее творчество самой Натальи Евгеньевны, которая начала анализ с рассмотрения общих проблем социальной структуры и высказала свое оригинальное суждение о строении социальной структуры общества [Тихонова, 2014]. Практически одновременно ею был осуществлен углубленный анализ социальной структуры с точки зрения ресурсного подхода, т.е. тех возможностей и потенциала, которыми обладали различные страты. Отмечая то, что эта структура современного российского общества сложна, многогранна и многопланова, она в дальнейшем охарактеризовала еще одну модель – на основе доходов, а также с учетом индекса уровня жизни. Следующим шагом в раскрытии многообразия социальной

структуры стал анализ стратификации по жизненным шансам и жизненному успеху россиян. Интересным оказалось обоснование модели субъективной стратификации российского общества, которая базировалась на субъективном восприятии себя и своего места в окружающем человека мире, а также при описании идентичностей и мировоззрения основных страт российского общества. (О многообразии анализа этой проблемы Н.Е. Тихоновой см. заключение и перечень ее работ на стр. 404–405 обсуждаемой монографии.)

И вот пред нами новая коллективная монография (науч. рук. С.В. Мареева, научный редактор Н.Е. Тихонова). Эта монография не только дополняет ранее апробированные модели в предыдущих интерпретациях, но и по-новому формулирует проблему. Ее суть – рассмотреть социальную структуру «через призму жизненных возможностей и шансов, с одной стороны, а также депривaций и рисков, характеризующих представителей массовых слоев населения страны – с другой» (с. 335)[2].

Используя в качестве теоретико-методологической основы идею М. Вебера о роли жизненных шансов, о позитивной и негативной привилегированности по отношению к существующим в обществе нормам, исследователи построили поисковую, как они сами подчеркивают, методологию, позволившую им применить 24 признака (показателя) и на их основе выделить три макрогруппы (страты) в массовых слоях российского населения: а) соответствующие социальному стандарту (свыше 50%), б) характеризующиеся доминированием позитивной привилегированности (около 20%), в) находящиеся внизу социальной иерархии (25–30%).

При характеристике этих групп получен очень важный и интересный вывод – главные различия между этими стратами лежат не столько в области их экономического благополучия, сколько с учетом их занятости, а также возможностей ориентации в цифровой среде, использования социально привлекательных форм образования и заботы о здоровье. Именно внеэкономические факторы, по убеждению авторов, будут в ближайшем будущем приобретать все большее значение. Такая характеристика неравенства отвергает ее только экономическую трактовку и обогащает наши представления о нем, позволяя более полно видеть различия в жизнеустройстве различных социальных общностей и групп, включая безопасность и повседневную жизнь (глава 11, с. 335, 339).

Среди творческих идей получило обоснование социальное неблагополучие, которое не сводится к дефициту текущих доходов. На основе представительных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ и мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН показывается все возрастающая роль других ресурсов – квалификационного, социального, властного, культурного, личностного. Но особую тревогу, по мнению авторов, вызывает использование ресурсов социальных сетей. На основе социологических исследований показывается, что наличие качественного социального капитала – это привилегия только верхней страты, в то время как за последние 10–15 лет обладание им у других страт существенно уменьшилась, что особенно проявилось в доступе к качественному здравоохранению, образованию, досугу и отдыху (гл. 6, с. 343). Анализ причин этого положения приводит авторов к выводу – происходит исчезновение немонетарных каналов и доступа к ним. Я могу только к этому добавить следующее – абсолютизация рыночных отношений привела к тому, что даже культура, образование и здравоохранение и значительная часть социальных гарантий превратились в сферы услуг со всеми вытекающими отсюда негативными обстоятельствами.

Привлекают результаты, характеризующие мобильность населения, переход из одной страты в другую: по произведенным расчетам, в 2013–2018 гг. это коснулось одной трети населения. Попытка охарактеризовать причины приводит к выводу, что это перемещение продиктовано не столько личными устремлениями и решениями, сколько существующими экономическими и социальными обстоятельствами и ограничениями, на которые повлиять человек практически не может (гл. 7, с. 340).

---

[2] Далее в круглых скобках указываются страницы рецензируемой монографии [Общество неравных возможностей…, 2022].

Понять эти изменения помогает анализ территориально-поселенческих особенностей стратификации российского общества (гл. 4, с. 337), который показывает существенные различия регионов. Возможно, эту аргументацию усилило бы использование данных Н.И. Лапина, проводящего в течение многих лет исследования по модернизации регионов России [Атлас…, 2016].

Обращает внимание аргументация о разных стратегиях адаптации, которые складываются на жизненном пути россиян. Показывается, что эти стратегии вполне доступны для высшей страты, тогда как для двух других, особенно для низшей, их достижение серьезно ограничено. И убедительно доказано, что эти различия в жизненных стратегиях имеют устойчивую тенденцию к возрастанию. Рассуждения о стратегиях и жизненном мире россиян приобретают убедительную доказательность, когда речь идет о фрилансерах, фермерах, бедных слоях населения.

Примечателен и факт существования заключительной главы «Запрос представителей разных страт к социальной политике» (гл. 12). В ней объяснен научный замысел – строить социальную политику не из умозрительных формулировок, рожденных где-то сверху, а исходя из многообразия жизненных потребностей, ориентаций, установок и интересов всех россиян, различных слоев, общностей, групп.

Вместе с тем хотелось высказать и сомнения по поводу некоторых умозаключений. Прежде всего с выводом по поводу того, что в современном российском обществе «отсутствует классовая модель социальной структуры» (с. 351). На наш взгляд, классы никуда не исчезли – они просто приобрели другой вид и наполнены другим содержанием. Конечно, в марксистской интерпретации таких классов в современной России нет. Но есть другие, не менее важные и не менее значимые показатели, которые образуют устойчивые черты социального положения людей. Среди них, на наш взгляд, такая основополагающая характеристика, как занятость, со всеми ее видами и формами образует именно ту основу, которая и образует классы (страты, общности) в новой трансформационной реальности. Кстати, важность этого показателя признают и авторы, когда стремятся описать новые вызовы времени. Но именно занятость во всем многообразии своего проявления стала в настоящее время основной характеристикой, определяющей социальное положение человека, его статус и его возможности по использованию социальных и культурных ресурсов.

Использование рядом авторов понятия «средний класс» и его дифференциация на «высший», «средне средний» и «низший» (см., напр., с. 140–142), будучи приемлемым на предыдущем этапе разработки проблем социальной структуры, в настоящее время устарело. Во-первых, по причине того, что он составляет все же меньшинство населения, в результате чего возникает вопрос, а как назвать оставшееся работоспособное население? Во-вторых, социологические исследования последних лет показывают, что преобладающее количество трудоспособного населения занято неустойчивым, нестабильным, негарантированным трудом, куда входят практически многие представители всех существующих рабочих мест и профессий. В том числе и те, кто, по мнению авторов, составляет низший класс. Иначе говоря, требуется дальнейшее уточнение социальной структуры российского общества.

В заключение мне кажется, что, как и апелляция к трудам М. Вебера, сравнение данных с научными выводами Р. Инглхарта и других зарубежных мыслителей и коллег требует более тщательного использования и сравнительного анализа: состояние современной России без всякого преувеличения уникально как в позитивном, так и проблемном смысле, в том числе в сфере социальной структуры общества.

Но несомненно данный труд представляет новаторский поиск ответа на вопрос о содержании, строении и особенностях социальной структуры современного российского общества и обогащает наши представления о сложности формирования социального пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнян Ю.В. Опыт социологического изучения села. М., 1968.
Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. *Н.И. Лапин*. М.: Весь Мир, 2016.
Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: моногр. М.: МГИМО, 2010.
Балабанова Е.С. Андеркласс: понятие и место в обществе // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 60–69.
Бобков В.Н. (ред.) Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения: моногр. 2-е изд. М.: КноРус, 2019.
Волков Ю.Г. Креативность: творчество против имитации. М.: Альфа-М, 2013.
Коган Л.Н. Опыт социологического исследования на промышленном предприятии // Вопросы философии. 1959. № 8. С. 97–111.
Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Ин-т ФОМ, 2008.
Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
Кукушкина Е.И. История социологии. М.: Высшая школа, 2009.
Ленин В.И. Великий почин. (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. С. 3–25.
Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Полит. лит-ра, 1971. С. 1–610.
Моска Г. Элементы политической науки // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 138–146.
Мостовой П. Правящий класс в прошлом и будущем России // Отечественные записки. 2012. № 5.
Неклесса А.И. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление) // Экономическая наука современной России. 2020. № 4 (91). С. 132–146.
Немировский В.Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 40–47.
Образцов И.В. Читательские интересы красноармейцев в 1920-е годы (опыт эмпирического анализа) // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 130–141.
Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. *Н.Е. Тихоновой.* М.: Весь Мир, 2022.
Охотский Е.В., Смольков В.Г. Бюрократия и бюрократизм. М., 1996.
Рабочий класс и технический прогресс. Исследование изменений в социальной структуре рабочего класса / Под ред. *Г.В. Осипова и др.* М.: Наука, 1965 (переиздание: М.: Вече, 2012).
Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. *Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова.* Новосибирск: СО РАН, 2008.
Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М.: Мысль, 1970.
Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. *В.В. Сапова.* СПб.: РХГИ, 2000.
Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. *М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой.* М.: Весь Мир, 2016.
Стронин А.И. История и метод. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1869.
Стронин А.И. История общественности. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1885.
Стронин А.И. Политика как наука. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1872. (Переиздана репринтом в 2017 г.)
Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35.
Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теория и реальность. М.: Новый Хронограф, 2014.
Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. М.: Наука, 1997.
Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. М.: URSS, 2019.
Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. I. М., 1973. С. 31–33.
Человек и его работа: социологическое исследование / Под ред. *В.Я. Ядова, А.Г. Здравомыслова*. М.: Мысль, 1967.
Чупров В.И. Отечественная школа социологии молодежи: взгляд на 50-летнюю историю // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 107–118.

Статья поступила: 05.08.22. Принята к публикации: 07.09.22.

EVOLUTION OF IDEAS OF THE SOCIAL STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY

TOSHCHENKO Zh.T.

Russian State University for the Humanities, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Scientific Supervisor of the Faculty of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosch@mail.ru).

Abstract. Taking into account the conclusions and recommendations of the new collective monograph (Tikhonova (ed.), 2022), the genesis of the ideas of the social structure of Russian society, which embodies the creative and innovative continuation of research accumulated over the entire period of the existence of Russian/Soviet/Russian sociology, is considered. For this purpose, the first steps and the first interpretations of the social status of the main social strata, communities and groups in Russia in the 19th century, and then their development, clarification and new understanding in the 20th – early 21st centuries are analyzed. It is shown that many attempts during this time to explain changes in the social structure are connected both with socio-economic and socio-political conditions (objective circumstances), and with the enrichment of scientific knowledge, the use of new methods of cognition. Based on information on this issue in modern Russian sociology, it is shown that the approach proposed in this monograph to the analysis of social stratification based on life chances enriches our understanding of the social structure of modern Russian society. There are also comments aimed at discussing the debatable provisions of this concept.

Keywords: social structure, social stratification, classes, social strata, communities, groups.

REFERENCES

Arutyunyan Yu.V. (1968) *Experience of the Sociological Study of the Village*. Moscow. (In Russ.)
Arutyunyan Yu.V. (1971) *The Social Structure of the Rural Population of the USSR*. Moscow. (In Russ.)
Ashin G.K. (2010) *Elitology: History, Theory, Modernity:* monograph Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russ.)
Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Problems. (2016) Comp. and ed. by N.I. Lapin. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
Balabanova E.S. (1999) Underclass: Concept and place in society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 60–69. (In Russ.)
Chuprov V.I. (2019) Domestic school of youth sociology: a look at 50 years of history. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 107–118. (In Russ.)
Kogan L.N. (1959) Experience of sociological research at an industrial enterprise. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 8: 97–111. (In Russ.)
Kordonsky S.G. (2008) *Class Structure of Post-Soviet Russia.* Moscow: In-t FOM. (In Russ.)
Kryshtanovskaya O.V. (2005) *Anatomy of the Russian Elite.* Moscow: Zakharov. (In Russ.)
Kukushkina E.I. (2009) *History of Sociology.* Moscow: Vyshaya shkola. (In Russ.)
Lenin V.I. (1971) Development of capitalism in Russia. In: *Complete Works.* 5th ed. Vol. 3. Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)
Lenin V.I. (1971) Great initiative. (About the heroism of the workers in the home front. Regarding the "communist subbotniks"). In: *Complete Works.* 5th ed. Vol. 39. Moscow: 3–25. (In Russ.)
Man and His Work: Sociological Study. (1967) Ed. V.A. Yadov, A.G. Zdravomyslov. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
Middle class in modern Russia. Years of research experience. (2016) Ed. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
Mostovoy P. (2012) The ruling class in the past and future of Russia. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. No. 5. (In Russ.)
Neklessa A.I. (2020) Civilization transit. Methodological and prognostic aspects (analysis – forecast – management). *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia]. No. 4 (91): 132–146. (In Russ.)
Nemirovsky V.G. (2017) Ideas about justice in the context of the class structure of modern Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 40–47. (In Russ.)
Okhotsky E.V., Smolkov V.G. (1996) *Bureaucracy and Bureaucracy*. Monograph. Moscow. (In Russ.)
Philosophical and literary heritage of G.V. Plekhanov. (1973) Vol. I. Moscow: 31–33. (In Russ.)
Precarious Employment in the Russian Federation: Theory and Methodology of Detection, Evaluation and Reduction Vector. (2019) Ed. by V.N. Bobkov. 2nd ed. Moscow: KnoRus. (In Russ.)

Russia and Russians in the New Century: Challenges of Time and Horizons of Development: Studies of the Novosibirsk Economic and Sociological School. (2008) Ed. by T.I. Zaslavskaya, Z.I. Kalugina, O.E. Bessonov. Novosibirsk: SO RAN. (In Russ.)
Rutkevich M.N., Filippov F.R. (1970) *Social Movements.* Moscow: Mysl'. (In Russ.)
Sorokin P.A. (2000) *Studies of Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Public Relations.* Transl. from Eng. by V.V. Sapov. St. Petersburg: RKhGI. (In Russ.)
Stronin A.I. (1869) *History and method.* St. Petersburg: Tip. A.M. Kotomina. (In Russ.)
Stronin A.I. (1872 (reprinted in 2017)) *Politics as a Science.* St. Petersburg: Tip. F.S. Sushchinskogo. (In Russ.)
Stronin A.I. (1885) *Public History.* St. Petersburg: Tip. Min-va putey soobshcheniya. (In Russ.)
Tikhonova N.E. (2011) The lower class in the social structure of Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 24–35. (In Russ.)
Tikhonova N.E. (2014) *Social Structure of Russia: Theory and Reality.* Moscow: Novyy Khronograf. (In Russ.)
Tikhonova N.E., ed. (2022) Society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: from a Protoclass to a New Class.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
Tugan-Baranovsky M.I. (1997) *Russian Factory in the Past and Present. Historical and Economic Research.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
Tugan-Baranovsky M.I. (2019) *Theoretical Foundations of Marxism.* Moscow: URSS. (In Russ.)
Volkov Yu.G. (2013) *Creativity: Creativity Against Imitation.* Moscow: Alfa-M. (In Russ.)
Working Class and Technological Progress. Study of Changes in the Social Structure of the Working Class. (1965 (2012)) Ed. by G.V. Osipov et al. Moscow: Nauka. (Reissue Moscow: Veche). (In Russ.)

Received: 05.08.22. Accepted: 07.09.22.

© 2022 г.

А.В. КАРАВАЙ

ФАКТОРЫ ДОСТУПА К РЕСУРСАМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (karavayav@yandex.ru).

Аннотация. *На данных ФНИСЦ РАН 2021 г. с помощью логистической регрессионной модели выявлены факторы, влияющие на включенность россиян в социальные сети, способные оказать существенные для человека виды поддержки. Результаты моделирования показали, что наиболее значимым является фактор места жительства индивида: проживание в Москве и Санкт-Петербурге повышает вероятность включенности в такого рода социальные сети, жизнь в сельской местности ее уменьшает. Установлено положительное влияние на включенность хорошего состояния здоровья, относительно длительного горизонта планирования, наличия профессионального образования, занятости, сравнительно высокого уровня доходов и социально-политической активности. Все эти факторы, концентрируясь в сравнительно благополучных массовых слоях общества, влияют на возможности доступа россиян к ресурсам в социальных сетях, тем самым способствуя дальнейшему углублению существующих социальных неравенств. Возрастной фактор в российских условиях при прочих равных оказался незначимым, что говорит о косвенном характере его влияния на доступ к ресурсам в социальных сетях, обусловленном концентрацией в старших возрастных группах основных рисков исключенности из таких сетей (отказ от трудовой активности, сокращение горизонта планирования, ухудшение здоровья и т.д.). Возможности доступа к ресурсам в социальных сетях включают как связанные с индивидом факторы микроуровня, так и факторы макроуровня, зависящие от обстановки в его месте жительства и политики государства.*

Ключевые слова: *социальный капитал • социальные сети • ресурс социальных сетей • факторы социального капитала • социальные неравенства в России*

DOI: 10.31857/S013216250014291-3

Введение. Социальные связи играют огромную роль в повседневной жизни людей. Исследования показывают, что привлекаемые через них ресурсы являются важным фактором вертикальной мобильности, при определенных условиях могут заменять и дополнять другие материальные и нематериальные ресурсы индивида [Авраамова, Малева, 2014]. Массовая включенность в высокоресурсные социальные сети способствует повышению материального благосостояния и «запаса прочности» граждан, обеспечивает бóльшую стабильность общества в целом и ведет в итоге к экономическому росту.

На индивидуальном уровне в критических жизненных ситуациях помощь контрагентов по сетям становится важным способом решения текущих проблем или открытия новых жизненных возможностей. Это можно наблюдать в периоды социально-экономических потрясений [Авраамова, Логинов, 2002; Козырева, 2009], не исключая последних лет. В периоды кризисов 2014–2016 и 2020–2021 гг. доля россиян, которые не могли, по их оценкам, получить никакой помощи от своего окружения по сравнению с относительно благополучными годами, заметно снижалась [Каравай, 2021]. Пандемия COVID-19 способствовала широкому распространению волонтерства, способного частично заменить помощь социальных сетей. Это говорит о мобилизации российским обществом в целом и его отдельными членами социального ресурса в периоды кризисов. Несмотря на огромную роль ресурса социальных сетей в жизни общества и отдельных его граждан, не все россияне в кризисные периоды оказываются включены в социальные сети. В разные годы доля исключенных из них менялась; согласно данным исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, в самый разгар

пандемии, когда сплоченность людей была наиболее высокой, не могли рассчитывать на получение основных форм помощи со стороны других людей 18% россиян.

Таким образом, исследовательской проблемой стали определение факторов, повышающих шансы индивидов на включенность в социальные сети, способные оказать ему значимую помощь, выявление таких факторов применительно к российским условиям и оценка их сравнительной значимости.

Теоретико-методологические основания исследования. Основоположник ресурсного подхода П. Бурдье определял социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [Бурдье, 2002: 66]. Спустя годы активного изучения этого феномена социологами, экономистами, социальными психологами и пр. появилась масса различных определений социального капитала [Adler, Kwon, 2002; Lollo, 2012 и др.]. Несмотря на многообразие в определениях, исследователи сходятся во мнении, что социальный капитал – явление комплексное и многомерное, существующее на индивидуальном и групповом уровнях. Структурное его измерение основывается на включенности индивидов в сети различного уровня формализованности, социально-психологическое измерение связано с уровнем доверия к определенным институтам и окружающим людям [Kaasa, Parts, 2008]. В каждом из этих измерений выделяют по несколько компонентов [Saukani, Ismail, 2018], комбинации которых в одном из двух измерений и на каждом из уровней анализа различные исследователи называют социальным капиталом.

Не всякий ресурс можно назвать капиталом, а только обладающий одновременно пятью свойствами: это ресурс ограниченный, накапливаемый, ликвидный, обладающий воспроизводимой стоимостью и приносящий добавочную стоимость (ренту) [Радаев, 2002: 21]. Само по себе наличие ресурсов у индивидов представляет собой «не более, чем их ресурсный потенциал» [Тихонова, 2014: 274]. Если исследование не предполагает проверки одновременного наличия этих пяти свойств, то корректнее использовать термин «ресурс», а не «капитал».

Мы отталкивались от классического определения социального капитала П. Бурдье, учитывая при этом современные концепции, связанные с его многомерностью. Мы рассматривали «объективированную структурную основу» социального капитала [Радаев, 2002: 26] – включенность в сети социальных связей и взаимодействий или просто социальные сети (social networks). Включенность в эти сети позволяет индивиду получать доступ к различным видам ресурсов, позволяющим расширить его жизненные возможности. Именно включенность в социальные сети свидетельствует о наличии или отсутствии социального ресурса на индивидуальном уровне в рамках структурной трактовки социального капитала. Поэтому понятие «ресурс социальных сетей» часто используется работающими в рамках этого подхода как синоним понятия «социальный капитал» или «социальный ресурс», в своей работе мы также следуем этой традиции.

Способы операционализации социального капитала зависят от тех задач, которые ставит перед собой исследователь. На макроуровне замеряют уровень доверия индивидов к различным социально-экономическим институтам и к обществу в целом [Andriani, Christoforou, 2016; Kaasa, 2019]. На микроуровне рассматривают количество межличностных контактов и различные аспекты социально-экономического положения членов социальных сетей [Savage et al., 2013; Kaasa, 2019], включенность индивидов в различные сообщества [Glaeser et al., 2002; Christoforou, 2005 и др.], объем и качество помощи, которые люди могут привлечь от своего окружения [Авраамова, Логинов, 2002; Тихонова, 2004; Saukani, Ismail, 2018; Каравай, 2021 и др.]. Совокупный социальный капитал замеряют с помощью многомерных индексов [Agampodi et al., 2015; Kaasa, Parts, 2008 и др.], хотя при этом авторы признают, что в случае анализа детерминант различные аспекты социального капитала должны рассматриваться отдельно, так как у каждого из них свои обуславливающие их факторы.

Применительно к российским условиям исследователи рассматривают в качестве яркого проявления «работы» социального капитала получение различных видов помощи [Тихонова,

2014: 306]. Различают те виды помощи, которые помогают индивиду выжить, но при этом значимо на его жизненную ситуацию не влияют, и те, которые расширяют жизненные возможности индивида. В последнем случае речь идет о высокоресурсных социальных сетях, которые П. Бурдье изначально и назвал социальным капиталом.

Говоря о факторах, влияющих на социальный капитал, зарубежные[1] ученые выделяют уровень образования и размер дохода. Оба фактора положительно связаны с уровнем межличностного доверия и социально-общественной активностью индивида, включая ее организованные формы [Kasa, Parts, 2008 и др.].

С точки зрения гендерного аспекта, ранее было выявлено, что женщины реже мужчин включены в формальные социальные сети (контакты в рамках официальных взаимоотношений, например профессиональных), чаще – в неформальные (повседневно-бытовые межличностные контакты) [Christoforou, 2005]. Различается потенциал помощи, которую могут привлечь представители разных полов от своих неформальных контактов [Fidrmuc, Gërxhani, 2008]. Женщинам проще получить от своего окружения финансовую и психологическую поддержку, у мужчин больше шансов найти с помощью своих сетей работу. Казалось бы, брак должен являться фактором прироста потенциала помощи через контакты супругов, однако в ряде исследований выявлено, что это не так, – семейное положение не является значимым детерминантом, влияющим на социальный капитал индивидов [ibid]. Наличие детей также не повышает вероятность включенности индивидов в социальные сети, хотя и прямого негативного эффекта от этого фактора выявлено не было. Таким образом, хотя семейное положение, наличие детей или размер домохозяйства могут при определенных условиях влиять на социальный капитал индивидов, однозначного мнения на этот счет в научном сообществе не сформировалось.

В ряде научных работ было выявлено значимое влияние на социальный капитал типа и размера населенного пункта, где проживает человек [Fidrmuc, Gërxhani, 2005; Glaeser et al., 2002; Каравай, 2021]. Было установлено, что неформальные социальные сети проще поддерживать, проживая в небольших городах или в частном доме, сложнее – в мегаполисах с их многоквартирными домами. Качество сетей при этом может быть различным.

Немаловажным детерминантом социального капитала считается наличие занятости, которая повышает включенность индивидов в социальные контакты [Christoforou, 2005; Kaasa, Part, 2008]. На российских данных было показано [Каравай, 2016], что на потенциал той помощи, которую индивид может привлечь от своего окружения, влияет не просто наличие работы, но его профессиональный статус.

Нельзя забывать о социальных нормах, культурных установках и поведенческих паттернах, присущих тому или иному обществу [Kaasa, 2019]. В ряде исследований рассматривается религиозность как значимый детерминант социального капитала, поскольку она положительно влияет на вероятность включенности в формальные и неформальные социальные сети [Kaasa, Part, 2008]. Однако есть мнение, что это влияние зависит от конфессиональной специфики: в протестантских странах социальный капитал больше, чем в тех, где распространены католицизм, православие или мусульманство [Putnam, 1993; Fukuyama, 2001].

На формирование социальных сетей влияет включенность индивидов в различные формальные и неформальные сообщества (см., напр.: [Sabatini, 2009]), их склонность тратить свое время на культурно-образовательный досуг [Каравай, 2016] и т.д. Таким образом, факторы, влияющие на социальный капитал, очень многообразны, имеют разный характер, зависят от цивилизационных особенностей стран. Определение их сравнительной значимости применительно к условиям нашей страны является важной самостоятельной задачей.

Факторы включенности россиян в «ресурсные» социальные сети: построение модели. Основные трудности эмпирических исследований в области социального капитала вызывают многообразие его детерминант и необходимость его операционализации при

[1] Большинство эмпирических исследований, рассматривающих факторы социального капитала с использованием эконометрических моделей, были проведены зарубежными авторами.

разнообразии существующих определений. В качестве эмпирической базы анализа были использованы данные опроса Института социологии ФНИСЦ РАН, проведённого в марте 2021 г. ($N = 2000$). Выборка носила многоступенчатый характер. В соответствии с районированием ФСГС РФ отбирались субъекты РФ, репрезентирующие все территориально-экономические районы, среди них выделялись различные типы поселений, где должен был проходить опрос. Респонденты для личных интервью отбирались в соответствии с квотами, учитывающими пол, возраст и социально-профессиональную принадлежность согласно классификации ФСГС РФ.

Инструментарий опроса включал блок вопросов, посвящённых потенциальной помощи, которую респонденты могли бы в случае необходимости получить от их социальных сетей или предоставить им. Речь идет о ресурсных социальных сетях, способных предоставить те виды помощи, которые расширяют жизненные возможности индивидов, а не о получении/оказании повседневной хозяйственно-бытовой помощи, которая облегчает жизнь, но не несет потенциала ее изменения. Весной 2021 г. 82% взрослого населения России рассчитывали получить различные виды помощи от своих социальных сетей, оказывать ее были готовы 59%. Проведённые исследования показывают, что, несмотря на такую асимметричность структуры социальных сетей россиян, большинство их за время пандемии смогли конвертировать эту потенциально ожидаемую помощь в реальную, хотя бы в виде сравнительно небольших займов [Каравай, 2021]. Тем не менее даже в условиях пандемии в 2021 г. среди населения были 18% тех, кто не рассчитывал на получение помощи извне (табл. 1).

Какие же факторы влияют на вероятность попадания в группу тех жителей России, которые включены в социальные сети, способные оказать значимые виды поддержки? Ответ на этот вопрос позволяет получить построение логистической регрессионной модели с дихотомической зависимой переменной, где за единицу принималась бы принадлежность индивида к группе исключенных из социальных сетей, т.е. тех, кто при необходимости не может получить и предоставить значимых видов помощи, таких в нашей базе было 16% всей выборки. В качестве факторов, влияющих на вероятность принадлежности к этой группе, в соответствии с уже имеющимися результатами проведенных ранее исследований, мы рассматривали следующие переменные. 1. *Пол.* Включая в модель этот индикатор, мы исходили из гипотезы, что в России принадлежность к мужскому полу должна повышать вероятность включенности в «ресурсные» социальные сети. 2. *Возраст.* Для выявления нелинейного влияния этого

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Могли бы вы в случае необходимости получить от своего ближайшего окружения или оказать его членам такие виды помощи, как…?»
(любое число вариантов ответа)

Виды помощи	Могли бы получить помощь	Готовы оказать такую помощь
Возможность взять в долг/одолжить до 100 тыс. руб.	53	33
Поиск приработков	25	14
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	23	9
Возможность взять в долг/одолжить свыше 100 тыс. руб.	13	5
Устройство детей в хорошую школу	13*	4
Устройство на хорошую работу	11	4
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении личных проблем	10	8
Продвижение по карьерной лестнице	7	2
Поступление в хороший вуз	6	3
Решение жилищной проблемы	6	4
Не имеют таких знакомых / не могут оказать этих видов помощи	18	41

Примечание. *% от тех, у кого в семье есть несовершеннолетние дети.

фактора мы включили в модель непрерывную переменную количества лет и соответствующий квадратичный показатель. О нелинейном влиянии возраста на социальный капитал писал Э. Глейзер [Glaeser, 2001], рассуждая о процессе его накопления индивидами на протяжении их жизни. Он предполагал, что по мере старения человека наступает период, когда выгоды от инвестиций (материальных или временных) в свои социальные сети становятся слишком малы, чтобы оправдать их. Если на первоначальных этапах взрослой жизни социальный капитал накапливается, то с определенного момента он начинает амортизироваться, новый не формируется, зависимость имеет форму перевёрнутой U-образной кривой. Наша гипотеза заключалась в том, что в России эта закономерность работать не будет, так как старшее поколение россиян в силу условий их социализации в коллективистски ориентированной культуре будет в большей степени, чем молодежь, ориентировано на включенность в социальные сети. 3. *Горизонт планирования индивида.* Согласно Глейзеру, чем этот горизонт длиннее, тем индивиды более склонны к инвестициям в наращивание своих контактов и социального капитала [Glaeser, 2001]. Для операционализации горизонта планирования в данном исследовании использовалась переменная, включающая три категории: «не планирую свою жизнь», «планирую на 1–2 года вперед», «планирую на 3 и более лет». Помимо этого, в качестве косвенного показателя ориентации на планирование собственной жизни мы включили в модель индикатор внутреннего локуса контроля (бинарная переменная), операционализировавшегося через утверждение, что респондент готов брать на себя ответственность за свою жизнь и не считает, что она зависит только от внешних обстоятельств. 4. *Здоровье.* Включение в модель показателя хорошего состояния здоровья (бинарная переменная), операционализированного через самооценки респондентов, основывалось на предположении, что проблемы со здоровьем могут негативно влиять на количество и качество социальных контактов индивида и обуславливать повышенные риски социальной эксклюзии для людей с серьезными проблемами со здоровьем. 5. *Наличие несовершеннолетних детей*. В инструментарии не было вопроса относительно семейного положения респондентов, поэтому для проверки влияния особенностей семейного положения на включенность в социальные сети была использована бинарная переменная наличия в домохозяйстве несовершеннолетних детей. Мы предполагали, что этот фактор в российских условиях может оказывать более выраженное влияние на включенность в социальные сети, чем в странах Запада. 6. *Уровень образования*. Для оценки влияния уровня образования на включенность в социальные сети мы использовали переменную с тремя категориями: «окончили только школу», «получили среднее профессиональное или неполное высшее образование», «получили хотя бы одно высшее образование». Наша гипотеза предполагала, что чем выше уровень образования, тем выше вероятность включенности в социальные сети. 7. *Особенности социального происхождения*. Помимо образования самих респондентов, мы включили в модель переменные уровня образования их отца и матери, предполагая, что их социальные связи могут распространяться на их детей, по крайней мере на первоначальном этапе их взрослой жизни. Кроме того, особенности начальных этапов социализации и сформированные в тот период контакты также могут оказаться важными для включенности в социальные сети, что мы также хотели проверить. 8. *Тип поселения, где проживал респондент*. Поселенческая переменная включала 3 категории: проживание в селах и ПГТ, проживание в городах, кроме обеих столиц, проживание в Москве и Санкт-Петербурге. Анализ имеющихся исследований позволил нам предположить, что, с одной стороны, жизнь в городах должна в российских условиях сокращать риски исключенности из социальных сетей, однако фактор двух столиц, наоборот, должен эти риски увеличивать, поскольку атомизация жизни в мегаполисах и усталость от больших расстояний негативно сказываются на социальных связях между людьми. 9. *Наличие занятости* (бинарная переменная) 10. *Социально-политическая активность* (бинарная переменная). Оба этих фактора выступают как индикаторы включенности в формальные и неформальные сообщества, расширяющие контакты индивида и положительно влияющие на процессы формирования и поддержания социальных контактов. Наша гипотеза предполагала, что закономерность наращивания потенциала сетей при наращивании контактов должна работать

и в российских условиях. 11. *Уровень доходов.* В качестве показателя уровня доходов мы включили в модель натуральный логарифм среднедушевых доходов в домохозяйстве. Мы предполагали, что высокий уровень доходов должен сокращать риски исключенности из социальных сетей, оказывающих значимые виды поддержки.

В общей сложности в модель вошли 15 переменных[2]. Оптимальная регрессионная модель выбиралась методом обратного исключения, с контролем качества модели на основании информационных критериев. В итоговую модель вошли восемь независимых переменных[3] (табл. 2), которые можно определить как факторы, снижающие риски исключенности, значит, эти факторы повышают вероятность включенности в социальные

Таблица 2

Результаты итоговой регрессионной модели

Фактор	Коэффициент β	95%-й доверительный интервал	
Константа	–0,349*** (0,175)	–0,693	–0,005
Натуральный логарифм среднедушевых доходов	–0,580*** (0,148)	–0,870	–0,291
Мужчины по сравнению с женщинами	–0,255* (0,143)	–0,534	0,025
Хорошее состояние здоровья	–0,557*** (0,187)	–0,924	–0,190
Наличие работы	–0,362** (0,147)	–0,650	–0,074
Социально-политическая активность	–0,385** (0,196)	–0,770	0,000
Уровень образования (база – только школа)			
Среднее специальное	–0,372** (0,164)	–0,693	–0,051
Высшее	–0,544** (0,201)	–0,938	–0,149
Тип поселения проживания (база – села и ПГТ)			
Города, кроме двух столиц	–0,235* (0,148)	–0,523	0,052
Москва, Санкт-Петербург	–1,029*** (0,303)	–1,623	–0,436
Горизонт планирования жизни (база – не планируют ее в принципе)			
1–2 года	–0,675*** (0,161)	–0,991	–0,359
3 и более лет	–0,892*** (0,264)	–1,408	–0,375

Примечание. В скобках приведены робастные стандартные ошибки, знаками ***, **, * отмечены соответственно 99, 95 и 90%-ные доверительные интервалы (ДИ).

[2] Все рассматриваемые предикторы попарно проверялись на силу взаимосвязи с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Значимые (на 95%-ном доверительном интервале) корреляции были выявлены только между переменными уровней образования отца и матери (коэффициент корреляции Спирмена равен 0,6968), что мы учли при проведении регрессионного анализа, добавив в изначальную модель переменную их совместного влияния.

[3] Для изначальной модели: Псевдо R2 = 0.103, AIC = 1416.616, BIC = 548.549, доля верно классифицированных случаев – 85,08%; для итоговой модели: псевдо R2 = 0,096, AIC = 1435.325, BIC = 1501.502, доля верно классифицированных случаев – 84,74%. Исключение незначимых переменных не оказало существенного влияния на качество построенной регрессионной модели, ее объясняющая способность свидетельствует о существовании факторов, отсутствующих в имеющемся инструментарии.

сети. Незначимыми оказались переменные возраста (включая квадратичный показатель), наличия несовершеннолетних детей, особенностей социального происхождения (образование отца, матери и переменная совместного влияния), внутреннего локуса контроля, тем самым часть наших гипотез, связанная с этими переменными, не подтвердилась.

Наши результаты показывают, что в наибольшей степени на вероятность включенности в «ресурсные» социальные сети, т.е. предоставляющие значимые формы поддержки, при прочих равных влияют факторы проживания в обеих столицах и наличия навыков планирования своей жизни. Расчеты показали, что проживание в Москве или Санкт-Петербурге в среднем сокращает риски исключенности из «ресурсных» социальных сетей на 10% (±5 п.п. при 95% доверительном интервале (ДИ)) по сравнению с жителями сельской местности, проживание в любом другом городе – всего на 3% (±4 п.п. при 95% ДИ). Навык планирования жизни хотя бы на год-два вперед снижает эти риски на 8% (±4 п.п. при 95% ДИ), при более долгосрочном планировании – на 10% (±5 п.п при 95% ДИ) по сравнению с теми, кто жизнь не планирует вовсе. Тем самым мы можем констатировать, что длительный горизонт планирования, как и предполагалось, в России служит значимым детерминантом социального капитала. Однако наша гипотеза относительно направления влияния фактора проживания в крупном мегаполисе не подтвердилась – оно оказалось противоположным, жители сельской местности при прочих равных в большей степени подвержены рискам исключенности из социальных сетей, способных оказать значимые виды поддержки. Возможно, это связано со сравнительно невысокой общей ресурсообеспеченностью российских сельских жителей и особенностями социальной инфраструктуры сел, что в итоге сказывается на ресурсном потенциале образуемых в этих населенных пунктах социальных сетей.

Следующая группа факторов связана с образовательно-профессиональной сферой. Так, по сравнению с теми, кто окончил только школу, для имеющих высшее образование риски исключенности из социальных сетей ниже на 7% (±5 п.п. при 95% ДИ), для получивших среднее профессиональное образование – на 5% (±4 п.п. при 95% ДИ). Наличие работы положительно сказывается на включенности индивида в социальные сети, в этом случае риски исключенности сокращаются при прочих равных на 4% (±3 п.п. при 95% ДИ) по сравнению с неработающими. Гипотезы о характере влияния этих факторов на социальный капитал в России подтвердились, как и предположение о прямой связи уровня доходов с вероятностью включенности в социальные сети: чем выше уровень среднедушевых доходов в домохозяйстве, тем ниже риски исключенности для россиян (сокращение на 0,5% (±0,2 п.п. при 95% ДИ) на единицу дохода).

Наши результаты показывают, что принадлежность к мужскому полу и хорошее состояние здоровья позитивно влияют на социальный капитал. При положительных самооценках здоровья риски исключеннности из социальных сетей при прочих равных сокращаются на 6% (±4 п.п. при 95% ДИ). Для мужчин в России эти риски оказались на 3% (±3 п.п. при 95% ДИ) ниже, чем для женщин. Гипотезы о роли этих факторов подтвердились.

Доступ к социальному капиталу ограничен для представителей наиболее уязвимых групп населения. Заметно чаще исключены из социальных сетей лица с невысоким уровнем среднедушевых доходов, не имеющие работы, проживающие в сельской местности, без профессионального образования и не имеющие работы (табл. 3). Ситуация для этой части россиян усугубляется тем, что им сложнее получить извне значимые, т.е. открывающие новые жизненные возможности, формы помощи. Это означает, что социальный капитал не способствует выравниванию социальных неравенств в России, а углубляет их.

Значимого влияния возраста на вероятность иметь социальный капитал наша модель не выявила. Однако оно есть, хотя и не прямое. Выявленные риски исключенности из «ресурсных» социальных сетей – плохое здоровье, отсутствие работы, низкая социально-политическая активность, короткий временной горизонт планирования жизни – концентрируются в старших возрастных когортах. Среди россиян старшего возраста фиксируется повышенная доля исключенных из социальных сетей (24% среди населения

Таблица 3

Доступ к социальным сетям в различных социально-экономических группах населения
(*в % по строке)*

Показатели	Включены в социальные сети	Исключены из социальных сетей
Пол		
Мужчины, *N* = 908	86,3	13,7
Женщины, *N* = 1092	82,1	17,9
*Тип поселения по месту проживания**		
Проживают в Москве и Санкт-Петербурге, *N* = 252	90,1	9,9
Проживают в селах, *N* = 532	79,9	20,1
*Состояние здоровья**		
Оценивают свое здоровье как плохое, *N* = 225	72,9	27,1
Оценивают состояние здоровья как хорошее, *N* = 560	90,9	9,1
*Уровень образования**		
Нет профессионального образования, *N* = 375	76,5	23,5
Есть высшее образование, *N* = 664	87,3	12,7
Наличие занятости		
Работающие, *N* = 1401	87,3	12,7
Неработающие, *N* = 599	76,5	23,5
*Уровень доходов**		
Среднедушевые доходы не превышают 75% поселенческой медианы, *N* = 434	76,0	24,0
Среднедушевые доходы свыше 2 поселенческих медиан, *N* = 169	92,7	7,1

Примечание. *Для большего контраста приведены данные только для полярных групп.

от 60 лет и старше, не более 13–14% в возрастных группах 18–50 лет). Учитывая, что и в средних возрастах их меньшинство, видимо, дело здесь не в количестве лет, а в образе жизни, который зависит от состояния здоровья, этапа жизненного цикла и целого ряда других факторов. Таким образом, наши результаты подтверждают выводы Э. Глейзера о нелинейном влиянии возраста на процессы накопления социального капитала, но при этом мы зафиксировали косвенный характер этого влияния в российских условиях.

Заключение. Несмотря на важную роль, которую играет социальный капитал в жизни россиян, и широту охвата социальными сетями большей их части, среди них немало тех, кто лишен к ним доступа. Даже в моменты сравнительно высокой сплоченности общества, наблюдаемой в период пандемии COVID-19, каждый шестой россиянин не рассчитывал на какую-либо значимую помощь со стороны своего окружения, выраженную как минимум в возможности занять небольшую сумму денег, не говоря уже о тех видах поддержки, которые открывают новые жизненные возможности.

В ходе анализа факторов, влияющих на наличие доступа к ресурсам социальных сетей, мы строили гипотезы, исходя из результатов работ преимущественно западных авторов. Это позволило провести сравнение российской ситуации в этой области с зарубежной. В итоге основная часть наших предположений подтвердилась, но часть факторов, важных для западных обществ, в России оказались незначимыми или имели иной характер влияния. Наши результаты подтвердили в целом полученные ранее зарубежными учеными выводы о нелинейном влиянии возраста на процессы накопления и обновления

социального капитала. Однако в России это влияние оказалось косвенным и зависящим скорее от образа жизни, чем непосредственно от количества лет. Это означает, что на микро- и на макроуровне есть возможности минимизации рисков исключенности из социальных сетей лиц старшего возраста. На индивидуальном уровне это предполагает действия, связанные с освоением новых знаний и наращиванием своих контактов, различные самосохранительные практики, позволяющие отсрочить хронические заболевания, ухудшающие качество жизни.

Наше исследование показало, что доступ к ресурсам социальных сетей в наибольшей степени связан с типом поселения, где проживает человек, и его горизонтом планирования. Это соотносится с выводами других исследований о том, что чем шире горизонт планирования, тем выше склонность человека инвестировать время и средства в создание социальных сетей. Мы установили, что проживание в Москве и Санкт-Петербурге положительно сказывается на возможностях россиян получить помощь со стороны близких и знакомых, риски исключенности сравнительно выше для жителей сельской местности. Отчасти это связано с характерным для нашей страны неравенством в доступе к социальной инфраструктуре и разной общей ресурсообеспеченности жителей столиц и сельских поселений.

Доступ к ресурсам социальных сетей в российском обществе напрямую связан с плохим здоровьем. Это свидетельствует о повышенных рисках социальной эксклюзии для россиян с серьезными заболеваниями, которые влияют на количество и качество социальных контактов. Результаты моделирования показывают, что в России актуальна проблема неравного доступа к ресурсам социальных сетей у представителей разного пола – мужчинам проще получить доступ к значимой помощи извне, чем женщинам.

Таким образом, наш анализ подтвердил существование неравного доступа россиян к ресурсам социальных сетей. Анализ сравнительной значимости факторов, повышающих вероятность включенности в такого рода сети, продемонстрировал, что основные из этих факторов характеризуют жизнь и положение наиболее благополучных россиян (жизнь в столицах, наличие профессионального образования, относительно высокий уровень доходов и т.д.). В этих условиях преимущественный доступ этой части россиян к ресурсам социальных сетей негативно влияет на ситуацию с социальными неравенствами в обществе в целом. Повлиять на эти процессы могла бы федеральная и региональная социальная политика в сфере образования, здравоохранения и поддержки общественных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авраамова Е.М., Логинов Д.М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 24–34.

Авраамова Е.М., Малева Т.М. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 144–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-7-144-160.

Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

Каравай А.В. Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 42–60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605.

Каравай А.В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 1–15.

Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 43–54.

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.

Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый Хронограф; ИС РАН, 2014.

Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24–35.

Adler P.S., Kwon S.-W. Social capital: prospects for a new concept // Academy of Management Review. 2002. No. 27. C. 17–40.

Andriani L., Christoforou A. Social Capital: A Roadmap of Theoretical and Empirical Contributions and Limitations // Journal of Economic Issues. 2016. Vol. 50. No. 1. C. 4–22. DOI: 10.1080/00213624.2016.1147296.

Christoforou A. On the determinants of social capital in Greece compared to countries of the European Union // Available at SSRN. 2005. URL: https://ssrn.com/abstract=726142 (дата обращения: 07.03.2022).

Fidrmuc J., Gërxhani K. Mind the gap! Social capital, East and West // Journal of Comparative Economics. 2008. Vol. 36. No. 2. C. 264–286.

Fukuyama F. Social capital, civil society and development // Third world quarterly. 2001. Vol. 22. No. 1. C. 7–20. DOI: 10.1080/713701144.

Glaeser E., Laibson D., Sacerdote B. An Economic Approach to Social Capital // Economic Journal. 2002. Vol. 112. No. 483. P. F437–F458.

Glaeser E.L. The formation of social capital // Canadian Journal of Policy Research. 2001. Vol. 2. No. 1. C. 34–40.

Kaasa A. Determinants of individual-level social capital: Culture and personal values // Journal of International Studies. 2019. No. 12(1). C. 9–32. DOI: 10.14254/2071-8330.2019/12-1/1.

Kaasa A., Parts E. Individual-Level Determinants of Social Capital in Europe: Differences between Country Groups // Acta Sociologica. 2008. Vol. 51. No. 2. C. 145–168.

Lollo E. Toward a theory of social capital definition: its dimensions and resulting social capital types // 14th World Congress of Social Economics. 2012. URL: https://docplayer.net/20995028-Toward-a-theory-of-social-capital-definition-its-dimensions-and-resulting-social-capital-types.html (дата обращения: 07.03.2022).

Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton. NJ: Princeton University Press, 1993.

Sabatini F. Social capital as social networks: A new framework for measurement and an empirical analysis of its determinants and consequences // The Journal of Socio-Economics. 2009. Vol. 38. No. 3. C. 429–442. DOI: 10.1016/j.socec.2008.06.001.

Saukani N., Ismail N.A. Identifying the Components of Social Capital by Categorical Principal Component Analysis (CATPCA) // Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement. 2019. Vol. 141. No. 2. C. 631–655. DOI: 10.1007/s11205-018-1842-2.

Savage M. et al. A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment // Sociology. 2013. Vol. 47. No. 2. C. 219–250. DOI: 10.1177/0038038513481128.

Статья поступила: 09.03.22. Финальная версия: 11.07.22. Принята к публикации: 10.08.22.

FACTORS OF ACCESS TO SOCIAL NETWORK RESOURCES IN MODERN RUSSIA

KARAVAY A.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Anastasia V. KARAVAY, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (karavayav@yandex.ru).

Abstract. In the article, based on the data of the FCTAS RAS in 2021, using a logistic regression model, factors affecting the inclusion of Russians in social networks capable of providing objectively significant types of support for a person are identified. It is showed that the most significant factor is the individual's place of residence: living in Moscow and St. Petersburg significantly increases the likelihood of involvement in social networks and living in rural areas reduces it. Also we find a positive effect on access to social networks resources of a good state of health, a relatively long planning horizon, as well as the availability of professional education, employment, a relatively high level of income and socio-political activity. All these factors, concentrating in the already relatively prosperous mass strata of society, affect the ability of Russians to access to social networks resources, and thereby contribute to the further deepening of existing social inequalities. The age factor in Russian conditions turned out to be insignificant, which indicates the indirect nature of its influence on access to social networks resources, due to the concentration in older age groups of the main risks of exclusion from such networks (refusal of labor activity, reduction of the planning horizon, deterioration of health, etc.). In general, our results showed that the possibilities of access to resources in social networks include both micro-level factors related to an individual and macro-level factors depending on the situation in his place of residence and state policy.

Keywords: social capital, social networks, resources of social networks, factors of social capital, social inequalities in Russia.

REFERENCES

Adler P.S., Kwon S.-W. (2002) Social capital: prospects for a new concept. *Academy of Management Review*. No. 27: 17–40.

Andriani L., Christoforou A. (2016) Social Capital: A Roadmap of Theoretical and Empirical Contributions and Limitations. *Journal of Economic Issues*. No. 50(1): 4–22. DOI: 10.1080/00213624.2016.1147296.

Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002) Socio-economic adaptation: resources and opportunities. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 5: 24–34. (In Russ.)

Avraamova E., Maleva T. (2014) On the Causes of Socio-Economic Inequality Reproduction: What Does Resources Approach Show? *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 7: 144–160. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2014-7-144-160.

Bourdieu P. Forms of Capital. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. No. 3(5): 60–74. (In Russ.)

Christoforou A. (2005) On the determinants of social capital in Greece compared to countries of the European Union. *Available at SSRN.* URL: https://ssrn.com/abstract=726142 (accessed 07.03.2022).

Glaeser E. L. (2001) The formation of social capital. *Canadian Journal of Policy Research.* No. 2 (1): 34–40.

Glaeser E., Laibson D., Sacerdote B. (2002) An Economic Approach to Social Capital. *Economic Journal*. No. 112 (483): F437–F458.

Fidrmuc J., Gërxhani K. (2008) Mind the gap! Social capital, East and West. *Journal of Comparative Economics.* No. 36 (2): 264–286.

Fukuyama F. (2001) Social capital, civil society and development. *Third world quarterly*. No. 22(1): 7–20. DOI: 10.1080/713701144.

Kaasa A. (2019) Determinants of individual-level social capital: Culture and personal values. *Journal of International Studies*. No. 12 (1): 9–32. DOI: 10.14254/2071-8330.2019/12-1/1.

Kaasa A., Parts E. (2008) Individual-Level Determinants of Social Capital in Europe: Differences between Country Groups. *Acta Sociologica*. No. 51 (2): 145–168.

Karavai A.V. (2016) Russian workers: social capital and capital accumulation settings. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 1–15. DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.01. (In Russ.)

Karavay A.V. (2021) Social Networks in Modern Russia: Scale, Structure and Functioning Mechanisms. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 9 (4): 42–60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605. (In Russ.)

Kozyreva P.M. (2009) Interpersonal trust in the context of the formation of social capital. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 1: 43–54. (In Russ.)

Lollo E. (2012) *Toward a theory of social capital definition: its dimensions and resulting social capital types.* 14th World Congress of Social Economics. 2012. URL: https://docplayer.net/20995028-Toward-a-theory-of-social-capital-definition-its-dimensions-and-resulting-social-capital-types.html (accessed 07.03.2022).

Putnam R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Radaev V.V. (2002) The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. No. 3 (4): 20–32. (In Russ.)

Sabatini F. (2009) Social capital as social networks: A new framework for measurement and an empirical analysis of its determinants and consequences. *The Journal of Socio-Economics*. No. 38 (3): 429–442. DOI: 10.1016/j.socec.2008.06.001.

Saukani N., Ismail N.A. (2019) Identifying the Components of Social Capital by Categorical Principal Component Analysis (CATPCA). *Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement*. No. 141 (2): 631–655. DOI: 10.1007/s11205-018-1842-2.

Savage M. et al. (2013) A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. *Sociology*. No. 47 (2): 219–250. DOI: 10.1177/0038038513481128.

Tikhonova N.E. (2004) Social capital as a factor of inequality. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 4: 24–35. (In Russ.)

Tikhonova N.E. (2014) *Social Structure of Modern Russia: theory and reality.* Moscow: Novyy Khronograf. (In Russ.)

Received: 09.03.22. Final version: 11.07.22. Accepted: 10.08.22.

© 2022 г.

В.В. УСТЮЖАНИН, И.А. СУМЕРНИКОВ, Л.Е. ГРИНИН, А.В. КОРОТАЕВ

УРБАНИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

УСТЮЖАНИН Вадим Витальевич – стажер-исследователь; младший научный сотрудник международной лаборатории демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (vvustiuzhanin@hse.ru); *СУМЕРНИКОВ Илья Александрович – стажер-исследователь* (iasumernikov@hse.ru); *ГРИНИН Леонид Ефимович – доктор философских наук, главный научный сотрудник; ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН* (lgrinin@hse.ru); *КОРОТАЕВ Андрей Витальевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией; главный научный сотрудник Института Африки РАН* (akorotayev@gmail.com). *Все – Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.*

Аннотация. *Исследуется, как урбанизация влияет на риски двух разных типов революционной активности – вооруженной и невооруженной. Пользуясь кросс-национальными данными за 1950–2019 гг. и проанализировав 459 революционных событий, авторы приходят к выводу, что по мере роста урбанизации риски вооруженных революционных выступлений снижаются. В то же время риски невооруженных революций изменяются криволинейно: по мере роста урбанизации они сначала растут, но после выхода страны на завершающие фазы урбанизационного перехода начинают падать. Таким образом, между урбанизацией и рисками невооруженной революционной дестабилизации в целом наблюдается криволинейная (перевернутая U-образная) зависимость.*

Ключевые слова*: революция • урбанизация • модернизация • кросс-национальные исследования*

DOI: 10.31857/S013216250018478-8

Проблема и теоретические подходы. Последние десятилетия в мире (особенно в третьем мире) бурными темпами растет уровень урбанизации. В условиях быстрого изменения доли городского населения представляется важным понимать, какое влияние оказывает урбанизация на риски революционной дестабилизации. Говоря о революциях, мы опираемся на следующее определение: «Революция – это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун, 2006: 61].

Исследователи урбанизации как фактора рисков революционной дестабилизации до сих пор не проводили разделения между рисками вооруженных и невооруженных революционных потрясений. Однако в последние годы было показано, что вооруженные и невооруженные революционные выступления имеет смысл рассматривать отдельно, так как они имеют достаточно разные детерминанты, механизмы и последствия [Голдстоун, 2006: 61–64; Chenoweth, Stephan, 2011; Butcher, Svensson, 2016]. Так, целый ряд исследователей

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. при поддержке РНФ, проект №18-18-00254.

изучал вопрос, почему одни революции приводят к демократическим результатам, а другие – к авторитарным [Ackerman, Karatnycky, 2005; Chenoweth, Stephan, 2011; Celestino, Gleditsch, 2013; Butcher, Svensson, 2016][1]. В результате было показано, что вооруженные революции очень редко приводят к формированию демократических режимов, в то время как невооруженные выступления более вероятно заканчиваются переходом к демократии [Ackerman, Karatnycky, 2005; Stephan, Chenoweth, 2008; Chenoweth, Stephan, 2011; Butcher, Svensson, 2016][2].

Хотя число работ, рассматривающих количественно отдельно вооруженные и невооруженные революции, уже достаточно велико [Устюжанин и др., 2022; Chenoweth, Stephan, 2011; Butcher, Svensson, 2016; Chenoweth, Ulfelder, 2017; Gleditsch, Rivera, 2017; Dahl et al., 2020], но урбанизация специально не рассматривалась как важный фактор революций ни в одной из этих работ. Правда, в работе Ч. Батчера и И. Свенссона [Butcher, Svensson, 2016] она использована в качестве одной из контрольных переменных и оказалась статистически незначимой как для вооруженных, так и для невооруженных революционных выступлений. Аналогичные результаты получены и в работе Э. Ченовет и Дж. Ульфелдера [Chenoweth, Ulfelder, 2017], посвященной невооруженным революционным выступлениям: урбанизация также оказалась статистически незначимым фактором.

Кроме того, в работах К.С. Гледича и М. Риверы [Gleditsch, Rivera, 2017], а также М. Даль и ее соавторов [Dahl et al., 2020] в качестве контрольной переменной использовалась численность городского населения, которая оказалась статистически значимым предиктором невооруженных выступлений. Однако, на наш взгляд, полученные результаты не представляются релевантными, поскольку численность городского населения зависит не только от доли городского населения, но и от численности населения в целом. При этом было убедительно показано, что численность населения сама по себе является мощным предиктором как революционных выступлений вообще [Chenoweth, Ulfelder, 2017; Besançon, 2005; Butcher, Svensson, 2016; Dahl, Gates, 2016; Hegre, Sambanis, 2006], так и антиправительственных демонстраций в частности [Коротаев и др., 2020; Korotayev et al., 2021]. Вместе с тем вполне очевидно, что в очень крупных странах численность городского населения будет выше, чем в малочисленных, даже если уровень урбанизации в первых будет значительно ниже, чем во вторых. Например, численность городского населения в слабоурбанизированной Индии значительно выше, чем в любой европейской стране. И тот факт, что количество антиправительственных демонстраций в Индии выше, чем в любой западноевропейской стране, объясняется тем, что общая численность населения на порядок превышает численность населения западноевропейских стран [Urdal, 2008]. Поэтому результаты, полученные М. Даль и ее соавторами

---

[1] Большинство этих авторов предпочитают обозначать революции как «максималистские кампании», но фактически речь идет именно о революциях (в том числе национально-освободительных). В пользу этого говорит, например, то, что в базе данных Э. Ченовет «NAVCO: Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes» [Chenoweth, Shay, 2020] «кампаниями» названы все бесспорные революции с 1900 года – включая, например, российские революции 1905–1907 и 1917 гг., Конституционную революцию 1905–1911 гг. в Иране, Синьхайскую революцию 1911–1912 гг. в Китае и Мексиканскую революцию 1910–1917 гг.

[2] Все эти исследователи называют невооруженные революционные выступления «ненасильственными кампаниями» (*nonviolent campaigns*); однако под «ненасильственными кампаниями» нередко подразумеваются невооруженные революционные выступления, участники которых прибегают к насилию в очень даже заметной степени. Действительно, как убедительно продемонстрировали М.А. Кадивар и Н. Кечли [Kadivar, Ketchley, 2018], участники большинства так называемых «ненасильственных максималистских кампаний» в достаточно серьезных масштабах прибегали к насилию. Здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 г. или «Евромайдан» 2013–2014 гг., которые Ченовет квалифицирует именно как «ненасильственные максималистские кампании». Поэтому мы согласны с М.А. Кадиваром и Н. Кечли, что подобные революционные выступления имеет смысл называть «невооруженными», а не «ненасильственными». Главная их характеристика не в том, что их участники вообще не прибегают к насилию, а в том, что они не используют боевого оружия для достижения своих целей.

[Dahl et al., 2021], а также К. Гледичем и М. Риверой [Gleditsch, Rivera, 2017], не применимы в рамках нашего анализа. Проблема влияния урбанизации на риски революционной дестабилизации заслуживает самостоятельного изучения.

Исследовательские гипотезы. С. Далум [Dahlum, 2019] и М.Р. Бейссинджер [Beissinger, 2022] обращают внимание на то, что основная государственная инфраструктура (органы власти, государственные службы) находится в городах, поэтому там проще донести требования до власти без применения насилия. В случае же с революционными выступлениями в сельской местности центры власти (в том числе символические объекты государственной власти) находятся далеко, а плотность населения низкая, то есть добиться своих требований невооруженными методами здесь крайне сложно. Поэтому в данном случае вооруженная борьба наиболее вероятна [Beissinger, 2022]. Х. Бухауг и П. Луджала [Buhaug, Lujala, 2005] также обращают внимание, что вооруженные методы революционного действия наиболее вероятны в периферийных (менее урбанизированных) районах, в то время как в более урбанизированных районах наиболее распространены именно мирные формы революционного протеста. Так, по классификации Хантингтона-Голдстоуна выделяется такой тип революций, как «наступление с периферии» [Голдстоун, 2015; Хантингтон, 2004]. Отличительной чертой такого типа является зарождение революционного мятежа вдали от крупных городских центров, например в гористой или лесной местности, подходящей для партизанского вооруженного сопротивления. В итоге при наступлении с периферии «оппозиция превращается в регулярную армию, способную сражаться в гражданской войне и захватить столицу» [Голдстоун, 2015: 47]. В качестве примеров вооруженных революций по модели «наступления с периферии» можно вспомнить китайскую коммунистическую революцию (1945–1949), кубинскую революцию (1956–1959), сандинистскую революцию в Никарагуа (1961–1979), хуситскую революцию 2004–2015 гг. в Йемене или исламскую революцию в Афганистане под руководством талибов[3] (закончившуюся их победой в 2021 г.), которые начинались в неурбанизированных, сельских, районах и носили вооруженный характер.

Все это позволяет сформулировать первую гипотезу (**H1**): в современном мире[4] существует отрицательная корреляция между уровнем урбанизации и рисками вооруженных революционных выступлений.

Целым рядом исследователей было показано, что невооруженные революционные события чаще происходят в городах [Коротаев и др., 2020; Beissinger, 2022; Dahlum, 2019; Gleditsch, Rivera, 2017; Korotayev et al., 2021; Sawyer et al., 2022], потому что в урбанизированных обществах более вероятна массовая мобилизация населения, а в городах можно эффективнее организовать давление на органы власти [Gleditsch, Rivera, 2017] в силу большей концентрации человеческих ресурсов. При этом города являются сосредоточием наиболее образованных людей, которые, с одной стороны, более склонны к протесту, но с другой – выбирают невооруженные методы борьбы в силу большей

---

[3] Талибан – террористическая организация, запрещенная в РФ. – *Прим. ред.*

[4] Свои гипотезы мы тестируем по данным после 1950 г., так как за более ранний период необходимых для глобальных тестов количественных данных нет. При этом совершенно неочевидно, что наши выводы можно безоговорочно распространять на более ранние общества. Так, очень многие вооруженные революционные выступления XIX и первой половины XX в. проходили как раз в городах. Для того периода даже можно вести речь о городской (или урбанизационной) ловушке, которая вела к увеличению риска революций, часто носивших именно вооруженный характер [Grinin, 2022]. По всей видимости, на характер революции (вооруженная vs невооруженная) влияют и социальные характеристики ведущей революционной группы. Это требует дополнительного исследования, но, судя по всему, пролетариат был более склонен к насильственным революциям, чем интеллигенция и служащие [Dahlum, 2019]. С. Хантингтон, анализируя революции 1940–1960-х гг., отмечал, что в этот период на первом «революционном» месте был средний класс, особенно интеллектуалы «с традиционными корнями и современными ценностями», за которыми идут служащие [Хантингтон, 2004: 292], а лишь потом рабочий класс [Хантингтон, 2004: 292, 287]. При этом он подчеркивал, что в XIX в. в европейских странах пролетариат был гораздо радикальнее.

толерантности и невосприятия насилия [Устюжанин и др., 2022]. Также нельзя забывать, что крупные городские центры являются местом сосредоточения большого числа студентов. Они обладают большим количеством свободного времени и энергии, что делает их затраты на участие в протестах минимальными, а высшее образование обеспечивает терпимость к политическому самовыражению, что способствует использованию именно ненасильственных методов [Jenkins, Wallace, 1996]. Хрестоматийным примером является французская «студенческая революция» 1968 г., когда наиболее активными участниками городских демонстраций были именно студенты.

Кроме того, урбанизированные районы в принципе являются сосредоточением большого количества людей, что позволяет мобилизовать более широкую группу населения [Butcher, Svensson, 2016] и тем самым увеличить шансы на успех именно невооруженного выступления, которое критически зависит от числа участников [Chenoweth, Stephan, 2011; Dahl et al., 2020; Beissinger, 2022]. Про феномен «городских революций» писали многие авторы. В частности, такой тип революции, как «центральный коллапс», по классификации Хантингтона-Голдстоуна, отличающийся массовыми протестами и демонстрациями в столице или крупных городах, является не чем иным, как «городской революцией» [Голдстоун, 2015; Хантингтон, 2004]. М. Бессинджер [Beissinger, 2022] также отдельно рассматривает «городские гражданские революции», определяя их как «революции, целью которых было мобилизовать как можно больше людей в центральных городских районах, стремясь свергнуть репрессивные правительства с помощью силы чисел, а не с помощью вооруженного восстания, городских беспорядков или других средств» [ibid: 56]. В качестве примеров такого рода революций можно привести «цветные» революции на Украине (2004–2005) или в Тунисе (2010–2011), каждая из которых происходила в городских центрах и сопровождалась крупными невооруженными протестами.

Важную роль здесь играет и политико-демографический фактор: ранние фазы урбанизационного перехода обычно (и вполне закономерно) идут синхронно с ранними фазами демографического перехода, характеризующимися резким снижением смертности (и в особенности младенческой) на фоне по-прежнему высокой рождаемости, что ведет к значительному росту доли молодежи («молодежному бугру»), что оказывает дестабилизирующее влияние уже само по себе [Коротаев и др., 2011; Goldstone, 2002: 11–12; Goldstone, 2016]. Особенно значительный избыток молодежи образуется в сельской местности; на фоне растущей производительности труда в сельском хозяйстве идет его выталкивание в город. Массированная миграция из деревни в город практически неизбежно порождает в городах заметное количество недовольных своим положением, поскольку мигранты из деревни в первое время после переселения могут рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную малооплачиваемую работу, происходит разрастание фавел/бидонвилей. В города из деревни обычно мигрирует, прежде всего, именно молодежь; таким образом, на начальных фазах урбанизационного перехода фактор «молодежного бугра» и фактор интенсивной урбанизации действуют совместно, производя в совокупности очень мощное дестабилизирующее воздействие [Коротаев и др., 2011; Korotayev et al., 2014].

Таким образом, мы предполагаем (**H2**), что на начальных и средних этапах урбанизационного перехода (модернизации) увеличение урбанизации должно вести к увеличению риска невооруженных революционных выступлений.

Однако есть основания полагать, что подобные эффекты происходят лишь на первых этапах роста урбанизации [Korotayev et al., 2018; Korotayev et al., 2021; Sawyer et al., 2021; Sawyer, Korotayev, 2022], потому что в дальнейшем издержки от участия граждан в революционных выступлениях увеличиваются. Хотя, согласно теории Р. Инглхарта, при росте благосостояния ценности самовыражения приходят на смену ценностям выживания, с какого-то уровня издержки от участия в революционных выступлениях начинают превышать возможные выгоды, что уменьшает вероятность участия и в невооруженных революционных выступлениях [Inglehart, Welzel, 2005]. На этом этапе также происходит улучшение качества жизни городского населения, переход от жизни в бараках, трущобах

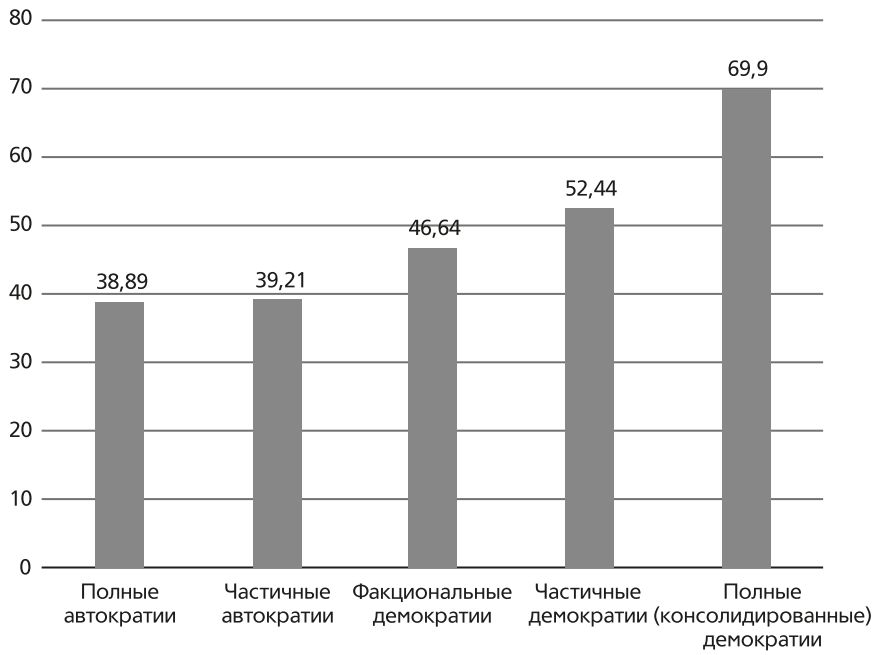

Рис. 1. Средний уровень урбанизации (в %) в странах с разными политическими режимами

Источник: составлено по: Center for Systemic Peace, 2022 (типы режимов); United Nations Population Division, 2022 (уровень урбанизации).

и фавелах к жизни в личных квартирах и домах, что сокращает уровень недовольства и снижает интенсивность социальных связей среди потенциально протестных слоев населения [Beissinger, 2022]. Также можно заметить, что на этом этапе развития общества и роста уровня урбанизации вырастает доля консолидированных демократий, в которых потенциальные протестующие имеют альтернативные нереволюционные рычаги давления на органы власти (рис. 1).

Кроме того, заключительные фазы урбанизационного перехода обычно (и вполне закономерно) идут синхронно с заключительными фазами демографического перехода, характеризующимися резким снижением рождаемости (и урбанизация, наряду с другими процессами, такими как, например, распространение женского образования, выступает в качестве важного фактора этого снижения). Снижение рождаемости, в свою очередь, ведет к старению населения, росту медианного возраста, уменьшению доли молодежи («сдуванию» молодежных бугров), что способствует снижению рисков революционных выступлений – как вооруженных, так и невооруженных [Романов и др., 2021].

Таким образом, можно сформулировать следующую гипотезу (**Н3**): в высокоразвитых обществах наблюдается отрицательная корреляция между дальнейшим ростом доли городского населения и рисками невооруженных революций.

Из второй и третьей гипотез следует, что можно ожидать общую криволинейную зависимость между рисками невооруженных революционных выступлений и уровнем урбанизации. Тогда можно предположить, что незначимость урбанизации как предиктора невооруженных революционных выступлений в работах Э. Ченовет и Дж. Ульфелдера [Chenoweth, Ulfelder, 2017], а также Ч. Батчера и И. Свенссона [Butcher, Svensson, 2016] может быть объяснена именно этим – качественно разным эффектом, оказываемым урбанизацией на страны с разными уровнями развития.

Итак, наша четвертая гипотеза (**H4**) имеет следующий вид: существует криволинейная (перевернутая) U-образная зависимость между урбанизацией и риском невооруженной революционной дестабилизации.

Методы анализа. Далее мы используем информацию из базы данных «Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) 1.3» [Chenoweth, Shay, 2020], в рамках которой собрано формальное описание более 600 революционных выступлений 1900–2019 гг. Что особенно важно в рамках нашего исследования, NAVCO делит революции на вооруженные и невооруженные (используется кодировка «1» для вооруженных революций и «0» для невооруженных). В качестве зависимых переменных мы будем использовать: (1) наличие/отсутствие вооруженного революционного выступления (1 и 0 соответственно), (2) наличие/отсутствие невооруженного революционного выступления (1 и 0 соответственно)[5].

Для оценки уровня урбанизации используются данные Отдела народонаселения ООН [United Nations Population Division, 2022]. В рамках этой базы данных приведена информация о доле городского населения каждой страны в 1950–2020 гг., что несколько сокращает рассматриваемый нами временной диапазон, но все равно сохраняет его достаточно большим для получения состоятельных результатов. С целью анализа зависимости между урбанизацией и революционными выступления мы разделили показатели доли городского населения на секстили – шесть равных частей:

1) крайне низкий уровень урбанизации (в рамках группы в среднем доля городского населения – 12,2%);

2) очень низкий уровень урбанизации (в среднем 25,9%);

3) низкий уровень урбанизации (в среднем 38,3%);

4) средний уровень урбанизации (в среднем 51,7%);

5) высокий уровень урбанизации (в среднем 66,9%);

6) очень высокий уровень урбанизации (в среднем 85,9%).

В итоге мы проанализировали 459 революционных выступлений за 1950–2019 гг.

Результаты анализа. В табл. 1 и на рис. 2 представлены результаты количественного анализа влияния урбанизации на *вооруженные* революционные выступления.

Изначально мы предполагали (**H1**) отрицательную зависимость между урбанизацией и вооруженными революционными событиями. Действительно, при крайне низком уровне урбанизации произошло более 30% вооруженных революционных выступлений – это самый большой показатель среди всех шести рассматриваемых групп; напротив, при очень высоком уровне урбанизации доля вооруженных революционных выступлений составляет всего 4% от их общего количества. При росте уровня урбанизации наблюдается существенное и значимое сокращение рисков вооруженной революционной дестабилизации

Таблица 1

Соотношение между уровнем урбанизации и вооруженными революционными событиями в 1950–2019 гг.

Уровень урбанизации	Доля вооруженных революционных выступлений, % ($N = 191$)
Крайне низкий уровень урбанизации	31,9
Очень низкий уровень урбанизации	22,5
Низкий уровень урбанизации	19,4
Средний уровень урбанизации	14,1
Высокий уровень урбанизации	7,9
Очень высокий уровень урбанизации	4,2

[5] Отсутствие того или иного революционного выступления в выбранной стране в определенный год классифицируется как ноль.

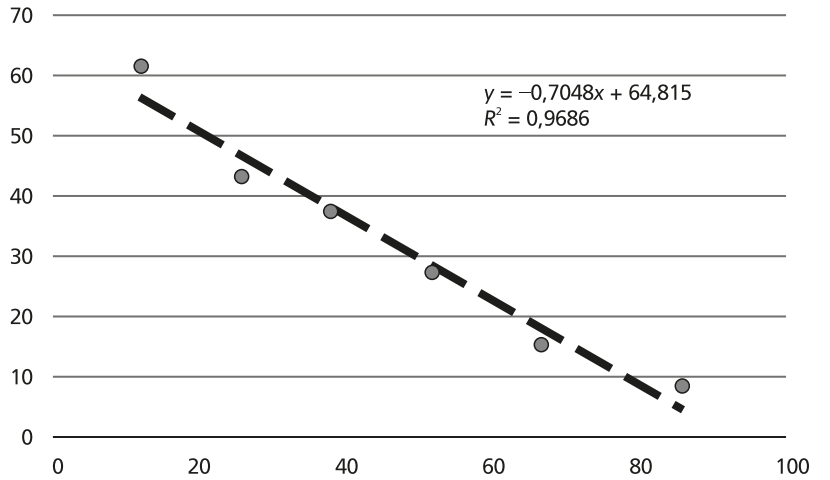

Рис. 2. Линейная регрессия между уровнем урбанизации (%, по оси абсцисс) и количеством вооруженных революционных выступлений (по оси ординат) в 1950–2019 гг.

($p < 0{,}01$, доля объясненной дисперсии составляет 97%). Таким образом, мы нашли существенное эмпирическое подтверждение первой гипотезы.

Что касается *невооруженных* революций, мы предполагали нелинейную природу зависимости, потому что на разных этапах модернизации урбанизация оказывает разные эффекты на вероятность невооруженных выступлений (гипотезы **H2**, **H3** и обобщающая **H4**). Далее представлено распределение невооруженных выступлений по децилям[6] в группе слабо-, среднеразвитых (рис. 3) и развитых стран (рис. 4).

На рис. 3 видно, что при росте уровня урбанизации (от низкого к среднему уровню) в слабо- и среднеразвитых странах число невооруженных революционных выступлений возрастает. Этот тренд описывается логарифмической зависимостью (доля объясненной

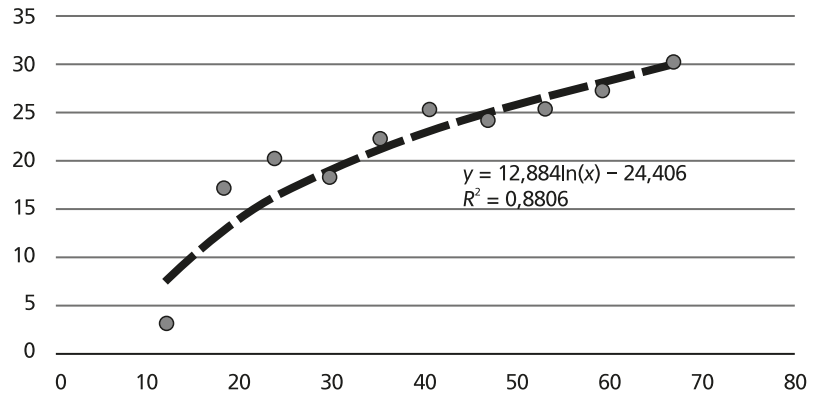

Рис. 3. Логарифмическая зависимость между урбанизацией (%, по оси абсцисс) и количеством невооруженных революционных выступлений (по оси ординат) в слабо- и среднеразвитых странах (подецильный анализ) в 1950–2019 гг.

[6] Другими словами, на рис. 3 представлена выборка с первого по четвертый секстиль включительно, разбитая на десять равных частей. Аналогично на рис. 4 представлены страны пятого и шестого секстилей.

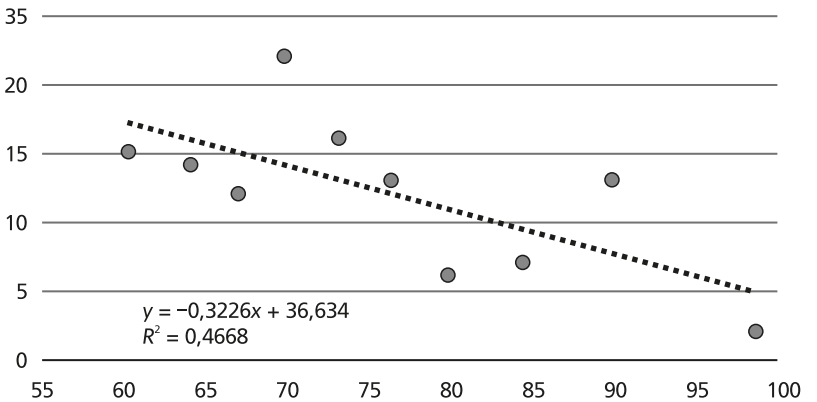

Рис. 4. Линейная регрессия между уровнем урбанизации (%, по оси абсцисс) и количеством невооруженных революционных выступлений (по оси ординат) в развитых странах (подецильный анализ) в 1950–2019 гг.

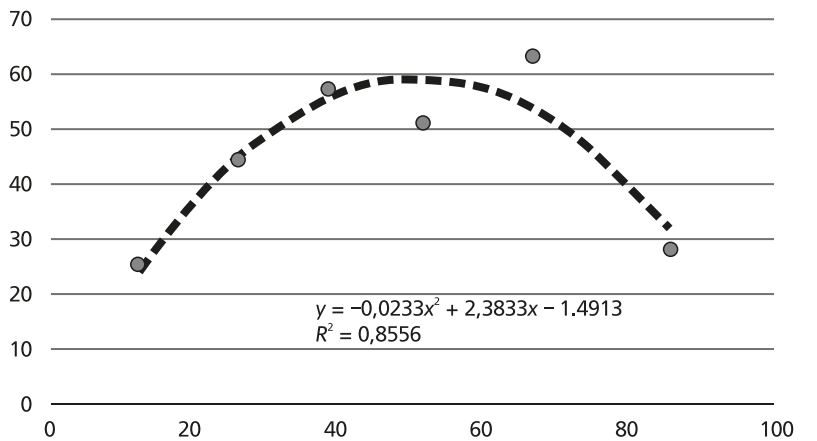

Рис. 5. Криволинейная зависимость между уровнем урбанизации (%, по оси абсцисс) и количеством невооруженных революций (по оси ординат) в 1950–2019 гг.

дисперсии составляет 88%): на начальных уровнях урбанизационного перехода риски невооружённых революционных выступлений быстро растут, замедляясь на поздних стадиях.

В группе развитых стран, как видно на рис. 4, при росте уровня урбанизации риск невооруженной революционной дестабилизации снижается, достигая минимума при уровне урбанизации выше 95%.

Таким образом, в слабо- и среднеразвитых странах по мере роста уровня урбанизации риски невооруженных революционных выступлений растут, в то время как в развитых они падают (гипотезы **H2** и **H3**). Табл. 2 и рис. 5 обобщают результат анализа зависимости между урбанизацией и невооруженными революционными событиями в целом. В частности, виден явный рост рисков революционных выступлений до пятого секстиля и резкое падение в шестом.

Как и предполагалось ранее (гипотеза **H4**), между урбанизацией и рисками невооруженной революционной дестабилизации наблюдается явная криволинейная связь (перевернутая U-образная, $R^2 = 86\%$).

Таблица 2

Соотношение между уровнем урбанизации и невооруженными революционными выступлениями

Уровень урбанизации	Доля революционных выступлений, % ($N = 268$)
Крайне низкий уровень урбанизации	9,3
Очень низкий уровень урбанизации	16,4
Низкий уровень урбанизации	21,3
Средний уровень урбанизации	19,0
Высокий уровень урбанизации	23,5
Очень высокий уровень урбанизации	10,4

Выводы. Итак, все наши гипотезы получили убедительное подтверждение:

(1) по мере роста урбанизации риски *вооруженных* революционных выступлений сильно и значимо снижаются;

(2) при этом риски *невооруженных* революционных выступлений растут в слабо-, среднеразвитых странах,

(3) но падают в развитых;

(4) то есть мы имеем дело с выраженной криволинейной (перевернутой U-образной) зависимостью между урбанизацией и рисками *невооруженной* революционной дестабилизации.

При этом мы отмечаем логистическую зависимость между ростом урбанизации в слабо-, среднеразвитых странах и рисками невооруженных революционных выступлений, что требует отдельного объяснения.

Хотя в настоящем исследовании урбанизация выявлена как значимый и сильный предиктор революционной активности, наряду с ней действуют и другие значимые факторы: уровень образования [Butcher, Svensson, 2016], ВВП на душу населения [Albrecht, Koehler, 2020; Besançon, 2005], экономический рост [Gleditsch, Rivera, 2017], безработица [Shaheen, 2015], тип политического режима [Коротаев и др., 2022] и др. Поскольку урбанизация сильно скоррелирована с другими переменными модернизации, существует проблема мультиколлинеарности – результаты влияния урбанизации могут ассоциироваться с прочими переменными. Поэтому исследование степени влияния урбанизации на вооруженную и невооруженную революционную дестабилизацию должно быть, безусловно, продолжено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103. [Goldstone J.A. (2006) Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Logos*. No. 5: 58–103. (In Russ.)]

Голдстоун Дж. Революции: очень краткое введение. М.: Ин-т Гайдара, 2015. [Goldstone J.A. (2015) Revolutions: A very short introduction. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)]

Коротаев А.В., Божевольнов Ю.В., Гринин Л.Е. и др. Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели // Проекты и риски будущего / Отв. ред. *А.А. Акаев*. М.: Красанд/URSS, 2011. С. 138–164. [Korotayev A.V., Bozhevolnov J.V., Grinin L.E. et al. (2011) Trap at the exit from the trap. Logical and mathematical models. In: Akaev A. (ed.) *Projects and risks of the future*. Moscow: Krasand/URSS: 138–164. (In Russ.)]

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Медведев И.А., Слав М. Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 2. С. 9–65. [Korotayev A.V., Grinin L.E., Medvedev I.A., Slav M. (2022) Types of political regimes and risks of revolutionary destabilization in the 21st century. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 21. No. 2: 9–65. (In Russ.)]

Коротаев А.В., Сойер П.С., Гринин Л.Е. и др. Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 4. С. 61–78. [Korotayev A., Sawyer P., Grinin L.E. et al. (2020) Socio-economic Development and Anti-Government Protests. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 26. No. 4: 61–78. (In Russ.)]

Романов Д.М., Мещерина К.В., Коротаев А.В. Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 166–181. [Romanov D.M., Meshcherina K.V., Korotayev A.V. (2021). The Share of Youth in the Total Population as a Factor of Intensity of Non-Violent Protests. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 3: 166–181. (In Russ.)]

*Устюжанин В.В., Гринин Л.Е., Медведев И.А., Коротаев А.*В. Образование и революции // Полития. 2022. № 104(1). С. 50–71. [Ustyuzhanin V.V., Grinin L.E., Medvedev I.A., Korotayev A.V. (2022) Education and Revolutions. *Politeia*. No. 104(1): 50–71. (In Russ.)]

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. [Huntington S. (2004) *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)]

Ackerman P., Karatnycky A. (2005) How freedom is won: from civic resistance to durable democracy. *International Journal of Non-for-Profit Law*. Vol. 7. No. 3: 47–59.

Albrecht H., Koehler K. (2020) Revolutionary mass uprisings in authoritarian regimes. *International Area Studies Review*. Vol. 23. No. 2: 135–159.

Beissinger M. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Besançon M.L. (2005) Relative resources: Inequality in ethnic wars, revolutions, and genocides. *Journal of Peace Research*. Vol. 42. No. 4: 393–415.

Buhaug H., Lujala P. (2005) Accounting for scale: Measuring geography in quantitative studies of civil war. *Political Geography*. Vol. 24. No. 4: 399–418.

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing dissent: Modernization and the onset of major nonviolent resistance campaigns. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. No. 2: 311–339.

Celestino M.R., Gleditsch K.S. (2013) Fresh carnations or all thorn, no rose? Nonviolent campaigns and transitions in autocracies. *Journal of Peace Research*. Vol. 50. No. 3. P. 385–400.

Center for Systemic Peace. (2022) *Polity5 Database*. Vienna, VA: Center for Systemic Peace. URL: http://www.systemicpeace.org/inscr/p5v2018.xls (accessed 24.06.2022).

Chenoweth E., Shay C.W. (2020) List of Campaigns in NAVCO 1.3. Harvard Dataverse.

Chenoweth E., Stephan M.J. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can structural conditions explain the onset of nonviolent uprisings? *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. No. 2: 298–324.

Dahl M., Gates S., Gleditsch K., Gonzalez B. (2021) Accounting for numbers: Group characteristics and the choice of violent and nonviolent tactics. *Economics of Peace and Security Journal*. Vol. 16. No. 1: 5–25.

Dahlum S. (2019) Students in the streets: Education and nonviolent protest. *Comparative Political Studies*. Vol. 52. No. 2: 277–309.

Gleditsch K.S., Rivera M. (2017) The diffusion of nonviolent campaigns. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. No. 5: 1120–1145.

Goldstone J.A. (2002) Population and security: How demographic change can lead to violent conflict. *Journal of International Affairs*. Vol. 56. No. 1: 3–21.

Goldstone J.A. (2016) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World: Population Change and State Breakdown in England, France, Turkey, and China, 1600–1850*. London: Routledge.

Grinin L. (2022) Revolutions and modernization traps. In: Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds) *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer: 219–238.

Hegre H., Sambanis N. (2006) Sensitivity analysis of empirical results on civil war onset. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 50. No. 4: 508–535.

Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jenkins J.C., Wallace M. (1996) The generalized action potential of protest movements: The new class, social trends, and political exclusion explanations. *Sociological Forum*. Vol. 11. No. 2: 183–207.

Kadivar M.A., Ketchley N. (2018) Sticks, stones and Molotov cocktails: Unarmed collective violence and democratization. *Socius*. Vol. 4: 1–6.

Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2018) GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research*. Vol. 52. No. 4: 406–440.

Korotayev A., Malkov S., Grinin L. (2014) A trap at the escape from the trap? Some demographic structural factors of political instability in modernizing social systems. *History & Mathematics*. Vol. 4: 201–267.

Korotayev A., Sawyer P., Romanov D. (2021) Socio-Economic Development and Protests. A Quantitative Reanalysis. *Comparative Sociology*. Vol. 20. No. 2: 195–222.
Sawyer P., Romanov D., Slav M., Korotayev A. (2022) Urbanization, the Youth, and Protest: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research*. Vol. 56. No. 2–3: 125–149.
Sawyer P.S., Korotayev A.V. (2022) Formal Education and Contentious Politics: The Case of Violent and Non-Violent Protest. *Political Studies Review*. Vol. 24. No. 1: 1–24.
Shaheen S. (2015) Social Uprisings: Conceptualization, Measurement, Causes and Implications. Doctoral Dissertation: Philipps-University of Marburg.
Tilly C. (1995) Contentious Repertoires in Great Britain, 1758–1834. In: Traugott M. (ed.) *Repertoires and Cycles of Collective Action*. Durham, NC: Duke University Press: 15–42.
United Nations Population Division. (2022) *World Urbanization Prospects Database*. New York: United Nations. URL: https://population.un.org/wup/ (accessed 24.06.2022).
Urdal H. (2008) Population, resources, and political violence: A subnational study of India, 1956–2002. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 52. No. 4: 590–617.

Статья поступила: 24.06.22. Финальная версия: 22.08.22. Принята к публикации: 23.08.22.

URBANIZATION AND REVOLUTIONS: A QUANTITATIVE ANALYSIS

USTYZHANIN V.V.*/, SUMERNIKOV E.A.*, GRININ L.E. */***, KOROTAYEV A.V.*/******

National Research University "Higher School of Economics", Russia; **Russian Academy of National Economy and Public Administration, Russia; ***Institute of Oriental Studies of RAS, Russia; ** Institute for African Studies of RAS, Russia*

Vadim V. USTYZHANIN, Research; Associate Researcher at the International Laboratory of Demography and Human Capital, Russian Academy of National Economy and Public Administration (vvustiuzhanin@hse.ru); *Elijah A. SUMERNIKOV, Research Intern* (iasumernikov@hse.ru); *Leonid E. GRININ, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher; Chief Researcher at the Institute of Oriental Studies of RAS* (lgrinin@hse.ru); *Andrey V. KOROTAYEV, Dr. Sci. (Hist.), Head of the Laboratory; Chief Researcher at the Institute for African Studies of RAS* (akorotayev@gmail.com). *All – Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia.*

Acknowledgements. The research was conducted as part of the HSE Basic Research Program in 2022 with the support of the RSF, Project No. 18-18-00254.

Abstract. Developing countries are now at a stage of accelerated modernization and its crucial part – the urbanization transition. In classical papers on this topic, authors mentioned that revolutions are an integral part of modernization. In this article authors present a study of how urbanization affects the risks of different revolutionary events – armed and unarmed. By exploiting cross-national data from 1950 to 2019 and analyzing 459 revolutionary events from NAVCO database, authors conclude that there is a strong and negative correlation between urbanization and the risks of armed uprisings. Meanwhile, the risks of unarmed revolutions behave curvilinearly: as urbanization increases, the risks of the unarmed uprisings increase, but begin to fall when the country is in the final stage of the urbanization transition. Thus, we are dealing with a pronounced curvilinear (inverted U-shaped) relationship between urbanization and the risks of unarmed revolutionary destabilization.

Keywords: revolutions, urbanization, modernization, armed revolutions, unarmed revolutions, cross-national studies.

Received: 24.06.22. Final version: 22.08.22. Accepted: 23.08.22.

© 2022 г.

Е.К. БАСАЕВА, Е.С. КАМЕНЕЦКИЙ, З.Х. ХОСАЕВА

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ)

БАСАЕВА Елена Казбековна – кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой прикладной математики и информатики, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (ek.basaeva@nosu.ru); *КАМЕНЕЦКИЙ Евгений Самойлович – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник, Южный математический институт ВНЦ РАН* (esk@smath.ru); *ХОСАЕВА Зарина Хетаговна – научный сотрудник, Владикавказский научный центр РАН* (hzaiac83@mail.ru). *Все – Владикавказ, Россия.*

Аннотация. *Представлен метод прогнозирования конфликтных событий, основанный на предположении о росте социально-политической напряженности в последние годы перед событием. В качестве индикатора социально-политической напряженности использовалась сумма убийств и самоубийств. Для уменьшения воздействия случайных флуктуаций применялась линейная регрессия, построенная по значениям индикатора напряженности за последние шесть лет. Авторами выдвинута и доказана гипотеза, что рост напряженности за пять лет более чем на 5% может быть предвестником серьезных потрясений. Метод апробирован на анализе характеристик арабских стран накануне событий Арабской весны. Исследование показало, что рост социально-политической напряженности в арабских странах в 2005–2010 гг. можно связать с отношением числа иммигрантов к постоянному населению: при доле иммигрантов менее 15% он приводил к конфликту, а при доле иммигрантов более 15% он был отражением напряженности самих иммигрантов и, как правило, не приводил к национальному конфликту.*

Ключевые слова: *прогнозирование конфликтов • предвестники конфликтов • социально-политическая напряженность • индикаторы напряженности • влияние иммигрантов на напряженность • Арабская весна*

DOI: 10.31857/S013216250021519-3

В последние десятилетия практически во всех регионах мира наблюдается тенденция к росту массовой протестной активности и нестабильности. В частности, тяжелые политические кризисы приводили к смене политических элит в ряде постсоветских стран (Грузия, Украина, Киргизия, Армения) и в нескольких арабских странах (Тунис, Египет, Йемен, Ливия). Волна протестного движения россиян в 2011–2012 гг. тоже оказалась неожиданной для большинства ученых и экспертов. В связи с этим актуальной задачей является заблаговременное предсказание возможных политических государственных кризисов и внутренних конфликтов с целью их предупреждения или смягчения.

Авторы предлагают прогнозировать рост нестабильности государства, рассматривая не причины возможных событий, а их предикторы. Такой подход позволяет предсказывать конфликты, даже когда их причины не очевидны. Предложенный метод апробировался на одном из наиболее интересных объектов для изучения конфликтных событий – Арабской весне 2011 г., в которую оказались вовлечены почти все страны арабского мира.

Обзор методов предсказания конфликтов. Методы предсказания конфликтных событий стали появляться в 1950-х гг. и продолжают интенсивно развиваться. Они подразделяются на качественные и количественные.

При использовании качественных методов аналитик на основе имеющихся сведений прогнозирует возможные сценарии развития событий. Эти методы плохо работают в сложных ситуациях и не могут предсказать события, происходящие впервые.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, соглашение № 075-02-2022-890.

Применение количественных методов основано на более или менее формальном анализе имеющихся числовых индикаторов, определенное сочетание которых может свидетельствовать о наличии предпосылок конфликта, причем количество индикаторов может варьироваться от 10 до 800. Как правило, используются индикаторы, отражающие краткосрочные процессы, а долговременные особенности, присущие данной стране, недооцениваются [Yucel, 2011].

В настоящее время для прогнозирования и предупреждения конфликтов используют четыре основные модели – корреляционную, последовательную, конъюнктурную и реакционную [Лапухова, 2009]. В этих моделях рассматриваются либо влияние причин, воздействующих на объект исследования, и их динамики, либо пусковые механизмы, предшествующие конфликту.

Современные количественные модели предсказания конфликтов учитывают не только индикаторы, характеризующие данную страну или регион, но и влияние событий в близлежащих областях [Lazicky, 2017]. Количественные методы используют сравнение значений некоторого набора индикаторов с их типичными значениями для известных конфликтов [Goldstone et al., 2010; Beissinger, 2022].

В настоящее время при создании классификаторов, разделяющих ситуации, в которых с высокой вероятностью предполагается возникновение конфликта, от тех, в которых конфликт не должен возникнуть, используются методы машинного обучения. Утверждается, что при таком подходе точность предсказаний произошедших конфликтов достигает 90%, но в то же время в 30–40% случаев предсказанный конфликт не возникает [Celiku, Kraay, 2017]. Однако при таком подходе не удается ответить на вопрос, почему некоторые конфликты, даже при наличии всех факторов риска, не происходят [Лапухова, 2009]. Отметим работу [Chenoweth, Ulfelder, 2017], в которой предпринята попытка выявления методами машинного обучения предикторов мирных протестных акций (носящих антиправительственный либо антиоккупационный характер или выдвигающих требования самоопределения); рассмотренные в ней модели дают точность предсказания не более 75%. Таким образом, машинное обучение требует наличия большого набора событий, аналогичных тому, которое пытаются прогнозировать, для создания обучающего множества. Если на создающуюся ситуацию оказывают существенное влияние какие-либо новые факторы, которые ранее не встречались или возникали крайне редко, то машинное обучение может дать неверные результаты. Например, такое уникальное событие, как Арабская весна, предсказать с помощью имеющихся методов было крайне трудно. Поэтому актуальна разработка новых методов предсказания конфликтов.

Отдельно следует отметить статью [Коротаев и др., 2019], в которой вероятность конфликта оценивалась с использованием предиктора, не являющегося причиной конфликта: показано, что уровень субъективного ощущения счастья в 2009–2010 гг. является статистически значимым предиктором уровня дестабилизации в арабских странах в 2011 г. В работе [Каменецкий, Басаева, 2019] также предпринималась попытка прогнозирования несвоевременной смены власти на основе предиктора, в качестве которого рассматривался рост напряженности элиты за пять предшествующих событию лет. Значения предиктора определялись с помощью динамической модели по статистическим данным. Но эта модель слишком сложна и содержит большое количество констант, требующих оценки, что не позволяет применить ее для масштабного мониторинга.

Ниже авторы предлагают достаточно простой метод предсказания конфликтных событий, основанный на росте значения количественного индикатора социально-политической напряженности, апробированный на событиях Арабской весны.

Причины протестов во время Арабской весны. «Арабской весной» называют волну протестных выступлений различной интенсивности, которые произошли в арабских странах в начале 2011 г. В это время в Тунисе, Египте и Йемене произошли революции, в Ливии и Сирии начались гражданские войны, а в Бахрейне – массовые беспорядки, подавленные с помощью войск Саудовской Аравии и ОАЭ. Массовые протестные акции

имели место также в Ираке, Иордании, Марокко, Омане и Алжире (где они начались еще в 2010 г.), а также, по некоторым источникам, в Кувейте. Менее значительные протесты имели место практически во всех остальных арабских странах. Арабская весна привела к значительному росту протестных движений во всем мире [Коротаев и др., 2021]. В связи с этим делались многочисленные попытки найти причины, которые привели к такому всплеску протестной активности в арабском мире именно в это время.

Чаще всего в качестве причин нестабильности в арабских странах отмечают безработицу среди молодежи и высокий уровень коррупции, который в странах с формально демократическими режимами правления был в значительной мере связан с несменяемостью власти. «Так, Бен Али правил в Тунисе 23 года, Мубарак в Египте – 30 лет, Салех в Йемене – 30 лет, Х. Асад и его сын Башар – соответственно 30 и 11 лет, Каддафи в Ливии – 42 года» [Кива, 2012: 125]. Уровень безработицы среди молодежи перед началом Арабской весны составлял в Египте 24,8%, в Алжире 21,5%, в Марокко 17,6%, а в Тунисе 29,4%. Однако по сравнению с другими странами эти цифры не столь высоки: так, в это же время в Испании безработица среди молодежи составляла 48%. В то же время следует иметь в виду, что средний возраст населения Северной Африки был равен приблизительно 25 годам, молодые люди составляли более чем 1/3 рабочей силы [Ansani, Daniele, 2012: 8], то есть количество безработных молодых людей было весьма значительным. В частности, в Египте более миллиона безработных и незанятых представляли молодые люди в возрасте 20–24 лет, причем более чем у 43% египетских безработных было высшее образование [Элдииб, 2017]. В арабских странах на рынке труда требовались рабочие низкой квалификации, заработная плата которых не соответствовала образовательному уровню многих молодых людей, что также было причиной для недовольства [Behr, 2012]. Что касается коррупции, то не во всех арабских странах она была столь значительна, как это представляли СМИ. Например, в Египте борьба с коррупцией велась довольно успешно, что привело к ее снижению примерно до уровня Индии, Греции и Китая, заметно более низкого, чем, например, в РФ [Коротаев, Зинькина, 2011b: 11]. Тем не менее требование борьбы с коррупцией в Египте являлось одним из лозунгов протестующих.

Еще одним фактором, который рассматривался в качестве причины протестной активности, был рост неравенства, усилившийся в результате мирового финансового кризиса 2008 г. [Abdelsalam, 2015: 123]. Кризис привел к «повышению цен на продовольственные и хозяйственные товары первой необходимости, а следовательно, и к общему значительному ухудшению уровня жизни населения» [Вестфрид, 2014: 61]. Так, в Египте поступления в госбюджет в последние несколько лет перед началом Арабской весны сократились на 20%, что привело к постепенной отмене субсидий на продукты питания. В результате 40% населения страны стали жить на 2 доллара в день, разрыв в доходах 10% самых бедных и самых богатых египтян достиг 1: 30–40 [Кива, 2012: 122]. В то же время [Коротаев, Зинькина, 2011a: 11] лишь в 23 государствах мира социальное неравенство было ниже, чем в Египте, и по данному показателю Египет был существенно более благополучен, чем такие страны, как США, Китай и Россия. В Иордании «акции протеста также были вызваны ухудшением экономического положения, прежде всего – резким ростом цен на бензин и продукты питания» [Крылов, 2013: 117]. Отметим также, что инфляция в арабских странах за два года до революционных событий составляла порядка 25–30% [Mushtaq, Afzal, 2017: 2]. В то же время есть мнение, что анализ экономической ситуации не позволяет считать мировой экономический кризис причиной протестов в арабском мире [Ansani, Daniele, 2012]. Более вероятной причиной явилось то, что ухудшение условий жизни весьма неравномерно распределялось между социальными группами [Salehi-Isfahani, 2010].

Существенное влияние на протестную активность в Ливии и Йемене оказала также борьба между различными племенами и кланами за власть. В Ливии началась гражданская война племен, одни из которых хотели восстановить свое влияние и сбросить с руководящих позиций другие [Кива, 2012: 123]. В Йемене революция тоже больше напоминала не борьбу народа с режимом, а борьбу племен и кланов за передел власти в стране [Сапронова, 2011].

В ряде арабских стран ситуация усугублялась и конфессиональным фактором. В Сирии «клан Асадов (алавиты – ветвь шиитского ислама), занимая ключевые позиции во власти и бизнесе, представляли ничтожное меньшинство – не более 13% населения (73% – сунниты)» [Кива, 2012: 124]. Еще более сложная ситуация наблюдалась в Йемене, где отношения между шиитскими (хауси) и суннитскими кланами крайне запутаны, к чему добавляются и исторические противоречия между двумя основными исламскими мазхабами (богословско-правовыми направлениями) – зейдитами и шафиитами. После объединения Южного и Северного Йемена в Йеменскую Арабскую Республику ключевые позиции в политике и экономике заняли зейдиты (с севера) во главе с А. Салехом, в то время как южнойеменская элита (в основном шафииты) оказалась сильно ущемлена из-за несправедливого распределения государственных финансов в пользу севера и монополизации президентской семьей основных сфер экономики.

В качестве причин недовольства в арабском мире отмечается также стремление городского среднего класса к большей демократизации и той жизни, которую они наблюдали в европейских странах во время поездок, по телевидению и в социальных сетях [Grigoryev, Salmina, 2012: 2].

Наконец, быстрое распространение протестов по всем арабским странам во многом объясняется процессами диффузии: протесты или беспорядки в одном регионе служили образцом для потенциальных участников протестов в других регионах [Myers, Oliver, 2008]. Для арабских стран диффузия протестов во многом облегчалась общей культурой и языком.

Из этого обзора видно, что выявить причины массовых протестов в арабских странах именно в 2011 г., на основе которых можно было бы предсказать возникновение конфликтов, достаточно трудно.

Метод прогнозирования конфликтов. По мнению авторов, наиболее перспективным выглядит подход, основанный не на анализе возможных причин событий, а на выявлении некоторых индикаторов – предикторов надвигающихся событий. Такой подход ранее уже применялся для ретроспективного предсказания несвоевременной смены власти в постсоветских странах [Каменецкий, Басаева, 2019], где в качестве индикатора возрастания напряженности использовался рост уровня убийств.

Динамика изменения количества убийств, как показано в работе [Юревич и др., 2009: 5], является наиболее сильным предиктором изменения состояния общества. Другим информативным индикатором, который исследовал еще Дюркгейм [1994], характеризующим состояние общества, является динамика самоубийств. По сути дела, динамика количества убийств и самоубийств указывает на рост/падение уровня социально-политической напряженности общества – «комплексный системный феномен, который интегрально характеризует социально-политические процессы с социально-психологической стороны, отражающий неудовлетворенность больших масс людей существующей системой социальных, экономических и политических отношений» [Внукова и др., 2014: 32–33]. Рост напряженности проявляется как повышение уровня агрессии, направленной вовне (убийства) или на самого человека (самоубийства). При этом значим не абсолютный уровень, а темпы роста, поскольку абсолютные значения количества убийств и самоубийств характеризуют не величину социально-политической напряженности общества, а особенности его культуры.

Таким образом, в качестве индикатора напряженности предлагается рассматривать сумму умышленных убийств и самоубийств. Такое суммирование ранее уже обосновывалось тем, что «издавна убийства и самоубийства рассматриваются как взаимосвязанные показатели социального благополучия/неблагополучия», поэтому «предлагается рассматривать сумму уровня убийств и самоубийств как интегральный индикатор уровня социальной патологии» [Гилинский, 2004: 186].

Итак, предположим, что рост напряженности в стране начинается за несколько лет до явного проявления конфликта и находит выражение в аномальном росте количества убийств и самоубийств, что может использоваться для предсказания и, возможно, предупреждения назревающего конфликта.

Таблица 1

Суммарное количество убийств и самоубийств в арабских странах накануне событий Арабской весны

Страны	2005	2006	2007	2008	2009	2010	События
Тунис	747	741	777	799	790	842	революция
Египет	2513	2538	2646	2937	2886	3866	революция
Йемен	2575	2586	2623	2765	2912	3098	революция
Ливия	349	345	349	347	355	381	гражданская война
Сирия	597	588	628	664	682	763	гражданская война
Бахрейн	61	57	73	84	94	89	массовые беспорядки
Алжир	1416	1554	1537	1605	1532	1477	массовые протесты
Иордания	250	282	299	316	309	330	массовые протесты
Марокко	2667	2639	2574	2401	2287	2162	массовые протесты
Оман	152	221	138	148	148	192	массовые протесты
Кувейт	101	110	130	117	137	166	массовые протесты
Катар	29	31	39	48	70	84	небольшие протесты
Саудовская Аравия	709	757	839	898	959	976	небольшие протесты
ОАЭ	145	173	196	234	272	289	небольшие протесты
Ливан	114	115	116	117	119	122	небольшие протесты

Статистические данные по количеству убийств и самоубийств взяты с сайта countryeconomy.com (раздел Socio-Demography)[1] и приведены в табл. 1 для всех арабских стран, кроме Ирака, Мавритании, Судана и Палестины. Эти страны исключены из анализа, так как в 2005–2011 гг. в них происходили чисто политические события, которые существенно влияли на напряженность: в Ираке шла гражданская война, в Мавритании произошли два военных переворота, а в Судане готовился референдум о разделе страны. По Палестине же не удалось найти необходимой статистики: данные о количестве убийств есть только за четыре года из рассматриваемых шести, а данные о самоубийствах отсутствуют.

Для уменьшения влияния случайных флуктуаций числа убийств и самоубийств данные табл. 1 аппроксимировались с помощью линейной регрессии. Практически во всех странах, за исключением Алжира и Омана, линейная регрессия хорошо описывает рост напряженности, о чем свидетельствуют высокие значения коэффициента детерминации (табл. 2). Типичная картина динамики изображена на рис. 1, иллюстрирующем рост социальной напряженности в двух арабских странах, где Арабская весна привела к национальной революции.

Относительное изменение напряженности в процентах за рассматриваемые 5 лет оценивалось по полученной аппроксимации, результаты расчетов приведены в табл. 2.

Из табл. 2 видно, что существенный рост напряженности (более 5%) наблюдался отнюдь не только в тех странах, где произошли революции и гражданские войны. Например, Катар, ОАЭ и Бахрейн демонстрируют феноменально высокий рост напряженности, но ни в одной из этих стран революции не произошло. Поэтому необходим поиск других факторов, существенно корректирующих роль показателей убийств и самоубийств как индикаторов социальной напряженности[2].

---

[1] Socio-Demography. URL: https://countryeconomy.com/ demography (дата обращения: 25.04.2022).

[2] На первом этапе исследования рассматривались только страны, в которых происходили революции (Тунис, Египет, Йемен), гражданские войны (Ливия, Сирия), массовые беспорядки (Бахрейн) и массовые протесты (Алжир, Иордания, Марокко, Оман). Оказалось, что практически во всех странах, в которых рост напряженности превышал 5%, произошли серьезные потрясения (революции, гражданские войны). Единственное исключение – Иордания, в которой около трети населения составляли палестинские беженцы, и можно предположить, что рост напряженности происходил в значительной степени именно в этой части населения.

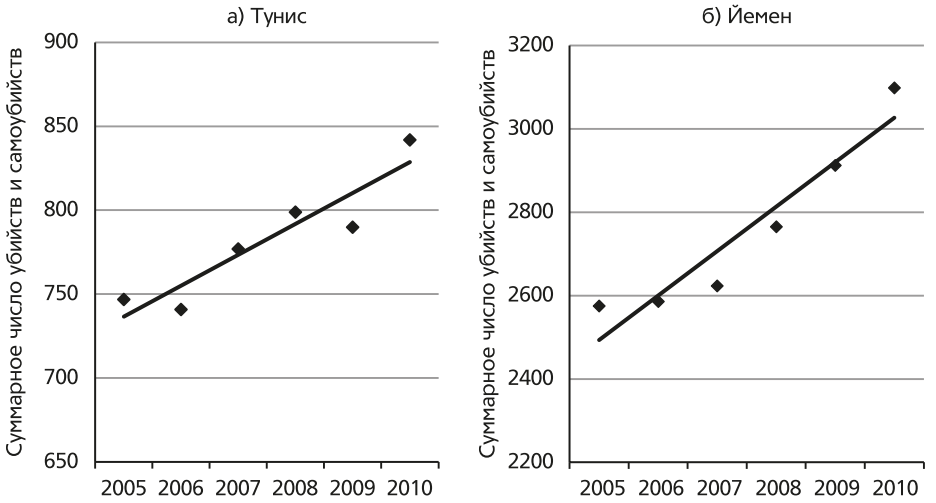

Рис. 1. Значения индикатора напряженности и его линейная аппроксимация на примерах Туниса и Йемена

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа роста убийств и самоубийств как индикаторов роста социальной напряженности

Страны	Коэффициенты регрессии		R^2	Рост напряженности за 5 лет, %
	a	b		
Тунис	736,7	18,4	0,86	13
Египет	2319,1	231,4	0,73	50
Йемен	2493,0	106,7	0,90	21
Ливия	341,0	5,4	0,56	8
Сирия	571,7	32,8	0,90	29
Бахрейн	57,6	7,5	0,85	65
Алжир	1498,0	8,8	0,06	3
Иордания	262,0	14,2	0,88	27
Марокко	2723,0	–107,3	0,96	–20
Оман	167,0	–0,3	0,00	–1
Кувейт	98,8	11,2	0,82	57
Катар	21,5	11,5	0,93	266
Саудовская Аравия	713,5	57,1	0,98	40
ОАЭ	142,8	30,1	0,99	106
Ливан	113,4	1,5	0,94	7

Известно, что высокая доля иммигрантов является одним из факторов роста напряженности (см., напр.: [Димаев, 2008]). Поэтому для проверки роли этого фактора были собраны данные о доле иммигрантов по отношению к постоянному населению[3];

[3] Источник данных – раздел International immigration сервера Countryeconomy.com. URL: https://countryeconomy.com/ demography (дата обращения: 25.04.2022).

Таблица 3

Арабские страны с высокой (более 15%) долей иммигрантов

Страна	Ливан	Саудовская Аравия	Оман	Иордания	Кувейт	Бахрейн	Катар	ОАЭ
Рост напряженности за 2005–2010 гг., %	6,7	40,0	–0,8	27,1	56,8	65,0	266,2	105,5
Среднее отношение числа иммигрантов к постоянному населению за 2005–2010 гг.,%	16	29	26	39	48	49	82	84
События 2011 г.	небольшие протесты		массовые протесты			массовые беспорядки	небольшие протесты	

Таблица 4

Арабские страны с низкой (менее 15%) долей иммигрантов

Страна	Тунис	Египет	Йемен	Сирия	Ливия	Марокко	Алжир
Рост напряженности за 2005–2010 гг., %	12,5	49,9	21,4	28,7	7,9	–19,7	2,9
Среднее отношение числа иммигрантов к постоянному населению за 2005–2010 гг.,%	0	0	1	6	11	0	0
События 2011 г.	революция			начало гражданской войны		массовые протесты	

в табл. 3 и 4 приведены для разных арабских стран средние значения этого показателя за 2005–2010 гг.

При анализе социально-экономической ситуации в странах, рост напряженности в которых не коррелирует с нестабильностью, обнаружено, что во всех этих странах велика доля иммигрантов по отношению к постоянному населению (табл. 3), в то время как в странах, где корреляция заметна, доля мигрантов низка (табл. 4). По-видимому, рост напряженности в этих странах определяется в основном напряженностью иммигрантов, которая может быть вызвана конфликтными событиями в соседних странах с близкой культурой. Иммигранты, как бы ни была высока в их среде социальная напряженность, принципиально не могут вызвать серьезных национальных политических потрясений, поскольку мигранты слабо интегрированы в принимающее сообщество.

Бахрейн оказался единственной страной, где при высокой напряженности (подскок убийств и самоубийств на 65%) и очень высокой доле иммигрантов (49%) произошли массовые беспорядки. Надо учитывать, что в Бахрейне протестовали не иммигранты, а шиитская часть постоянного населения страны, недовольная тем, что их представителей нет среди руководителей армии и полиции. Иммигранты в этой стране поддерживали правительство, есть даже данные о столкновениях между ними и протестующими шиитами.

Вычислим теперь корреляции между ростом напряженности за 2005–2011 гг. и силой протестов. Для этого проранжируем протесты следующим образом: 1 – небольшие протесты, 2 – массовые протесты и беспорядки, 3 – революции и гражданские войны. Расчет

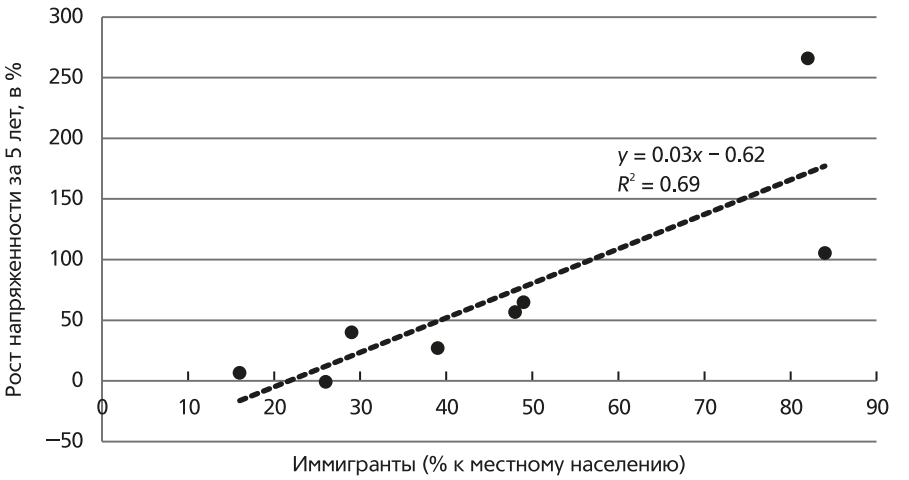

Рис. 2. Зависимость роста напряженности от доли иммигрантов

показал, что хотя в общем случае (для всех 15-ти арабских стран) рост напряженности не коррелирует с силой протеста, но для 7-ми стран с малой долей мигрантов (менее 15%) корреляция оказывается высокой (0,73 по Пирсону). Данные демонстрируют, что в странах с высокой долей иммигрантов (более 15%) их процент сильно коррелирует с ростом напряженности (рис. 2), но при этом даже значительный рост социальной напряженности не приводит к существенной политической нестабильности.

Выводы. Таким образом, рост напряженности больше, чем на 5% за пять лет, оцениваемый по сумме количества убийств и самоубийств, может являться предвестником нестабильности. Но в странах с высокой долей иммигрантов (более 15%) высокая напряженность, как правило, не приводит к серьезным конфликтам и нестабильности. Используя предлагаемую методику, для событий Арабской весны мы правильно прогнозируем конфликт в пяти случаях из шести (т.е. с вероятностью 83%, очень высокой) и ни в одном случае не прогнозируем несостоявшийся конфликт.

Для стран из других регионов мира точность прогнозов по этой методике, скорее всего, уменьшится, поскольку для качественно иных групп стран могут потребоваться дополнительные индикаторы. Кроме того, существенное влияние оказывает политическая культура общества: при росте социальной напряженности конфликтующие стороны в странах с менее «воинственными» традициями, чем в тех арабских странах, в которых произошли конфликты, могут договориться и разрешить конфликт несиловыми методами. В то же время следует подчеркнуть, что предлагаемый метод прогнозирования не требует анализа аналогичных событий в прошлом (так как не предполагает изучения причин событий) и может применяться для прогнозирования уникальных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вестфрид М.Б. Итоги «Арабской весны»: анализ причин и особенностей // Право и управление. XXI век. 2014. № 1 (30). С. 61–67.

Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014.

Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

Димаев А.Р. Иммигранты как фактор роста напряженности в принимающем обществе // Социология власти. 2008. № 3. С. 86–92.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; под ред. *В.А. Базарова*. М.: Мысль, 1994.

Каменецкий Е.С., Басаева Е.К. Об одном методе предсказания нерегулярной смены власти // Вопросы безопасности. 2019. № 6. С. 38–47.

Кива А.В. Арабская весна: причины и вероятные последствия // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 121–130.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. 2011b. № 6 (647). С. 10–16.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011a. Т. 4. № 2. С. 5–29.

Коротаев А.В., Мещерина К.В., Исаев Л.М., Гринин Л.Е. Катализаторы политических переворотов: от акций протеста к смене власти. М.: ЛЕНАНД, 2021.

Коротаев А.В., Шишкина А.Р., Балтач А.А. Относительная депривация как фактор социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 107–122.

Крылов А.В. Особенности демократических реформ в Иордании // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). С. 113–119.

Лапухова О.В. Системы раннего предупреждения этнополитических конфликтов // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20). С. 15–20.

Сапронова М.А. Прошлое, настоящее и будущее стран Арабской весны // Портал МГИМО. 2011. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/213770 /?sphrase_id=30558900 (дата обращения: 26.06.2022).

Элдииб А.М. Революционные события в Египте 2011–2012 гг. в контексте «Арабской весны»: общее и особенное. Дис. … к. ист. н. Н. Новгород, 2017.

Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 2 (4). С. 1–18.

Abdelsalam E. The Arab spring: Its origins, evolution and consequences … four years on // Intellectual Discourse. 2015. Vol. 23. No. 1. P. 119–139.

Ansani A., Daniele V. About a revolution. The economic motivations of the Arab Spring // International Journal of Development and Conflict. 2012. Vol. 2. No. 3. P. 1250013-1-1250013-24.

Behr T. Talking about the revolution: Narratives on the origin and future of the Arab spring. European Institute of the Mediterranean, 2012. IEMed Working Paper No. 9.

Beissinger M. The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2022.

Celiku B., Kraay A. Predicting Conflict (May 26, 2017). World Bank Policy Research Working Paper No. 8075. URL: https://ssrn.com/abstract=2985500 (дата обращения: 26.06.2022).

Chenoweth E., Ulfelder J. Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol. 61. No. 2. P. 298–324.

Goldstone J.A., Bates R.H., Epstein D.L. et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54. No. 1. P. 190–208.

Grigoryev L., Salmina A. The «Arab Spring»: Role of Elites and the Specifics of Society // XXII World Congress of Political Science (International Political Science Association, Montreal, 2012). Madrid. 2012.

Lazicky Ch. Improving Conflict Early Warning Systems for United Nations Peacekeeping // Written in fulfillment of the requirements for the degree of Master in Public Administration in International Development, John F. Kennedy School of Government, Harvard University, 2017.

Mushtaq A.Q., Afzal M. Arab Spring: Its Causes And Consequences // JPUHS. 2017. Vol. 30. No. 1. P. 1–10.

Myers D.J., Oliver P.E. The opposing forces diffusion model: the initiation and repression of collective violence // Dynamics of Asymmetric Conflict. 2008. Vol. 1. No. 2. P. 164–189.

Salehi-Isfahani D. Human Development in the Middle East and North Africa // Human Development Research Paper. 2010/26. 2010. P. 1–56.

Yucel E. A Review and Bibliography of Early Warning Models. MPRA Paper 32893, University Library of Munich, Germany. 2011. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/id/eprint/32893 (дата обращения: 24.06.2022).

Статья поступила: 25.07.22. Финальная версия: 04.09.22. Принята к публикации: 05.09.22.

FORECAST OF SOCIO-POLITICAL INSTABILITY (THE CASE OF THE ARAB SPRING)

BASAEVA E.K.[*], KAMENETSKY E.S.[**], KHOSAYEVA Z.Kh.[***]

[*]North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Russia; [**]Southern Mathematics Institute VSC of RAS, Russia; [***]Vladikavkaz Science Center RAS, Russia

Elena K. BASAEVA, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Head of the Department of Applied Mathematics and Computer Science, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (ek.basaeva@nosu.ru); *Evgeny S. KAMENETSKY, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Head researcher, Southern Mathematics Institute VSC of RAS* (esk@smath.ru); *Zarina Kh. KHOSAYEVA, Researcher, Vladikavkaz Science Center of RAS* (hzaiac83@mail.ru). *All – Vladikavkaz, Russia.*

Acknowledgements. This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-02-2022-890).

Abstract. The method for predicting conflict events based on the assumption of an increase in socio-political tension in the last years before the event is applied in the article. The sum of murders and suicides was taaken as an indicator of socio-political tension. A linear regression built on the values of the tension indicator over the past six years was used to reduce the impact of random fluctuations. It has been hypothesized that an increase in tension of more than 5% over five years could be a pre-cursor of serious conflicts. The method was tested in the Arab countries during the events of the Arab Spring. The study showed that the growing socio-political tension in the Arab countries in 2005–2010 was associated with the ratio of the immigrants' number to the permanent population. The share of immigrants less than 15% led to conflict, while that of over 15% reflected the tension of immigrants and, as a rule, did not lead to conflict. When using the suggested method for the Arab Spring events we are able to correctly predict the conflict in five out of six cases (probability of 83%) and a failed conflict was predicted in none of the cases. The accuracy of forecasts may be less for countries from other regions of the world while certain groups of countries may require additional indicators. It should be emphasized that the suggested method of forecasting might be used to predict unique conflicts.

Keywords: prediction of conflict, pre-cursor of conflict, socio-political tension, tension indicators, influence of immigrants on tensions, Arab spring.

REFERENCES

Abdelsalam E. (2015) The Arab spring: Its origins, evolution and consequences … four years on. *Intellectual Discourse*. Vol. 23. No. 1: 119–139.

Ansani A., Daniele V. (2012) About a revolution. The economic motivations of the Arab Spring. *International Journal of Development and Conflict*. Vol. 2. No. 3: 1250013-1–1250013-24.

Behr T. (2012) Talking about the revolution: Narratives on the origin and future of the Arab spring. European Institute of the Mediterranean. *IEMed Working Paper*. No. 9.

Beissinger M. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Celiku B., Kraay A. (2017) Predicting Conflict (May 26, 2017). *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 8075. URL: https://ssrn.com/abstract=2985500 (accessed 26.06.2022).

Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) *Can* Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. No. 2: 298–324.

Dimaev A.R. (2008) Immigrants as a factor of the growth of tension in the host society. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 3: 86–92. (In Russ.)

Durkheim E. (1994) *Suicide: A Sociological Etude* / Transl. from French with abbrev.; ed. by V.A. Bazarov. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Eldiib A.M. (2017) *Revolutionary events in Egypt 2011–2012 in the context of the "Arab Spring": General and Special.* Thesis … of Cand. of Hist. Sci. Nizhny Novgorod. (In Russ.)

Gilinsky Ya. (2004) *Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other «deviations»*. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press. (In Russ.)

Goldstone J.A., Bates R.H., Epstein D.L. et al. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*. Vol. 54. No. 1: 190–208.

Grigoryev L., Salmina A. (2012) The «Arab Spring»: Role of Elites and the Specifics of Society. In: *XXII World Congress of Political Science* (International Political Science Association, Montreal, 2012). Madrid.

Kamenetsky E.S., Basaeva E.K. (2019) On the one method of predicting an irregular change of power. *Voprosy Bezopasnosti* [Security Issues]. No. 6: 38–47. (In Russ.)

Kiva A.V. (2012) Arab Spring: causes and probable consequences. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 5: 121–130. (In Russ.)
Korotaev A.V., Meshcherina K.V., Isaev L.M., Grinin L.E. (2021) *Catalysts for Political Upheavals: from Protests to a Change of Power*. Moscow: LENAND. (In Russ.)
Korotaev A.V., Shishkina A.R., Baltach A.A. (2019) Relative Deprivation as a Factor of Socio-Political Destabilization: Towards the Quantitative Analysis of the Arab Spring. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 107–122. (In Russ.)
Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. (2011a) Egyptian Revolution of 2011: socio-demographic analysis. *Istoricheskya psihologia i sociologia istorii* [Historical Psychology & Sociology]. Vol. 4. No. 2: 5–29. (In Russ.)
Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. (2011b) Egyptian revolution 2011. Part 1. *Aziya I Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. No. 6: 10–16. (In Russ.)
Krilov A.V. (2013) Democratic reforms in Jordan. *MGIMO Review of International Relations*. No. 2 (29): 113–119. (In Russ.)
Lapukhova O.V. (2009) Ethnic conflict early warning systems. *Vestnik Voyennogo universiteta* [Bulletin of the Military University]. No. 4 (20): 15–20. (In Russ.)
Lazicky Ch. (2017) *Improving Conflict Early Warning Systems for United Nations Peacekeeping*. Written in fulfillment of the requirements for the degree of Master in Public Administration in International Development, John F. Kennedy School of Government, Harvard University.
Mushtaq A.Q., Afzal M. (2017) Arab Spring: Its Causes and Consequences. *JPUHS*. Vol. 30. No. 1: 1–10.
Myers D.J., Oliver P.E. (2008) The opposing forces diffusion model: the initiation and repression of collective violence. *Dynamics of Asymmetric Conflict*. Vol. 1. No. 2: 164–189.
Salehi-Isfahani D. (2010) Human Development in the Middle East and North Africa. *Human Development Research Paper.* 2010/26: 1–56.
Sapronova M.A. (2011) *Past, present and future of the countries of the Arab Spring*. Portal MGIMO [MGIMO Portal]. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/ 213770/?sphrase_id=30558900 (accessed 26.06.2022). (In Russ.)
Vestfrid M. (2014) The Arab Spring: the causes and key features. *Journal of Law and Administration*. No. 1(30): 61–67. (In Russ.)
Vnukova L.B., Chelpanova D.D., Pashenko I.V. (2014) *Socio-political tension in a multi-ethnic region*. Rostov-on-Don: YuNTs RAN. (In Russ.)
Yucel E. (2011) A Review and Bibliography of Early Warning Models. *MPRA Paper 32893*. University Library of Munich, Germany. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/id/eprint/32893 (accessed 24.06.2022).
Yurevich A.V., Ushakov D.V., Tsapenko I.P. (2009) Quantitative estimation of macropsychological condition of modern russian society. *Psikhologicheskiye issledovaniya* [Psychological Studies]. No. 2(4): 1–18. (In Russ.)

Received: 25.07.22. Final version: 04.09.22. Accepted: 05.09.22.

© 2022 г.

Т.А. ГУРКО

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ СЕМЕЙ

ГУРКО Татьяна Александровна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (tgurko@yandex.ru).

Аннотация. *На данных исследований, проведенных в 1994, 2010 и 2022 гг. на аналогичных выборках подростков Москвы, анализируется динамика социальных и психологических показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей по критерию проживания с родителями (нормативная, сводная, материнская), числу детей (малодетные, многодетные) и материально-жилищной обеспеченности. Развитие и благополучие подростков эмпирически верифицировано через блоки переменных, общих для всех этапов: образовательный ресурс, гражданские качества, занятия спортом и состояние здоровья, вредные привычки, опыт сексуальных отношений, психологическое благополучие. В анализируемый период существенно уменьшилось число связей структуры семей по выделенным критериям и показателей развития подростков. Данный эмпирический вывод свидетельствует о гибкости семейного института, способности адаптироваться к меняющимся социальным условиям. Подростки могут быть неблагополучны в ненормативных типах семей преимущественно из-за стигмы со стороны социального окружения, а не семейной структуры как таковой. Практически не различаются подростки в мало- и многодетных семьях. Материально-жилищный уровень семей, по оценке подростков, более значим с точки зрения их благополучия, нежели семейная структура на протяжении всего исследуемого периода.*

Ключевые слова*: подростки • показатели развития • психологическое благополучие • нормативные семьи • сводные • материнские • малодетные • многодетные • материально-жилищный показатель*

DOI: 10.31857/S013216250021397-9

Введение. В российских официальных документах практически не употребляется понятие «благополучие детей». Преимущественно речь идет о «благополучии семей с детьми», которое, в свою очередь, эмпирически определяется через занятость, доходы, расходы и потребление, т.е. показатели материального уровня домохозяйств[1]. Очевидно, что это не

[1] План основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июля 2018 г. № 1375-рот. URL: http://static.government.ru/media/files/sZ1Pt6qoNGaXsiXVpTXlSJc3svtwE2HE.pdf (дата обращения: 10.06.2022); План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р. URL: http://static.government.ru/media/files/3WkqE4GAwQXalGxpAipFLmqCYZ361Kj0.pdf (дата обращения: 10.06.2022); Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2020 г. М.: Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2021. URL: https://mintrud.gov.ru/docs/1887 (дата обращения: 10.06.2022); Семья и дети в России. 2021: Стат. сб./ Росстат, Общественная палата Российской Федерации, 2021.

понятия синонимы. Показатели благополучия детей представлены в докладах ЮНИСЕФ[2], в международном проекте изучения здоровья школьников[3]. Ученые по-разному верифицируют объективные и субъективные показатели благополучия детей. Обзор результатов исследований о связях структуры семей и благополучия детей позволил систематизировать ряд таких показателей [Гурко, 2021: 46]. В России результаты выборочных исследований разных лет получены с использованием разных методов и не вполне сопоставимы [Аристова, 1986; Демидов, 1987; Гурко, 1996; Гурко, Орлова, 2011; Лето и др., 2019].

Зависит ли субъективное благополучие детей от материальных условий? Такие связи анализируются, например, на данных международного исследования школьников «Детские миры (Children's Worlds)»[4]. Показана большая значимость для субъективного благополучия детей социальной изоляции (в школе, среди соседей и друзей) в сравнении с оценкой детьми своих материальных ресурсов (наличие своей комнаты, хорошей одежды, гаджетов и т.д.) [Gross-Manos, 2017: 10], субъективное благополучие детей в большей мере связано с оценкой ими своих материальных ресурсов в сравнении с ВВП и коэффициентом Джини (социальное расслоение) в разных странах [Main et al., 2019]. Более тщательный методический подход выявил, что дифференцирующим фактором между странами является многомерный показатель материального благополучия детей, а не отдельные его составляющие [Gross-Manos, Bradshaw, 2022: 29]. В России опрос проведен в Тюменской области, опубликованы результаты только в виде линейных распределений[5].

Выборка, методы и процедура опроса. Повторное исследование (третий срез) девятиклассников в 2022 г. проведено в Москве[6]. Основой явилась анкета исследований первого и второго этапов, проводившихся под руководством автора в 1994–1995 гг. и в 2010–2011 гг. в четырех городах ЦФО: Москва, Брянск, Владимир и Тамбов.

В 2022 г. не удалось получить официального разрешения опросить подростков в школах так, как это было в 1994–1995 гг. и 2010–2011 гг. Респондентов искали среди знакомых подростков, родителей и учителей методом снежного кома. Анкеты отправлялись на электронные адреса подростков, затем переведены в гугл формы.

Исходная выборка составила 570 анкет, затем исключались анкеты с максимальным баллом по шкале лжи и превышающие пропорцию выборки 2010 г. по полу, типу школы и образованию матерей. Обрабатывалось 500 анкет – 228 юношей и 272 девушек.

Развитие и благополучие подростков эмпирически верифицировано через блоки переменных, общих для всех этапов: образовательный ресурс (успеваемость, посещение факультативов, планирование поступления в вуз, компьютерные навыки); гражданские качества (альтруизм и социальная активность); занятия спортом и состояние здоровья; вредные привычки, одобрение секса среди сверстников, наличие сексуальных связей; психологическое благополучие (локус контроля, самооценка, нейротизм, ощущение дискомфорта дома). Показатели локус контроля, самооценки, нейротизма строились исходя из суммы баллов по выборке. Показатель альтруизма определялся на основании ответов по пяти переменным о готовности помочь слабым (инвалиду, младшему по возрасту, пожилому и т.д.). Выделено три типа подростков: активные альтруисты, сочувствующие и безразличные. На основании переменной о жилищных условиях подростков (больше двоих в комнате, двое, своя комната) и оценки подростками материального уровня своих

---

[2] Последний пример: The State of the World's Children 2021. URL: https://data.unicef.org/resources/sowc-2021-dashboard-and-tables/ (дата обращения: 17.06.2022).

[3] Health Behaviour in School-aged Children (HBSC). URL: http://www.hbsc.org/about/index.html (дата обращения: 17.06.2022).

[4] Children's Worlds Survey. URL: https://isciweb.org/ (дата обращения: 18.06.2022).

[5] National reports. URL: https://isciweb.org/wp-content/uploads/2020/07/Russia-National-Report-Wave-3.pdf (дата обращения: 18.06.2022).

[6] В проведении исследования в 2022 г. участвовал студент ГАУГН Е.А. Лебедев.

семей[7] строился обобщенный материально-жилищный показатель для отнесения подростков к типу малообеспеченных, средне- и обеспеченных.

Результаты и обсуждение. Научной проблемой является знание об эволюции и трансформации института брака, дальнейшее распространение ненормативных типов семей с несовершеннолетними детьми, многодетных семей, дифференциация семей по материальному уровню и недостаток знаний о влиянии этого процесса на благополучие детей. Согласно полученным данным, в последние двадцать шесть лет структура семей подростков в Москве по критерию проживания с родителями кардинально не изменилась. Этот процесс достаточно медленный даже для такого периода. Уменьшилась доля подростков, проживающих в нормативных семьях[8] (56%), практически столько же, как и десятилетия назад, живут с одним родителем[9], в этой структуре несколько больше подростков проживают с отцами, а также больше подростков стало жить в сводных семьях[10] (см. рис. 1).

Связаны ли анализируемые показатели развития и благополучия подростков с типом семейной структуры по данному критерию?[11] Какова динамика таких связей?

Уже в 1980-е гг. выявлено, что стереотип о негативном влиянии проживания подростков в материнских семьях в отличие от нормативных не подтверждается эмпирически [Аристова, 1986; Демидов, 1987]. Анализ данных по московской подвыборке (1994)

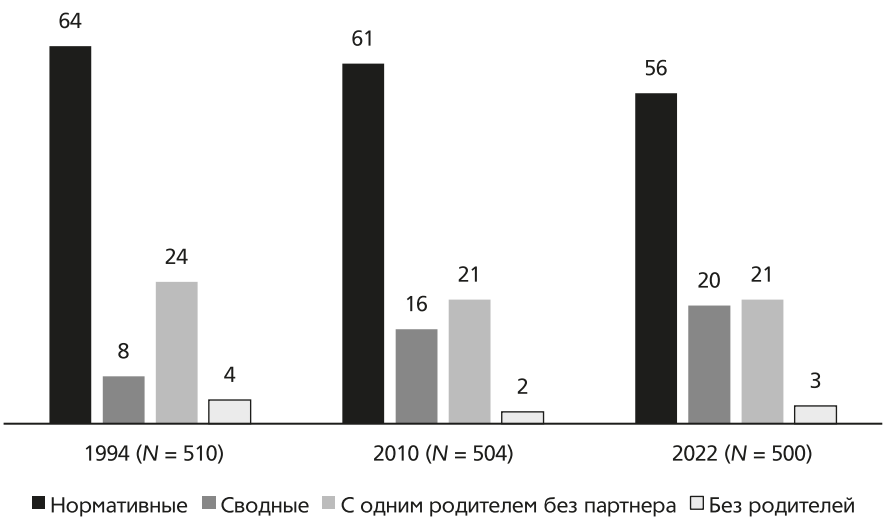

Рис. 1. Динамика доли подростков, проживающих в различных семейных структурах, *в %*

[7] Одна группа: «Нам не хватает денег даже на еду», «Денег нам хватает только на питание…», «На питание и одежду нам хватает, но покупка таких вещей, как телевизор или холодильник, для нас проблема», вторая: «Мы хорошо питаемся, на одежду денег хватает, можем купить что-то из вещего длительного пользования, но мы не сможем за свой счёт улучшить жилищные условия» и третья: «У нас почти нет материальных проблем, можем позволить себе дорогой отдых, покупку другого жилья и т.д.». Очевидно, что оценки подростков часто завышены. Например, они высоко оценивали материальный уровень семьи, но выяснялось, что живут они в достаточно стесненных условиях. В таких случаях их определяли в группу среднеобеспеченных.

[8] В этот тип включены и семьи, в которых биологические родители подростка являются сожителями, не оформившими юридический брак, разделенные семьи, в которых один из родителей временно проживает в другой стране (обычно СНГ).

[9] Родитель подростка проживает без партнера.

[10] В этот тип включены семьи, в которых подростки проживают как с отчимами, так и с мачехами, включая сожителей.

[11] Фактор проживания подростков в нуклеарных/расширенных семьях оказался не значимым.

свидетельствует, что подростки из материнских семей практически не отличались от подростков в других типах, за исключением юношей, больше которых имели внешний локус контроля (V = 0,21; 47%) и курили (V = 0,18; 33%). В сводных семьях больше девушек в сравнении с девушками из других типов ощущали дискомфорт дома (V = 0,27; 32%), имели внешний локус контроля (V = 0,22; 38%), реже учились на отлично (V = 0,21; 6%) и меньше были ориентированы на поступление в вуз (V = 0,21; 52%). Больше юношей из сводных семей употребляли спиртные напитки (V = 0,22; 19%).

В 2010 г. в материнских семьях было лишь статистически значимо больше девушек (V = 0,18; 43%), которые оценивали свое здоровье как «плохое и очень плохое». В сводных семьях было больше девушек (V = 0,16; 26%), которые ни дома, ни в школе не чувствовали себя комфортно, имели сексуальные отношения (V = 0,18; 32%), больше юношей курили (V = 0,19; 61%) и имели внешний локус контроля (V = 0,16; 36%).

В анализ в 2022 г., как и прежде, не включались малочисленные отцовские и опекунские семьи. Данные (табл. 1) свидетельствуют, что в нормативных семьях в сравнении с другими структурами больше девушек планируют поступать в вуз, являются активными альтруистками, в то же время больше их не занимаются спортом, имеют высокий уровень нейротизма и не чувствуют себя комфортно «ни дома, ни в школе». В таких семьях в сравнении с другими структурами больше юношей занимаются спортом регулярно, в то же время больше их употребляют наркотики, имеют опыт сексуальных отношений и внешний локус контроля.

В материнских семьях в сравнении с другими структурами больше девушек учатся на отлично, не курили никогда, но в то же время чаще оценивают здоровье как не очень хорошее. Больше юношей в материнских семьях не курили никогда, больше являются активными альтруистами, но и чаще оценивают здоровье как не очень хорошее и не чувствуют себя комфортно ни дома, ни в школе.

Согласно данным по Москве, уже в 1994 г. и затем в 2010 г. подростки из материнских семей отличались в худшую сторону от подростков, проживающих в других структурах, лишь по нескольким из 18 анализируемых индикаторов. Отношение общества стало более лояльным не только к разведенным женщинам и внебрачным матерям, но и к их детям. Изменился не только социальный статус матерей, но и культура отношений после развода. В 2022 г. значительно больше московских подростков в сравнении с 1994 г. встречались с живущими отдельно отцами: 67% юношей из материнских семей и 40% из сводных общаются с отцами часто, не реже 1–2 раз в месяц, 31% из материнских семей и 40% из сводных общаются раз в год или только дистанционно (телефон, Интернет), остальные не общаются с биологическими отцами, которые живы. А 49% девушек из материнских семей и 9% из сводных общаются с отцами часто, не реже 1–2 раз в месяц, 42% из материнских семей и 63% из сводных общаются раз в год или только дистанционно (телефон, Интернет), остальные не общаются.

В сводных семьях, в отличие от предыдущих срезов, индикаторы благополучия девушек статистически значимо не отличаются от девушек, проживающих в других структурах. Больше юношей пьют пиво, являются членами неформальных групп (фрики, металлисты, эмо, альты, дотеры, мото-братство и др.) и считают сексуальные отношения в их возрасте нормой.

Согласно данным международного исследования в 36 странах, включая Россию [Bjarnason et al., 2012], дети, живущие в семьях, отличных от нормативной структуры, менее удовлетворены жизнью. Такой вывод не подтвердился в нашем исследовании подростков (2022). Как видно на рис. 2, велики различия среди юношей (V = 0,29) по уровню удовлетворенности жизнью в различных семейных структурах. Больше юношей удовлетворены жизнью в семьях с одним родителем. Среди девушек различия менее значительны (V = 0,15). Полученные результаты свидетельствуют о том, что тип семьи по данному критерию в настоящее время значимо не связан с благополучием подростков.

Таблица 1

Связи структуры семьи (нормативные, сводные, материнские) с переменными развития и благополучия подростков (Москва, 2022)

Показатели	Юноши ($N = 208$)	Девушки ($N = 265$)
Образовательный потенциал		
Успеваемость	–	V = 0,19*; 67% в материнских семьях учатся на отлично
Намерение поступить в вуз	–**	V = 0,18; 81% в нормативных семьях планируют
Посещение факультативов	V = 0,43; 80% в материнских семьях посещают	–
Владение компьютером	–	–
Здоровье, спорт		
Занятия спортом	V = 0,35; 77% в нормативных семьях занимаются регулярно	V = 0,25; 29% в нормативных семьях не занимаются совсем
Самооценка здоровья	V = 0,57; 50% в материнских семьях «не очень хорошее»	V = 0,29; 56% в материнских семьях «не очень хорошее»
Вредные привычки, секс		
Употребление пива	V = 0,20; 71% в сводных семьях пьют пиво	–
Курение	V = 0,28; 70% в материнских семьях никогда	V = 0,19; 78% в материнских семьях никогда
Употребление наркотиков	V = 0,22; 11% в нормативных семьях употребляли	–
Отношение к сексу среди сверстников	V = 0,48; 100% в сводных семьях одобряют	–
Опыт сексуальных отношений	V = 0,30; 19% из нормативных семей имели такой опыт	–
Гражданские качества		
Альтруизм	V = 0,21; 70% из материнских семей активные альтруисты	V = 0,22; 58% из нормативных семей активные альтруисты
Являются членами неформальных групп	V = 0,23; 29% из сводных семей	–
Являются членами формальных движений	–	–
Психологическое самочувствие		
Локус контроля	V = 0,33; 40% из нормативных семей имеют внешний локус контроля	–
Самооценка	–	–
Нейротизм	–	V = 0,20; 61% из нормативных семей имеют высокий уровень нейротизма
Комфортность дома/в школе	V = 0,26; 30% из материнских семей не чувствуют себя комфортно «ни дома, ни в школе»	V = 0,23; 19% из нормативных семей не чувствуют себя комфортно «ни дома, ни в школе»

Примечания. *Приводится коэффициент Крамера 0,18 и выше, значимый на уровне p <=0,05.
** Отсутствие статистически значимой связи.

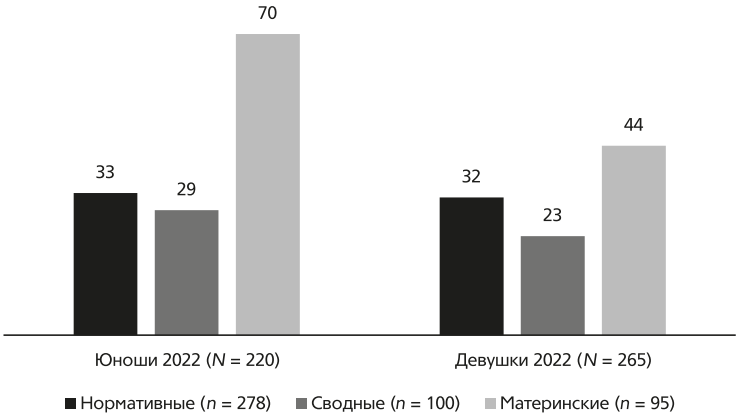

Рис. 2. Удовлетворенность жизнью юношей и девушек (очень удовлетворены – баллы 9–10) в семейных структурах, *в %*

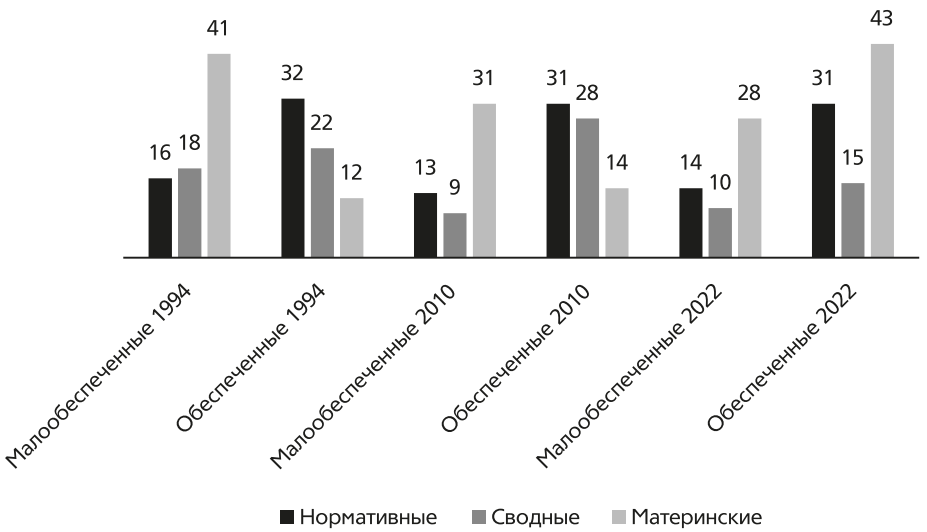

Рис. 3. Материально-жилищный показатель подростков в семейных структурах, *1994 г. (N = 498), 2010 г. (N = 488), 2022 г. (N = 473), в %*

Отличаются ли подростки из малодетных и многодетных семей? Анализ данных по московской подвыборке 1994 г. свидетельствует, что девушки из многодетных семей хуже учились (V = 0,21; 9% на отлично), реже были ориентированы на поступление в вуз (V = 0,22; 37%), чаще курили (V = 0,24; 28%) и выпивали (V = 0,21; 22%). Больше юношей в многодетных семьях имели внешний локус контроля (V = 0,27; 63%), высокий уровень нейротизма (V = 0,23; 48%) и низкую самооценку (V = 0,22; 53%) в сравнении с юношами из малодетных семей.

Таблица 2

Зависимости материально-жилищного показателя (малообеспеченные, среднеобеспеченные, обеспеченные) от показателей развития и благополучия подростков *(Москва, 2022)*

Показатели	Юноши	Девушки
Образовательный потенциал		
Успеваемость	V = 0,34*; 36% из среднеобеспеченных на пятерки	V = 0,28; 46% из среднеобеспеченных на пятерки
Намерение поступить в вуз	_**	–
Посещение факультативов	–	V = 0,17; 55% из обеспеченных посещают
Владение комп. навыками	–	–
Здоровье, спорт		
Занятия спортом	V = 0,18; 66% из обеспеченных регулярно	V = 0,23; 40% из обеспеченных регулярно
Самооценка здоровья	V = 0,29; 23% из среднеобеспеченных не очень хорошее	–
Вредные привычки, секс		
Употребление пива	–	–
Курение	–	–
Употребление наркотиков	V = 0,27; 14% из обеспеченных	
Отношение к сексуальным отношениям среди сверстников	V = 0,33; 86% из малообеспеченных одобряют	–
Наличие сексуальных отношений	V=0,27; 22% из среднеобеспеченных	–
Гражданские качества		
Альтруизм	–	V = 0,22; 56% сочувствующих из малообеспеченных и 57% активных альтруисток из обеспеченных
Являются членами неформальных групп	V=0,37; 35% из малообеспеченных	–
Являются членами формальных движений	V = 0,28; 27% из малообеспеченных (Российское движение школьников, коммунарское движение, сообщества добровольцев и др.)	–
Психологическое самочувствие		
Локус контроля	V = 0,26; 38% с внутренним локусом контроля из обеспеченных	V = 0,16; 39% с внутренним локусом контроля из обеспеченных
Самооценка	V = 0,24; 66% с низкой самооценкой из малообеспеченных	–
Нейротизм	V = 0,23; 61% с низким уровнем нейротизма из обеспеченных	V = 0,13; 65% с высоким уровнем из малообеспеченных
Комфортность дома/в школе	–	V = 0,27; 24% из малообеспеченных не чувствуют себя комфортно ни дома, ни в школе
Удовлетворенность жизнью	V = 0,35; 80% максимально удовлетворенных из обеспеченных	V = 0,15; 43% максимально удовлетворенных из среднеобеспеченных

Примечание. *Приводится коэффициент Крамера 0,13 и выше, значимый на уровне p <=0,05.
** Отсутствие статистически значимой связи.

В 2010 г. показатели подростков из малодетных и многодетных семей практически не отличались, лишь девушки из многодетных семей (более чем в четыре раза) чувствовали себя комфортно только в школе (V = 0,18; 13%). В 2022 г. почти в два раза больше девушек из многодетных семей имеют внешний локус контроля (V = 0,24; 44%) и не занимаются спортом (V = 0,55; 67%). В то же время почти в два раза больше юношей из многодетных семей занимаются спортом регулярно и имели сексуальный опыт. В выборке среди девушек из многодетных семей около четверти киргизок, но для определения специфики факторов благополучия подростков по этническому признаку нужна большая выборка.

Изменился материально-жилищный уровень семей подростков в разных структурах. В 1994 и 2010 гг. было больше подростков в обеспеченных нормативных и сводных семьях, в 2022 г. больше подростков в обеспеченных материнских семьях, так же, как и в малообеспеченных (см. рис. 3). Можно предположить, что в последние годы социальный статус и материальное благополучие матерей подростков, проживающих без партнера, повысились.

Как и в предыдущие годы, установлены связи материально-жилищного уровня семей подростков и показателей их развития и благополучия (табл. 2).

Таким образом, материально-жилищный фактор имеет более важное значение, нежели структура семей, больше связей с показателями развития и благополучия подростков, сила связей (V) выше.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют о диверсификации и гибкости семейного института, способности адаптации к меняющимся социальным условиям. Связи структуры семьи и показателей развития и благополучия подростков в 2022 г. отличаются от 1994 и 2010 гг. В 2022 г. в одних структурах подростки (не)благополучны по одним индикаторам, но не совсем благополучны по другим, и наоборот, т.е. выявлены как плюсы, так и минусы проживания подростков в разных структурах. Минусы проживания в материнской семье связаны преимущественно с оценкой здоровья. Не подтвердился эмпирический вывод 1994 и 2010 гг. о негативном влиянии сводных семей на благополучие девушек-подростков, возможно, потому что такая семейная структура стала уже распространенной.

Можно сделать вывод, что чем в большей мере распространен ненормативный тип семейной структуры, тем в меньшей мере проживание детей в такой структуре сказывается на их благополучии. Определяющим является отношение общества и ближайшего социального окружения к ненормативному типу семьи, степень распространенности стигм детей из ненормативных семей (внебрачных, сводных и т.д.).

Подтвердилась также ранее сформулированная гипотеза о распространении благополучной многодетности в России в сравнении с советским периодом. По крайней мере, подростки в многодетных семьях в 2022 г. мало отличаются по анализируемым показателям от подростков в малодетных семьях в сравнении с 1994 г.

Вывод 2010 г. о большей значимости материально-жилищного фактора подтвердился и в исследовании московских подростков 2022 г. Большинство связей прямые, т.е. в обеспеченных семьях больше благополучных подростков по большинству индикаторов, и наоборот, в малообеспеченных их меньше.

Для уточнения полученных результатов в небольшом исследовании необходимо совершенствование статистической информации (Росстат, ведомственная статистика), т.е. учет разнообразия семейных структур, в которых проживают дети, нужны исследования на репрезентативных выборках. Имеет смысл разработать унифицированные критерии и показатели благополучия детей различного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристова Н.Г. Влияние структуры семьи на успешность выполнения воспитательных функций // Семья как объект социальной политики / Отв. ред. *М.Г. Панкратова.* М.: ИСИ АН СССР, 1986.

Гурко Т.А. Благополучие детей в различных семейных структурах: обзор результатов зарубежных исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2021. № 1 (61). С. 45–53. DOI: 10.52452/18115942_2021_1_45.

Гурко Т.А. Особенности развития личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 81–90.

Гурко Т.А., Орлова Н.А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99–107.

Демидов А.М. Особенности жизнедеятельности неполных семей // Семья и социальная структура / Отв. ред. *М.С. Мацковский*. М.: ИСИ АН СССР, 1987.

Лето И.В., Варшал А.В., Петренко Е.Н., Слободская Е.Р. Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста: значение семейных факторов. Психологический журнал. Т. 40. № 6. 2019. С. 18–30. DOI: 10.31857/S020595920007311-8.

Bjarnason T., Bendtsen P., Arnarsson A.M. et al. Life Satisfaction among Children in Different Family Structures: a Comparative Study of 36 Western Societies // Children & Society. 2012. Vol. 26 (1). P. 51–62.

Gross-Manos D. Material Well-being and Social Exclusion Association with Children's subjective Well-being: Cross-national analysis of 14 countries. Children and Youth Services Review. 2017. Vol. 80. P. 116–128. DOI: 10.1016/j.childyouth.2017.06.048.

Gross-Manos D., Bradshaw J. The Association Between the Material Well-Being and the Subjective Well-Being of Children in 35 Countries. Child Indicators Research. 2022. Vol. 15. P. 1–33. DOI: 10.1007/s12187-021-09860-x.

Main G., Montserrat C., Andresen S. et al. Inequality, Material Well-being, and Subjective Well-being: Exploring Associations for Children Across 15 Diverse Countries. Children and Youth Services Review. 2019. Vol. 97. P. 3–13. DOI: 10.1016/j.childyouth.2017.06.033.

Статья поступила: 27.07.22. Принята к публикации: 01.09.22.

DYNAMICS OF INDICATORS OF DEVELOPMENT AND WELL-BEING OF ADOLESCENTS IN VARIOUS TYPES OF FAMILIES

GURKO T.A.

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russia

Tatiana A. GURKO, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (tgurko@yandex.ru).

Abstract. Based on the data of studies conducted in 1994, 2010 and 2022 on similar samples of adolescents in Moscow, the dynamics of social and psychological indicators of the development and well-being of adolescents in various types of families is analyzed. The first criterion is living with parents (normative, consolidated, maternal), the second is the number of children (small, large) and the third is material and housing security. The development and well-being of adolescents is verified through blocks of variables common to all stages: educational resource; civic qualities; sports and health status; bad habits, sexual experience; psychological well-being (locus of control, self-esteem, neuroticism, feeling of discomfort at home) and life satisfaction. The relationship between the structure of families and indicators of development and well-being of adolescents in 2022 differs from 1994 and 2010. In 2022, teenagers in some structures are not/well off according to some indicators, but not quite well off according to others, and vice versa. The disadvantages of living in the maternal are mainly related to the assessment of health. The empirical conclusion of 1995 and 2010 was not confirmed about the negative impact of stepfamilies on the well-being of girls. The more widespread the non-normative type of family is, the less the living of children in such a structure affects their well-being. The determining factor is the attitude of society and the immediate social environment, the degree of prevalence of stigmas of children from non-normative families. Moscow teenagers in large families in 2022 differ little in the analyzed indicators from teenagers in small families in comparison with 1995, which once again indicates the spread of prosperous large families.The material factor is more important than the structure of families, there are more links with the indicators of development and well-being of adolescents, the strength of the links (V) is higher. To clarify the results obtained, it is necessary to improve statistical information (Rosstat, departmental statistics), i.e. taking into account the diversity of family structures in which children live.

Keywords: adolescents, development indicators, psychological well-being, normative families, stepfamilies, maternal, small families, large families, material and housing indicator.

REFERENCES

Aristova N.G. (1986) The Influence of the Family Structure on the Success of Educational Functions. In: *Family as an object of social policy*. Ed. M.G. Pankratova. Moscow: ISI AN SSSR. (In Russ.)

Bjarnason T., Bendtsen P., Arnarsson A.M. et al. (2012) Life Satisfaction among Children in Different Family Structures: a Comparative Study of 36 Western Societies. *Children & Society*. Vol. 26 (1): 51–62.

Demidov A.M. (1987) Features of the Life of Incomplete Families. In: *Family and Social Structure*. Ed. M.S. Matskovsky. Moscow: ISI AN SSSR. (In Russ.)

Gross-Manos D. (2017) Material Well-being and Social Exclusion Association with Children's subjective Well-being: Cross-national analysis of 14 countries. *Children and Youth Services Review*. Vol. 80: 116–128. DOI: 10.1016/j.childyouth.2017.06.048.

Gross-Manos D., Bradshaw J. (2022) The Association Between the Material Well-Being and the Subjective Well-Being of Children in 35 Countries. *Child Indicators Research*. Vol. 15: 1–33. DOI: 10.1007/s12187-021-09860-x.

Gurko T.A. (1996) Features of Personality Development of Adolescents in Different Types of Families. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 3: 81–90. (In Russ.)

Gurko T.A. (2021) Children's Well-being in Various Family Structures: a Review of Foreign Research Results. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nyye nauki* [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences]. No. 1 (61): 45–53. DOI: 10.52452/18115942_2021_1_45.

Gurko T.A., Orlova N.A. (2011) Development of Teenager's Personality in Different Family Structures. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 10: 99–107. (In Russ.)

Leto I.V., Varshal A.V., Petrenko E.N., Slobodskaya E.R. (2019) Subjective Well-being in Russian Primary Schoolchildren: The Effect of Family Factors. *Psikhologicheskii Zhurnal* [Psychological journal]. No. 40 (6): 18–30. DOI: 10.31857/S020595920007311-8. (In Russ.)

Main G., Montserrat C., Andresen S. et al. (2019) Inequality, Material Well-being, and Subjective Well-being: Exploring Associations for Children Across 15 Diverse Countries. *Children and Youth Services Review.* Vol. 97: 3–13. DOI: 10.1016/j.childyouth.2017.06.033.

Received: 27.07.22. Accepted: 01.09.22.

© 2022 г.

О.Н. БЕЗРУКОВА, В.А. САМОЙЛОВА, Н.Р. МАЛЬКОВ

ОТЦОВСТВО ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЫХ МУЖЧИН В УСЛОВИЯХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, и.о. заведующей кафедры социологии молодежи и молодежной политики (o.bezrukova@spbu.ru); *САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы* (v.samojlova@spbu.ru). *Обе – Санкт-Петербургский государственный университет; МАЛЬКОВ Николай Романович – кандидат психологических наук, сотрудник Федерального ресурсного центра по формированию доступной среды* (frs_ds@mail.ru). *Все – Санкт-Петербург, Россия.*

Аннотация. *В статье рассматривается отношение к отцовской роли, воспитательные практики, препятствия в реализации отцовства у молодых мужчин, находящихся в исправительных колониях УФСИН. Анализируются материалы 15 глубинных интервью и опроса 144 отцов, имеющих семью и несовершеннолетних детей. Выделены три группы отцов – оказавшихся без поддержки супруги, сомневающихся в поддержке, имеющих поддержку. Раскрывается специфика смыслов отцовства и отношения к детям, социального самочувствия и личностных ресурсов отцов разных групп. Сделан вывод о том, что реализация потенциала отцовства у осужденных мужчин и возможности его развития в значительной степени взаимосвязаны с качеством супружеских отношений, семейной поддержки, личностной зрелости мужчины.*

Ключевые слова: *отцовство • дети • материнство • осужденные • родительские установки • социальная поддержка*

DOI: 10.31857/S013216250021517-1

Введение. Несмотря на снижение преступности, по данным ФСИН в учреждениях уголовно-исполнительной системы на 1 июня 2022 г. содержалось 466 957 человек[1]. Две трети от общего числа заключенных – молодые мужчины в возрасте от 18 до 35 лет (26–30 лет – 22,7%, 31–35 лет – 21,5%, 20–25 лет – 18%). Среди осужденных мужчин 19,8% имеют семьи, 5,1% состоят в незарегистрированном браке. Семья распалась в процессе отбывания наказания у 37,1% осужденных. Отцом одного ребенка являлись 31,2%, двух – 21,4%, трёх и более – 1,1% [Спасенников, Смирнов, 2015: 121].

В отечественной научной литературе публикации, рассматривающие проблемы осужденных отцов, практически не представлены. В работах, посвященных родительству в ситуациях лишения свободы, внимание сосредоточено на матерях, их правах и возможностях участвовать в воспитании детей, способах этого участия (свидания, общение по телефону, краткосрочные отпуска и др.) [Борченко, Исаева, 2012]. Авторы отмечают, что некоторые из возможностей для общения с детьми, согласно уголовному кодексу, предоставляются только матерям [Ильина, 2007], что противоречит принципу равенства, закрепленному в Семейном кодексе РФ, обращают внимание на необходимость расширения возможностей видеться и общаться отцам с детьми не только в рамках свиданий с жёнами, а и во время отдельных свиданий [Комиссарова, Янова, 2020]. Более широкая постановка проблемы ресоциализационного потенциала семьи осужденного представлена в работе А.Г. Финаевой, однако отцовство как специальный предмет исследования не анализируется [Финаева, 2012].

Исследование проведено при поддержке МОО «Врачи детям» и гранта РФФИ 19-011-00543.

[1] URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 15.03.2022).

Среди основных обсуждаемых вопросов в зарубежной литературе – трудности, которые испытывают отбывающие наказание отцы. Изоляция от общества оказывает глубокое влияние на убеждения и поведение отцов, подрывает их психологическое благополучие, уверенность в себе, что создает препятствия для исполнения родительской роли [Secret, 2012]. Отношения с детьми страдают из-за ограничений контактов вследствие стигматизирующего отношения со стороны родственников, отсутствия семейной поддержки [Arditti et al., 2005: 270]. Наиболее важная роль в налаживании отношений отца-правонарушителя с детьми принадлежит матери, она выступает основным посредником в коммуникациях между родственниками, представителями службы пробации, полиции, общественных организаций [Walker, 2010].

В связи с этим в программах профессиональной поддержки молодых отцов уделяется внимание развитию дружеских и конструктивных отношений с матерью ребенка, а также межличностным отношениям, жизненным навыкам, личностному развитию, заботе о себе как неотъемлемой части хорошего родителя. Участникам оказывается помощь в понимании своих целей и перспектив, осознании, что быть хорошим родителем означает развивать собственную жизнь в позитивном ключе [Ward et al., 2007]. Программы отцовства, широко применяющиеся в британских пенитенциарных учреждениях, достаточно продуктивны [Boswell, Wedge, 2002], а профессиональная поддержка специалистов, направленная на создание новой позитивной идентичности вместо репутации преступника, является важнейшим фактором в укреплении личности [Meek, 2011]. При этом именно родительство становится ключевым компонентом для конструирования нового сценария жизни отцов – бывших правонарушителей [Helyar-Cardwell, 2012].

Методология исследования. В качестве теоретической базы исследования мы, во-первых, опираемся на понимание родительской роли осужденных отцов в контексте дефицитной модели отцовства [Arditti et al., 2005; Безрукова, Самойлова, 2020: 241]. Специфика отцовства у мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, определяется наличием ограничений, делающих невозможным поддержание постоянного контакта с детьми, участие в их воспитании на регулярной основе, независимо от желания отцов и характера их установок. В то же время мы исходим из того, что имеющийся у мужчины потенциал отцовства является мощным фактором, влияющим на его психологическое самочувствие в сложившихся обстоятельствах, а также ресурсом успешной адаптации и социальной реабилитации после освобождения.

Во-вторых, полагаем, что в ситуации заключения мужчина переживает переломный этап в своей жизни, который ведет к глубинным изменениям, включая процесс переопределения личной и социальной идентичности, переоценку ценностей и смыслов жизни во взаимодействии с ближайшим окружением, матерью ребенка. Одновременно с этим считаем, что процессы проблематизации и рефлексии имеют важное значение для вовлечения в отцовство – осознания смысла отцовства, своей роли, формирования привязанности к ребенку, ответственности за его благополучие и развитие [Безрукова, Самойлова, 2022: 95].

В-третьих, утверждаем – несмотря на объективные трудности реализации отцовской роли мужчинами, находящимися в местах лишения свободы, потенциал отцовства присущ каждому из них. Он может быть как высоким, так и сниженным, но в любом случае включает в себя специфические для родительской позиции ценности и установки, которые раскрываются в отношении к детям, отцовскую идентичность, определенную базу родительских знаний и навыков. Вместе с тем и неспецифические, личностные качества оказывают большое влияние на то, какой мужчина отец. Ответственность, самостоятельность, осознанность, опора на себя, фрустрационная устойчивость, активность – эти и другие характеристики, отражающие личностную зрелость человека [Психологическая.., 2014: 29–30], необходимы для успешной реализации отцовской роли.

Трудности, с которыми сталкивается человек, как правило, стимулируют процессы личностного становления, повышает социальную зрелость, в то же время специфика жизни в условиях ограничения самостоятельности, автономии, отсутствия необходимости выбора

несет определенные риски. По данным исследований, при отбывании наказания в МЛС осужденные склонны к формированию «выученной беспомощности», состояний виктимизации, снижению способности принимать на себя ответственность [Колесникова, 2011].

В исследовании мы опираемся на понятие жизнестойкости (hardiness-крепость, выносливость) [Мадди, 2006], как характеристики личности человека, переживающего неблагоприятные обстоятельства жизни. Жизнестойкость отражает способность выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя при этом внутреннюю сбалансированность, определенное отношение человека к изменениям, единство установок на выживаемость, которые организуют соответствующим образом его мысли, чувства и поведение, мобилизуют личностные ресурсы.

Цель статьи состоит в анализе отношения к отцовской роли, семейным ценностям у осужденных семейных мужчин; факторов, способствующих и препятствующих эффективной реализации отцовства в условиях заключения. В качестве гипотезы выступало предположение о том, что реализация потенциала отцовства у осужденных мужчин и возможности его развития в значительной степени взаимосвязаны с качеством супружеских отношений, семейной поддержки, личностной зрелости мужчины.

Эмпирической основой статьи выступают материалы 15 глубинных интервью и опроса 144 мужчин, имеющих семью и несовершеннолетних детей, осужденных к различным срокам и находящихся в местах лишения свободы (МЛС) в исправительных колониях УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, проведенных в сентябре–ноябре 2020 г.

Выборка целевая, критерии отбора респондентов для интервью и опроса: лица мужского пола, возраст – до 35 лет, осуждены к различным срокам лишения свободы; не являются опасными преступниками[2]; имеют на момент опроса семью, в том числе находящиеся в незарегистрированном браке; имеют кровных или приемных несовершеннолетних детей.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программ STATISTICA 6.0. Рассчитывались коэффициенты корреляции, значимости различий по критерию хи-квадрат, средние значения с использованием t-критерия Стьюдента[3]. Погрешность выборки 8,4%.

Средний возраст опрошенных – 32,6 года. Примерно две трети респондентов имеют среднее профессиональное образование (техникум, колледж) или высшее/неполное высшее образование (31,3 и 27,0% соответственно), начальное профессиональное (училище) – только 12,1%, каждый пятый – среднее полное (22,7%) и неполное среднее – 7,1%. В зарегистрированном браке состоят 52,8% мужчин, 47,2% – в незарегистрированном. Большая часть опрошенных имеют одного ребенка (63,9%), четверть – двоих детей (23,6%), трех и более детей – 12,5%.

В качестве критерия для дифференциации различий между группами отцов мы рассматривали выбор респондентами ответа о характере их отношений с супругами. Для этого респондентам задавался вопрос: «Оцените характер ваших отношений с женой в настоящий момент?» Анализ полученных результатов показал, что 54,9% респондентов выбрали ответ «*относится с уважением, поддерживает, ждет из заключения*», четверть отцов отметили ответы с отрицательной коннотацией «*безразлично, редкие контакты*» и «*стремится разорвать отношения, дело идет к разводу*» (16,2 и 9,2% соответственно), пятая часть опрошенных затруднились ответить (19,7%). Таким образом, были выделены

---

[2] Осуждены к различным срокам лишения свободы (среднее значение около 7 лет) (на один год – 4,2%, 1–3 года – 11,1%, 3–5 лет – 18,1%, более 5 лет – 64,6%); чаще по ст. 228 УК РФ – незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств (64% осужденных), ст. 105 УК РФ – убийство (9%), ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (5%), ст. 264 УК РФ – нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (5%).

[3] Приводятся данные с учетом статистически значимых различий по критерию хи-квадрат ($p<0,01$).

группы осужденных мужчин с разным характером отношений и поддержки жены в настоящий момент: «*получающие поддержку*» (ПП) (54,9%), «*без поддержки*» (БП) (25,4%) и «*сомневающиеся в поддержке*» (СП) (19,7%).

Установки отцовства и воспитательные практики отцов. Отношение осужденных мужчин к отцовству рассматривалось при изучении представлений об отцовских функциях в семье, смыслах отцовской роли, реализации прав отцов в условиях заключения.

Сравнительный анализ данных о смыслах отцовства показывает более интенсивную частоту ответов отцов из группы осужденных по сравнению с обычными молодыми отцами[4]. Так, осужденные отцы чаще отмечают, что смысл роли отца для них заключается в функции кормильца семьи – «обеспечивать, кормить, одевать ребенка» (82,6 против 53,2%) и любви к детям (79,9 против 60,0%), необходимости «быть опорой своему ребенку» (66,0 против 48,8%) и «быть ответственным, соответствовать долгу отца перед детьми» (67,4 против 38,0%), «защищать от трудностей жизни» (40,3 против 31,2%). Примерно равные доли ответов в той и другой группе респондентов о смыслах отцовства заключаются в наставничестве и воспитании детей, обретении жизненного опыта и взросления, получении удовольствия от общения и любви ребенка. Объяснения полученным различиям мы связываем с переосмыслением значения отцовства, детей, усилением потребности в общении с ними, в том числе в силу недоступности свободного общения, чувствами сожаления и раскаяния.

В группах отцов с разным характером поддержки супруги выявлены существенные различия в понимании смысла отцовской роли. Для группы ПП она чаще состоит в деятельной любви и заботе о ребенке, наставничестве, воспитании, получении радости от

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В чем для вас состоит роль отца, ее смысл?» в зависимости от характера отношений с женой
(в % от числа ответивших)

Варианты ответа	Группа молодых отцов	В целом осужденные молодые отцы	Получающие поддержку	Без поддержки	Сомневающиеся в поддержке
Любить своего ребенка, делать все для его развития и благополучия	60,0	79,9	87,0	83,3	63,0
Быть наставником, проводником по жизни, передавать свой опыт, воспитывать	55,6	59,7	68,8	55,6	44,4
Обеспечивать, кормить, одевать ребенка	53,2	82,6	84,4	91,7	70,4
Быть опорой своему ребенку	48,8	66,0	64,9	80,6	59,3
Быть ответственным, соответствовать долгу отца перед детьми	38,0	67,4	72,7	66,7	63,0
Получать удовольствие от общения и любви ребенка	37,2	41,0	48,1	44,4	22,2
Приобретать жизненный опыт, взрослеть	34,4	33,3	29,9	44,4	25,9
Защищать от трудностей жизни	31,2	40,3	42,9	38,9	40,7
Затрудняюсь ответить	4,8	4,9	2,6	–	18,5

[4] Данные опроса молодых отцов в возрасте 30–39 лет (*N* = 251), СПб., 2020 г.

общения с детьми. В группе БП – в экономической функции отца, любви к детям, возможности быть опорой для ребенка, при этом отцовство для них чаще, чем в других группах, выступает способом взросления, приобретения жизненного опыта и ответственности. Для отцов из группы СП характерна сниженная частота ответов, а у пятой части респондентов в данной группе смыслы отцовства не вполне осознанны.

Иметь возможность общаться с детьми, участвовать в их воспитании отражает устойчивую потребность в реализации отцовства у осужденных мужчин. Полученные данные показали, что большинство опрошенных (63,0% согласны и 23,3% скорее согласны) поддерживают мнение о том, что «*любой отец, даже отбывающий наказание, нуждается в уважении и поддержке своих детей*», не согласны только 5,8%. В целом, 86,3% респондентов согласились с тем (74,1% согласны и 12,2% скорее согласны), что «*отец, отбывающий наказание, имеет право воспитывать своих детей*», не согласны только 4,3%.

Есть ли у отцов в условиях заключения возможность участвовать в воспитании детей в настоящий момент? Три четверти опрошенных утверждают, что такая возможность у них есть, – 69,8% отцов взаимодействуют с детьми (38,9% общаются по телефону, а 30,8% – во время свиданий). При этом треть осужденных не общаются с детьми (30,2%), в 14,2% случаях жена препятствует общению. В группе ПП больше тех, кто может воспитывать своих детей, разговаривая по телефону (51,8%) и во время свиданий (32,1%). В группах БП и СП чаще отмечали, что жена против участия отца в воспитании детей (30,7 и 27,1%). Не получающие поддержку в два раза реже отмечали, что могут воспитывать и общаться со своими детьми во время свиданий (15,2 против 32,1 и 27,1%). Таким образом, уважительные и поддерживающие отношения с женой взаимосвязаны с возможностью осужденных отцов участвовать в воспитании детей. При этом среди поддерживаемых женами не могут этого делать только 3,1% респондентов, в группах БП и СП таких треть (30,7 и 27,1%).

В чем конкретно заключаются воспитательные практики отцов в условиях заключения? Ответы на открытый вопрос показывают, что каждый пятый отец придерживается формального общения (20,9%), отцовских наставлений (20,8%), стимулирования самореализации (20,1%), 15,5% мужчин дают житейские советы, 11,9% оказывают эмоциональную поддержку, 10,9% ориентированы на сохранение сложившихся отношений. В группе ПП больше тех, кто использует такие методы воспитания, как отцовские наставления (33,9%), житейские советы (20,3%), эмоциональная поддержка (13,6%). Отцы из группы БП чаще в качестве своих воспитательных практик указывали на стимулирование самореализации ребенка (21,7%), отцовские наставления (21,7%), сохранение отношений и формальное общение (по 17,4% соответственно). Отцы из группы СП в трети случаев прибегали к формальному общению (33,3%) и стимулированию самореализации (21,7%).

Таким образом, отцы, имеющие поддержку супруги, по сравнению с другими больше вовлечены в заботу о своих детях: стратегии их воспитания отличаются активностью и вниманием к внутреннему миру и будущему ребенка. Отцы, оставшиеся без поддержки жены, также стремятся к активному взаимодействию с детьми, часть из них старается просто сохранить имеющиеся отношения и формальное общение. Отцы из группы СП чаще других характеризуются формальным общением с детьми, реже других дают отцовские наставления и стремятся сохранить контакт с детьми.

Участникам исследования задавался открытый вопрос о претензиях к себе как к отцу (табл. 2). Респонденты группы БП предпочитали не отвечать на вопрос либо указывали, что затрудняются с ответом (24,2%). Отцы из группы ПП чаще ставили себе в вину нахождение в местах лишения свободы (*нарушал закон, допустил то, что в тюрьме, тем самым оставив семью без себя*) и в связи с этим невозможность исполнять роль главы семьи (*мало времени участвую на данный момент в воспитании ребенка, оставил детей без защиты*) (по 20,5% ответов).

Респонденты из группы СП чаще других указывали на наличие у себя не способствующих воспитанию ребенка отрицательных качеств, вредных привычек (*глупость; ленивый; неответственный; пьянство, разврат, наркотики*) (21,4%), а также ставили себе в вину то, что

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие претензии к себе как к отцу у вас есть?» в зависимости от характера отношений с женой в настоящий момент
(в % от числа ответивших)

Варианты ответа	В целом, по выборке	Получающие поддержку	Без поддержки	Сомневающиеся в поддержке
Претензий к себе как к отцу нет	26,7	23,1	21,2	35,7
Не ответили на вопрос или затруднились с ответом	19,2	15,4	24,2	17,9
Нахождение в МЛС	15,5	20,5	15,2	10,7
Наличие отрицательных качеств, вредных привычек	15,0	11,5	12,1	21,4
Невозможность исполнять роль главы семьи	11,9	20,5	15,2	0,0
Отсутствие полноценного контакта с ребенком/детьми	11,8	9,0	12,1	14,3

у них отсутствует полноценный контакт с ребенком (*не имею возможности общаться из-за судимости; не могу быть постоянно с сыном; не вижу ребенка*) (14,3%). На этом фоне более чем каждый третий респондент из этой группы (35,7%) указал на отсутствие претензий к себе как к отцу. Таким образом, ПП чаще ставят себе в вину невозможность полноценно реализовать функцию отца и главы семьи вследствие отбывания наказания в МЛС. Для СП более характерна неудовлетворенность своим вкладом в развитие личности ребенка.

Обобщая ответы на вопрос о качествах и навыках, которых отцам не хватает, отметим, что мнения отцов представляют два аспекта. *Направленность на себя* – отражает потребность молодых мужчин в изменениях своего Я и включает характеристики, описывающие желаемый образ – взрослого, компетентного, успешного человека, и развитие качеств, которыми хочется обладать (*целеустремленность, оптимизм, честность, твердый характер, ответственность, доброта, умение ладить, воля, научиться доверять людям, не бояться трудностей, веры в себя, самоконтроль*), или компетенций (*нет образования, жизненного опыта; мозгов; хотел бы изучать иностранные языки, философию, педагогику*).

Направленность на других – раскрывает осознанную потребность понимать интересы детей и близких, измениться по отношению к детям (*проводить больше времени с детьми; играть в детские игры; нужны знания по психологии ребенка; терпение и умение понимать детей; хочу дать своим детям лучшее образование*).

Социальное самочувствие и личностные ресурсы отцов. Распределение ответов на вопрос о том, какие чувства осужденные отцы чаще всего испытывают в настоящее время, позволяет судить об их эмоциональном состоянии. Наиболее часто отмечены «усталость, упадок сил» (20,5%), «спокойствие, умиротворение» (18,7%), «одиночество, покинутость» (16,9%), «бодрость, энергичность» (14,4%), «злость, раздражение» (12,7%). На последнем месте ответ «радость, счастье» (3,5%). Таким образом, осужденные мужчины чаще испытывают негативные чувства – усталости и упадка сил, одиночества, покинутости, а также амбивалентные переживания – спокойствия и напряжения, растерянности и осознания невозможности быть рядом с близкими, беспокойства и надежды на освобождение.

Разлука обострила отцовские чувства – большинство осужденных скучают по детям: *«Не хватает сильно. Тяжесть на душе»*, *«Люблю ребенка, тоскую»*, *«Трудно разлуку переживать с детьми, не видеть, как они растут»* (м., 30 л.). *«Трудно сдержать мысли, как она там? Что с ней? Как она живет?»* (м., 28 л.).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «В какой мере справедливы для вас следующие суждения?»
(в % от числа ответивших)

Суждения	Нет, это не так	Скорее нет, чем да	Скорее да, чем нет	Да, это так
Иногда я чувствую себя лишним даже с близкими	59,0	23,8	12,7	4,5
Иногда мне кажется, что все мои усилия бессмысленны	41,6	32,1	21,2	5,1
Возникающие проблемы часто кажутся мне неразрешимыми	40,4	36,2	19,1	4,3
Иногда мне кажется, что никому нет до меня дела	39,6	35,3	19,3	5,8
Мне кажется, что жизнь проходит мимо меня	38,5	21,5	25,9	14,1
Я мечтаю о спокойной, размеренной жизни	11,0	8,1	30,1	50,8
Окружающие уважают меня за упорство и непреклонность	8,6	19,4	50,4	21,6
Я стараюсь быть в курсе всего происходящего вокруг меня	5,0	14,9	36,9	43,2
Я всегда контролирую ситуацию настолько, насколько это необходимо	3,5	7,2	55,3	34,0

Анализ взаимосвязи качества отношений с женой и самочувствия осужденных мужчин показал, что в группе ПП по сравнению с другими группами ситуация более благополучная. Более четверти мужчин этой группы ощущают спокойствие и умиротворение (27,1 против 17,1 и 11,1%). В группе БП больше тех, кто чувствует свое одиночество и покинутость (31,4 против 18,2 и 11,1%). В группе СП чаще других отмечали смешанные чувства – растерянности, надежды, ожидания и напряжения.

Для диагностики жизнестойкости для целей нашего исследования были выбраны по четыре пункта шкал «контроль» и «вовлеченность» и один пункт «принятие риска» из опросника жизнестойкости [Леонтьев, Рассказова, 2006].

Распределение ответов по пункту *«Я мечтаю о спокойной, размеренной жизни»* показывает, что для большинства опрошенных (80,9%) в их нынешней ситуации высока ценность жизни без стрессов, в спокойной и комфортной обстановке. Влияние их конкретной жизненной ситуации является определяющим, сходство индивидуальных установок, на наш взгляд, можно объяснить не отрицанием готовности к жизненным вызовам, а потребностью снизить уровень стресса, завершить «рискованный» жизненный этап. Распределения по пунктам шкалы контроля показывают, что четко выраженные установки контроля проявляются не менее чем у пятой части опрошенных (от 21,6% полностью согласных с вариантом *«Окружающие уважают меня за упорство и непреклонность»* до 41,6% полностью не согласных с утверждением *«Иногда мне кажется, что все мои усилия бессмысленны»*). Большую группу составляют те, кто менее уверенно («скорее да» или «скорее нет»), но все же выбрал варианты, отражающие наличие установок контроля. В целом, ответы не менее трех четвертей опрошенных свидетельствуют о том, что они верят в то, что их усилия имеют смысл (73,7%), проявляют упорство и непреклонность (72,0%), что проблемы будут разрешены (76,6%), контролируют ситуацию настолько, насколько это необходимо (89,3%). В то же время порядка четверти респондентов чувствуют скорее беспомощность, бессилие, неспособность влиять на происходящее с ними.

Вовлеченность, проявляющаяся как интерес к жизни, желание быть в курсе происходящего, чувствовать свою ценность, значимость для окружающих, особенно важна как ресурс совладания со сложившейся трудной жизненной ситуацией и успешного возвращения к благополучной жизни после отбывания наказания. С утверждением *«кажется, что*

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «В какой мере справедливы для вас следующие суждения?» в зависимости от характера отношений с женой
(в % от числа ответивших)

Суждения	Получающие поддержку	Без поддержки	Сомневающиеся в поддержке
Да, это так			
Я мечтаю о спокойной, размеренной жизни	48,6	50,0	55,6**
Я стараюсь быть в курсе всего происходящего вокруг меня	46,2	35,3	42,9
Я всегда контролирую ситуацию настолько, насколько это необходимо	35,9	27,3	32,1*
Окружающие уважают меня за упорство и непреклонность	23,1	18,2	18,5
Нет, это не так			
Иногда я чувствую себя лишним даже с близкими	63,5	60,6	46,2
Иногда мне кажется, что все мои усилия бессмысленны	51,3	33,3	25,9**
Возникающие проблемы часто кажутся мне неразрешимыми	47,4	41,2	18,5**
Мне кажется, что жизнь проходит мимо меня	47,3	29,4	26,9*
Иногда мне кажется, что никому нет до меня дела	46,1	34,3	29,6**

Примечание. Значимость различий по критерию хи-квадрат * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

жизнь проходит мимо меня» не согласны 60%, остальные 40% респондентов достаточно явно оценивают свое состояние как состояние эксклюзии. Очевидно, что существующие в МЛС барьеры «отгораживают» заключенных от внешнего мира не только физически, но и информационно, психологически. По другим критериям включенности ситуация более благоприятная. Полностью уверены в том, что нужны близким, 59%, что другие люди их помнят, беспокоятся о них, – 39,6%, а с учетом тех, кто положительно, но менее уверенно ответил на эти вопросы, доля респондентов составляет 82,9 и 74,9%, соответственно. При этом и сами мужчины ведут себя активно, вовлеченно, «стараются быть в курсе всего происходящего» – таких большинство, 80,1% (43,2% – «да, это так», 36,9% – скорее «да, чем нет»). Обобщая данные по всем пунктам шкалы вовлеченности, можно сделать вывод, что пятая часть осужденных испытывают чувства своей ненужности, отверженности, отчужденности, ощущение себя «вне» жизни.

В результате факторного анализа утверждений (ротация методом Varimaxraw) выделены два фактора, которые можно интерпретировать как установки в отношении субъектности и пессимизма личности, объединяющие несколько утверждений с наибольшим факторным весом – *«безнадежность»* и *«субъектность или самодетерминация»*. Полученные два фактора объясняют 48,9% дисперсии.

Фактор 1 – ***«Безнадежность»*** (33,6%) отражает негативный взгляд на жизнь, проявляющийся в депрессивных мыслях, чувстве бессилия, состоянии исключенности из жизни; объединяет утверждения *«Возникающие проблемы часто кажутся мне неразрешимыми»; «Мне кажется, что жизнь проходит мимо меня»; «Иногда я чувствую себя лишним даже с близкими»; «Иногда мне кажется, что все мои усилия бессмысленны»; «Я мечтаю о спокойной, размеренной жизни»*.

Фактор 2 – ***«Субъектность или самодетерминация»*** (15,3%) – степень самостоятельности личности, ее способности преодолевать проблемы, связанные с внешними влияниями; объединяет утверждения *«Я всегда контролирую ситуацию настолько, насколько это необходимо»;*

«Окружающие уважают меня за упорство и непреклонность»; «Я стараюсь быть в курсе всего происходящего вокруг меня». Сила эго проявляется в способности справляться не только с проблемами, которые связаны с внешними влияниями, но и с внутриличностными проблемами.

Вклад первого фактора «*Безнадежность*» в общую дисперсию, отражающий его субъективную значимость для респондентов, оказался наиболее высоким, а «*Субъектность или самодетерминация*» менее выраженным, что свидетельствует о высокой выраженности у осужденных мужчин негативной установки на жизнь, проявляющейся в депрессивных мыслях, чувстве бессилия, состоянии исключенности из жизни. При этом переживания своей ненужности, отверженности, отчужденности, ощущения себя «вне» жизни статистически чаще проявляются у мужчин, лишенных поддержки своих жен, детей и других близких ($m = 0{,}21$), по сравнению с мужчинами, ощущающими поддержку семьи ($m = -0{,}23$). Различия средних статистически значимы по t-критерию Стьюдента ($p<0{,}05$). Установки субъектности и самостоятельности личности, ее способности справляться как с внешне обусловленными, так и внутриличностными проблемами чаще присущи осужденным мужчинам, которых поддерживают их семьи ($m = 0{,}19$), и реже – у мужчин, не ощущающих поддержку семьи ($m = -0{,}25$). Различия средних статистически значимы по t-критерию Стьюдента ($p <0{,}01$).

Сравнение жизнестойкости у мужчин с разным уровнем супружеской поддержки выявило преимущество группы ПП по большинству показателей на статистически значимом уровне. По сравнению с другими их отличает бо́льшая убежденность в способности контролировать ситуацию настолько, насколько это необходимо, убежденность в том, что нет неразрешимых проблем, вера в свою способность достигать результата, чувство связи с другими и сопричастности происходящему в жизни. Напротив, мужчины из групп БП и СП чаще полагают, что бессмысленно прикладывать усилия, не уверены, что проблемы можно решить, чаще воспринимают себя лишними, ненужными людьми даже с близкими, испытывают чувство своеобразного исключения из семьи, только треть из них не ощущает своей отчужденности от живого потока жизни. На основе этих данных можно предположить, что именно у мужчин первой группы есть более прочные основания для веры в себя, в свое будущее, их адаптационный потенциал выше по сравнению с теми, кто не имеет или не уверен в поддержке супруги.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что отцовство обладает высокой личностной значимостью для отцов. Мужчины дорожат отцовством, включая как тех, кто постоянно общается с ребенком и участвует в повседневной заботе о нем, так и разведенных отцов, не имеющих постоянных контактов или оказавшихся без поддержки жен и родственников. Работа по поддержке осужденных отцов, проводимая на регулярной основе, может стать существенным фактором укрепления их родительского и личностного потенциала, а также основой для ресоциализации личности.

В центре интервенций специалистов социальных служб в МЛС в отношении осужденных мужчин, имеющих детей, должно стать создание позитивной идентичности ответственного отца, которая способствует осознанию отцами жизненных смыслов, целеполаганию, повышению самоэффективности, укреплению родительского самосознания и развитию родительских навыков, что, в свою очередь, коррелирует с успешностью выхода из трудной ситуации, социальной реабилитации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безрукова О.Н., Самойлова В.В. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8.

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 233–272. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.948.

Борченко В.А., Исаева О.П. Проблемы осуществления родительских прав и исполнения обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 1(6). С. 47–50.

Ильина О.Ю. К вопросу о равенстве прав мужчины и женщины в семейных правоотношениях // Современное право. 2007. № 8. С. 33–39.

Колесникова Н.Е. Социально-психологическая ресоциализация осужденных-мужчин в исправительном учреждении: автореф. дис. ... к. психол. н. М., 2011.

Комиссарова С.В., Янова А.С. Семья как условие равноправной реализации прав и обязанностей родителей в воспитании несовершеннолетних детей // Вопросы современной науки и практики. № 1 (2). 2020. С. 23–27.

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Психологическая зрелость личности. Под общ. ред. *Л.А. Головей.* СПб.: Скифия-принт, СПбГУ, 2014.

Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120–124.

Финаева А.Г. Семейные стратегии в структуре ресоциализации заключенных // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология. Вып. 3. С. 35–39.

Arditti J.A., Smock S.A., Parkman T.S. It's Been Hard to Be a Father': A Qualitative Exploration of Incarcerated Fatherhood. Fathering. 2005. Vol. 3. No. 3. P. 267–288. DOI: 10.3149/fth.0303.267.

Boswell G., Wedge P. Imprisoned Fathers and Their Children. London: Jessica Kingsley, 2002.

Helyer-Cardwell V. Fathers for Good? Exploring the Impact of Becoming a Young Father on Young Offenders' Desistance from Crime. Safer Communities. 2012. Vol. 11. No. 4. P. 169–178. DOI: 10.1108/17578041211271436.

Maddi S.R. Hardiness: The courage to grow from stresses. The Journal of Positive Psychology. 2006. No.1 (3). P. 160–168.

Meek R. The Possible Selves of Young Fathers in Prison. Journal of Adolescence. 2011. Vol. 34. No. 5. P. 941–949. DOI: 10.1016/j.adolescence.2010.12.005.

Secret M. Incarcerated Fathers: Exploring the Dimensions and Prevalence of Parenting Capacity of Non-Violent Offenders. Fathering. 2012. Vol. 10. No. 2. P. 159–177. DOI: 10.3149/fth.1002.159.

Walker L. His Mam, My Dad, My Girlfriend, Loads of People Used to Bring Him up': The Value of Social Support for(ex) Offender Fathers. Child and Family Social Work. 2010. Vol.15. No. 2. P. 238–247. DOI: 10.1111/j.1365–2206.2009.00664.x.

Ward T., Mann R.E., Gannon T.A. The Good Lives Model of Offender Rehabilitation: Clinical Implications. Aggression and Violent Behaviour. 2007. Vol. 12. No. 1. P. 87–107. DOI: 10.1016/j.avb.2006.03.004.

Статья поступила: 28.07.22. Принята к публикации: 02.09.22.

PATERNITY OF YOUNG CONVICTED FATHERS GOING THROUGH IMPRISONMENT

BEZRUKOVA O.N.*, SAMOYLOVA V.A.*, MAL'KOV N.R. **

**St. Petersburg State University, Russia; **Federal Resource Center for the formation of an accessible environment, Russia*

Olga N. BEZRUKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (o.bezrukova@spbu.ru); *Valentina A. SAMOYLOVA, Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof.* (v.samojlova@spbu.ru). *Both – St. Petersburg State University; Nikolay R. MAL'KOV, Cand. Sci. (Psychol.), Senior Specialist of the Federal Resource Center for the formation of an accessible environment* (frs_ds@mail.ru). *All – St. Petersburg, Russia.*

Acknowledgements. The reported study was funded by the International Public Organization "Doctors for Children" and RFBR according to the research project No. 19-011-00543.

Abstract. The article examines the attitude to the paternal role, the approaches to upbringing, and the obstacles to realization of paternity among young fathers imprisoned at correctional facilities of the Federal Penitentiary Service. We analyzed 15 in-depth interviews and made a survey of 144 fathers having families and underage children. As a result, we identified three groups of fathers: those who found themselves without the support of their spouses, those who doubt support, and those who have the support. We revealed the specific meanings of fatherhood and attitudes towards children, social well-being and personal resources of fathers in different groups. We have concluded that there is a significant interconnection in realization of the potential of fatherhood among the convicts and the possibility of its development with the quality of marital relations, family support, as well as individual maturity. We suggest the directions for social support of imprisoned fathers.

Keywords: fatherhood, children, motherhood, incarcerated fathers, parental attitude, social support.

REFERENCES

Arditti J.A., Smock S.A., Parkman T.S. (2005) It's Been Hard to Be a Father': A Qualitative Exploration of Incarcerated Fatherhood. *Fathering.* Vol. 3. No. 3: 267–288. DOI: 10.3149/fth.0303.267.

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2020) Fatherhood and Support for Fathers: Trends in Modern Foreign Studies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 233–272. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.948. (In Russ.)

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2022) Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices and Intergenerational Translation. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8. (In Russ.)

Borchenko V.A., Isaeva O.P. (2012) Problems of exercising parental rights and fulfilling duties by persons sentenced to deprivation of liberty. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute]. No. 1 (16): 47–50. (In Russ.)

Boswell G., Wedge P. (2002) *Imprisoned Fathers and Their Children*. London: Jessica Kingsley.

Finaeva A.G. (2012) Family Strategies in the Structure of Prisoners' Resocialization. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Izv. Sarat. Univ. Sociology. Politology]. Vol. 12. Iss. 3: 35–39. (In Russ.)

Golovey L.A. (2014) *Psychological maturity of the personality*. St. Petersburg: Skifiya-print. (In Russ.)

Helyer-Cardwell V. (2012) Fathers for Good? Exploring the Impact of Becoming a Young Father on Young Offenders' Desistance from Crime. *Safer Communities*. Vol. 11. No. 4: 169–178. DOI: 10.1108/17578041211271436.

Ilyina O.Yu. (2016) To the Question about the Equality of Mens' and Womens' Rights in the Family Law Relationships. *Sovremennoye pravo* [The Contemporary Law]. No. 8: 75–79. (In Russ.)

Kolesnikova N.E. (2011) *Socio-psychological resocialization of convicted men in a correctional institution*: Abstract of the thesis dis. Cand. of psy. sci. Moscow. (In Russ.)

Komissarova S.V., Yanova A.S. (2020) Family as a condition for the equal realization of the rights and obligations of parents in the upbringing of minor children. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki* [Questions of modern science and practice]. No. 1 (2): 23–27. (In Russ.)

Leontiev D.A., Rasskazova E.I. (2006) Test zhiznestojkosti. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Maddi S.R. (2006) Hardiness: The courage to grow from stresses. *The Journal of Positive Psychology*. No. 1 (3): 160–168.

Meek R. (2011) The Possible Selves of Young Fathers in Prison. *Journal of Adolescence*. Vol. 34. No. 5: 941–949. DOI: 10.1016/j.adolescence.2010.12.005.

Secret M. (2012) Incarcerated Fathers: Exploring the Dimensions and Prevalence of Parenting Capacity of Non-Violent Offenders. *Fathering.* Vol. 10. No. 2: 159–177. DOI: 10.3149/fth.1002.159.

Spasennikov B.A., Smirnov A.M. (2015) Social and legal characteristics of the convicts serving sentences in Russian correction colonies. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9. (377): 120–124. (In Russ.)

Walker L. (2010) His Mam, My Dad, My Girlfriend, Loads of People Used to Bring Him up': The Value of Social Support for(ex) Offender Fathers. *Child and Family Social Work*. Vol. 15. No. 2: 238–247. DOI: 10.1111/j.1365-2206.2009.00664.x.

Ward T., Mann R.E., Gannon T.A. (2007) The Good Lives Model of Offender Rehabilitation: Clinical Implications. *Aggression and Violent Behaviour.* Vol. 12. No. 1: 87–107. DOI: 10.1016/j.avb.2006.03.004.

Received: 28.07.22. Accepted: 02.09.22.

© 2022 г.

С.Ш. КАЗИЕВ, Р.А. СТАРЧЕНКО, М.В. МОГУНОВА

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ МЕЖДУ КАЗАХАМИ И РУССКИМИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

КАЗИЕВ Саттар Шарниязович – доктор исторических наук, доцент кафедры История Казахстана и социально-гуманитарные дисциплины, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан (sattarkaz@mail.ru); *СТАРЧЕНКО Роман Александрович – кандидат исторических наук, заместитель директора, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия* (starchencko.roman@yandex.ru); *МОГУНОВА Марина Викторовна – старший преподаватель кафедры История Казахстана и социально-гуманитарные дисциплины, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан* (M_mogunova@mail.ru).

Аннотация. *Межнациональные браки являются отражением интеграции общества и релевантным показателем особенностей конструирования идентичности в многонациональной среде. В статье рассматриваются браки между казахами и русскими г. Петропавловска в период 1996–2020 гг. Анализ данных представлен на материалах ЗАГС и социологических исследований. Показано влияние урбанизации и социальной модернизации на увеличение числа браков между казахами и русскими, прослежены изменения в отношении к межнациональным семьям. Авторы приходят к выводу, что увеличение числа межнациональных браков, при наличии двух доминирующих этнокультурных идентичностей – казахской и русской, не ведет к ассимиляции или складыванию новых общностей.*

Ключевые слова: *Северный Казахстан • межнациональные браки • идентичность • урбанизация • этнокультурные установки*

DOI: 10.31857/S013216250016051-9

Введение. Изучение семейно-брачных отношений в национально-смешанных средах городского населения представляет интерес для исследователей. Городское население является ядром современного общества, оно наиболее восприимчиво к инновациям и культурным интерференциям; формирует не только стандарты массового потребления, но и социально-психологические установки в межнациональных отношениях. Межнациональные браки являются надежным показателем уровня солидаризма и доверия/недоверия в обществе, сохранения и изменчивости традиций, выбора идентичности. В этой связи основным объектом изучения стало городское население Петропавловска, города с исторически сложившейся русско-казахской этнической средой, преобладающей также в окружающих сельских районах.

Авторы статьи поставили следующие задачи: 1) проанализировать количественную динамику межнациональных браков казахов и русских, составляющих основную часть населения Северного Казахстана; 2) показать происходящие в обществе сдвиги в отношении межнациональных браков.

Источником исследования выступили материалы актовых книг государственной регистрации актов гражданского состояния[1]. Выявленные в данных ЗАГС тенденции проверялись материалами этносоциологических исследований. В 2020 г. авторы статьи приняли участие в проведении исследования «Языковая ситуация и социально-культурные изменения

[1] Актовые книги составлены на основе актовых записей о заключении брака ЗАГСа Департамента юстиции Северо-Казахстанской области Министерства юстиции Республики Казахстан. М.В. Могуновой выбраны и проанализированы актовые записи о заключении брака между казахами и русскими из актовых книг за 1996, 2006, 2016 гг.

в Северном Казахстане» Института этнологии и антропологии РАН[2]. Для сравнительного анализа и выявления долговременных тенденций использовались материалы опроса Института этнологии и антропологии РАН 1994 г., проведенного в четырех крупных (Алматы, Шымкент, Петропавловск и Атырау) и четырех малых (Капчагай, Туркестан, Мамлютка и Балыкши) городах Казахстана в рамках программы «Язык, национальность и бывший Советский Союз». В ходе опроса было изучено мнение 1118 русских и 1060 казахов.

Исследовательские подходы изучения межнациональных браков. Изучение межнациональных браков имеет свою специфику в зависимости от страны и господствующих политических трендов. В западной антропологии преобладали концепты неизбежной ассимиляции как логического следствия распространения межэтнических и межрасовых браков в среде этнических меньшинств и иммигрантов[3]. Смешанные браки рассматривались как «финальный шаг к ассимиляции» [Gordon, 1964]. Современные исследователи обращают внимание скорее на степень жесткости межрасовых и межэтнических «перегородок» и изменение отношения общества к смешанным парам. Ученые отмечают, что, несмотря на резкий рост числа смешанных межэтнических браков в Соединенных Штатах с 1960-х гг., многие американцы рассматривают такие браки как «неуместные» [Gaines et al., 2015: 650]. Широкий спектр изучаемых проблем и интерес к исследованиям смешанных браков в европейском и американском обществах позволяют говорить о дальнейшем нарастании количества таких браков по мере вступления в половозрелый возраст детей из смешанных семей и культурной схожести молодежи в целом. Не менее важным является отношение общества к межнациональным бракам, что определяет успех интеграции этнических групп.

В советской науке методологические основы изучения межнациональных браков были заложены в 1970–1980-е гг. в работах Ю.В. Арутюняна (2003), Л.М. Дробижевой (1978), В.И. Козлова (1981), А.А. Сусоколова (1987), изучалась динамика межнациональных браков, языковые процессы в национально-смешанных семьях, подобные семьи в разрезе поколений. Можно согласиться с Н.Б. Ем в том, что традиция изучения межнациональных браков как показателя стабильности межнациональных отношений и толерантности была доминирующей в советской науке [Ем, 2020: 8]. В этом сказывалось влияние официальной идеологии и практики национальной политики, в результате ученые вынужденно преувеличивали интегративную роль межнациональных браков в становлении советского народа и игнорировали проблемы ассимиляции. Межнациональные браки в Советском Казахстане также были в фокусе внимания [Борзых, 1970: 87–96; Евстигнеев, 1973; Наумова,1987: 91–100]. В работах современных ученых распространено представление о межнациональных браках как об «оценке состояния межэтнических отношений» [Лурье, 2018: 123], продолжающее советские традиции. Их рассматривают как «один из базовых индикаторов этнической адаптации и социальной интеграции общества…»

---

[2] В анкете представлены вопросы, связанные с владением языками, отношением к языковой ситуации, удовлетворённостью условиями жизни, по межнациональным бракам. Опрос проводился в Северо-Казахстанской области на базе Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева. Из-за действовавших ковидных ограничений опрос проводился дистанционно. Опрошено 450 человек. Выборка стихийная. Возрастной состав: 18–29 лет – 58,7%, 30–59 лет – 39,8%, 60 лет и старше – 1,6%; большинство – женщины (68,2%). Взрослые (возрастные) респонденты в основном представлены родителями студентов, этим обстоятельством и объясняется низкий процент респондентов 60+. Национальный состав респондентов: казахи – 66%, русские – 22%, другие национальности – 8,4%; значительное число респондентов (56,9%) не состоят в браке. В опросе участвовали респонденты с высшим (16,2%), неоконченным высшим (20,9%), средним специальным (18,9%) и средним (35,8%) образованием. Большинство участников опроса – учащаяся молодежь (58%), третья часть респондентов (33,8%) охарактеризовали себя как «работающие». Ошибка выборки составляет 5%.

[3] Большинство американских исследователей не проводят различия между межрасовыми и межэтническими браками. Примером такого подхода является книга Paul R. Spickard «Mixed Blood: Intermarriage and Ethnic Identity in Twentieth – Century America» [Spickard, 1989].

[Жигунова, 2017: 63] или видят в них «комплементарность» народов на поведенческом уровне [Лурье, 2018: 123].

В целом российские обществоведы изучают межнациональные браки различных групп населения и регионов России, национально-смешанные браки в исторической ретроспективе и др. В отдельных статьях предлагается анализ ситуации с межнациональными браками в конкретных странах постсоветского пространства, к примеру в Казахстане [Козлов, 2017: 71–88]. Для настоящего исследования интерес представляют работы российских ученых, в которых фигурируют браки между русскими и казахами. В ряде публикаций данные народы рассматриваются как коренное старожильческое российское население [Сороко, 2014: 96–123; Жигунова, Коптяева, 2016: 100–104], в других исследованиях – как представители местных жителей и мигрантов, в частности казахи [Хачатрян, Чадова, 2016: 127–148].

В современной казахстанской социологии и этнографии браки с супругами разных национальностей по-прежнему в фокусе внимания (см.: [Калыш, 2013; Уалиева, 2017: 405–413; Ем, 2020] и др.). В трактовке межнациональных браков представлены разные концепты, некоторые из них перекликаются с подходами советской науки, в частности, раскрывающие связь между ростом межнациональных браков и укреплением единства в стране [Гаркава и др., 2014: 24]. Браки супругов разной национальности рассматриваются как межнациональные, где предметом исследования выступает национальный состав межнациональных браков, отношение к ним, идентификация подростков в подобных семьях. В анализ проблемы привнесены новые аспекты: изучаются межнациональные браки нетитульных этносов республики, брачные предпочтения казахского населения и др. Представляется актуальным выявление тенденций развития и специфики брачности между казахами и русскими северного региона Казахстана.

Формирование национальной структуры населения и межнациональные браки в досоветский и советский периоды. Распространение межнациональных браков зависит от установок к ним в обществе, которые являются результатом опыта межнациональных отношений. Негативный опыт и недоверие могут усиливать практику отторжения межнациональных браков, в то время как межнациональная толерантность и доверие способствуют улучшению понимания и признания ценности иных культурных традиций, что влечет разрушение прежних барьеров и подрыв этнической гомогамии.

Межнациональные отношения казахов и русских северного региона имеют давнюю историю. В начале XX в. из 42340 жителей города было 25323 великоросса (русских. – *Прим. авт.*), 9575 татар и 1358 казахов[4]. Таким образом, еще в дореволюционный период структура населения Петропавловска и окружающих сельских и кочевых волостей приобрела свою национальную мозаичность, которая впоследствии лишь усилилась.

За годы советской власти Петропавловск превратился в один из крупных индустриальных казахстанских городов и в областной центр. По численности населения он стабильно входил в десятку крупнейших городов республики, объединяя представителей разных национальностей. В это же время среди горожан Петропавловска наблюдается низкий процент казахов и высокий – русских. Так, удельный вес казахов составил 4,8% в 1959 г. и 5,0% в 1970 г., русских – 80,2 и 80,4% соответственно [Шатных, Лебедева, 1993: 22]. Городской образ жизни долгое время был малопривлекательным для казахов.

Успехи советской национальной политики в выравнивании социального развития и сближения культур советских народов непосредственно влияли на формирование позитивного отношения к межнациональным бракам. По мнению А.Б. Калыша, имелись региональные различия в распространении браков казахов с представителями других национальностей: «Доля национально-смешанных браков в различных регионах нашей

[4] Обзор Акмолинской области за 1913 г. Омск, 1914. [Электронный ресурс] Проект «Исторические материалы». URL: http://istmat.info/files/uploads/55720/obzor_akmolinskoy_oblasti_za_1913_god.pdf. С. 93 (дата обращения: 14.01.2021).

республики не одинакова. Она выше в тех регионах и областях, которые были непосредственно затронуты указанными выше социально-экономическими и миграционными процессами. Поэтому в Северном, Центральном и частично в Западном Казахстане такие браки создавались больше, чем в таких с преобладанием казахского населения южных областях, как Кызылординская, Атырауская, Южно-Казахстанская и Мангистауская. В последних четырех областях их удельный вес колебался в пределах 3,5–4,9–8,3–9,2%» [Калыш, 2013: 334]. Однако предубеждения против межнациональных браков были слабыми в городской среде и имели место в сельской местности южных областей.

Меняется отношение к межнациональным бракам со стороны казахов на закате советского общества. Объясняется это не только выравниванием уровня социального развития и ускоренной урбанизацией казахского населения, свою роль сыграли понимание национальных традиций казахов со стороны русских и национальных меньшинств и накопленный опыт межнациональных отношений, что устраняло опасения по поводу «конфликта культур» в рамках семьи и страхи по поводу ассимиляции. В Северном Казахстане русские в силу численности и давних связей с казахами преобладали в качестве брачных партнеров последних. А.Б. Калыш пишет: «Казахи при вступлении в национально-смешанные браки отдают предпочтение русским, потом – татарам, а татары, в свою очередь,– казахам и русским» [Калыш, 2013: 344].

Релевантную картину отношения к межнациональным бракам казахов и русских дают материалы этносоциологического опроса 1994 г. На вопрос «Как бы вы отнеслись к браку с человеком другой национальности вашего сына?» в целом по Казахстану считали нежелательным такой брак 36,7% (389 человек) казахов-горожан, 22,5% русских (251 человек); считали предпочтительным выбор невестки своей национальности, но не собирались возражать против выбора сына 29,7% (310 человек) казахских респондентов и 32% (358 человек) русских; в той или иной степени поддерживали позицию, что национальность в браке значения не имеет, 29,5% (305 человек) казахов и 39,3% (436 человек) русских. Почти 2/3 казахов в той или иной форме не возражали категорически против брака своего сына с невесткой другой национальности. Это связано не только с унифицирующим влиянием городской культуры, но и с уменьшением страхов перед ассимиляцией детей, рожденных в межнациональных браках. По оценке О.Б. Наумовой, 75% детей, родившихся в таких браках, идентифицировали себя как казахи [Naumova,1988: 155]. Выбор идентичности казахстанской молодежи свидетельствует о том, что национальная гибридизация не получила распространения и дети от межнациональных браков предпочитали идентифицировать себя как казахи или русские.

Межнациональные браки являются результатом межнациональных отношений народов. Борьба с расизмом и этническим национализмом в СССР способствовала реальному сближению советских народов во многих сферах общественной жизни, включая семейные отношения. Советский период характеризуется скрытым поощрением межнациональных браков. Однако неравномерность урбанизации и социальной модернизации, опасения этнической ассимиляции, сила традиций и стереотипов значительно тормозили распространение межнациональных браков в казахской среде до распада Советского Союза.

Тенденции развития браков между казахами и русскими Петропавловска в 1996–2020 гг. Основные тренды развития межнациональных браков в постсоветском Казахстане определяются динамикой этнополитических и этносоциальных процессов. Их влияние на такие факторы межнациональной брачности, как формирование этнической идентичности и миграционные установки, связано с изменениями этнодемографической структуры населения и этнокультурными сдвигами. Наибольшие потери населения имели место в 1990-е гг. Распад Советского Союза и глубокий социально-экономический кризис вызвали отъезд более 2,7 млн человек. По данным Министерства

экономики Республики Казахстан, за 1992–2011 гг. из республики выбыло 3,3 млн, около 2,0 млн человек – безвозвратно[5].

Численность и удельный вес казахского населения постоянно увеличивались в этот период за счет сохранения высокой рождаемости в сельских районах и приезда казахских переселенцев из Монголии, Китая, России и стран Средней Азии. Между переписями 1989 и 2009 гг. численность казахов в Казахстане выросла с 6534 тыс. до 10093 тыс. человек[6]. Кризис аграрного сектора в результате реформ привел к ускоренной урбанизации казахского населения, что в сочетании с массовым оттоком русских и немцев изменило национальную структуру казахстанских городов и этнокультурную ситуацию в целом.

Североказахстанский областной центр г. Петропавловск не был исключением. Если в 1989 г. численность казахов в Петропавловске составляла 18 тыс. человек (8,6%), в 2006 г. она возросла до 35 тыс. человек (18,4%), в 2016 г. увеличилась до 59 тыс. (27,3%). По данным областной статистики, в 2020 г. численность городских казахов достигла 65 тыс. (29,8%)[7]. Пополнение числа горожан происходило за счет миграции преимущественно казахов в молодом и зрелом возрасте, в то время как происходил массовый отток русской молодежи. Приток казахской молодежи ведет к увеличению количества браков между казахами и русскими. Пролить свет на причины данной особенности помогут материалы актовых записей о заключении брака, дающие возможность исследовать отдельные показатели межнациональных браков (возраст, образование, профессия).

С 1996 по 2016 г. в Петропавловске росло количество межнациональных браков (см. табл. 1).

Заметным становится увеличение браков между казахами и русскими. Доля подобных браков в 1996 г. составила 5,3%, в 2006 – 14,5%, в 2016 – 17,8% от всех межнациональных браков. Очевиден рост в 3,5 раза. Подобные браки представлены казахско-русскими и русско-казахскими парами (первой указана национальность мужчины, второй – женщины) (табл. 2).

Таблица 1

Браки, зарегистрированные в Петропавловске, в 1996–2016 гг.
(абс. число, % к общему числу зарегистрированных браков)

Браки	1996	2006	2016
Мононациональные	879 (76%)	1269 (73%)	1371 (71%)
Межнациональные	278 (24%)	358 (20,6%)	437 (22%)
Национальность не указана	–	111 (6,4%)	140 (7%)
Итого	1157	1738	1908

Примечание. Таблица составлена по материалам: Департамент 1996; Департамент 2006; Департамент 2016[8].

[5] Аналитический доклад на тему «Демографический прогноз Республики Казахстан: основные тренды, вызовы, практические рекомендации». Астана, 2014. С. 23.

[6] Там же. С. 21.

[7] Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2020 г. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ (дата обращения: 05.04.2021).

[8] Департамент юстиции Северо-Казахстанской области Министерства юстиции Республики Казахстан. Архив ЗАГС. Актовая книга государственной регистрации актов гражданского состояния, составленная на основании актовой записи о заключении брака (супружества). Петропавловск. 1996 г.; 2006 г.; 2016 г. Материалы собраны М.В. Могуновой в 2019 г.

Таблица 2

Браки между казахами и русскими, зарегистрированные в Петропавловске, в 1996–2016 гг.
(человек, % к числу всех межнациональных браков)

Межнациональные браки	1996	2006	2016
Казахско-русские	11 (3,9%)	33 (9,2%)	49 (11,2%)
Русско-казахские	4 (1,4%)	19 (5,3%)	29 (6,6%)
Итого	15 (5,3%)	52 (14,5%)	78 (17,8%)

Примечание. Таблица составлена по материалам: Департамент 1996; Департамент 2006; Департамент 2016[9].

Согласно материалам ЗАГС, средний возраст вступления в брак в русско-казахских и казахско-русских браках растет (табл. 3), приближаясь к 30-летнему рубежу. Важно подчеркнуть, что речь идет о браках между казахами и русскими всех очередностей[10]. В целом, средний возраст вступления в брак казахских мужчин оказался выше аналогичного показателя русских мужчин. Русские женщины старше по возрасту казахских невест. Предполагаем, что решение вступить в брак с представителем другой национальности требует от супругов жизненного опыта, социального капитала, что находит отражение в увеличении брачного возраста.

Таблица 3

Средний возраст вступления в брак
(1996–2016)

Брак		1996	2006	2016
Русско-казахский	Мужчина русский	23,75	26,05	28,62
	Женщина казашка	22,5	24,89	26,86
Казахско-русский	Мужчина казах	27,36	29,81	29,22
	Женщина русская	26,18	25,39	27,24

Примечание. Таблица составлена по материалам: Департамент 1996; Департамент 2006; Департамент 2016 (см. сноску 9).

Данные показывают, что казахи и русские, состоящие в межнациональном браке, образованны. В материалах ЗАГСа не встречалось упоминаний о наличии у кого-либо из казахов и русских начального образования, равно как и сведений об отсутствии образования у кого-либо из партнеров вообще. В казахско-русских браках на протяжении всего периода изучения доминировали пары с одинаковым образованием.

В целом, можно предположить, что вступление в законный брак предполагает в большинстве своем общность разделяемых интересов, близость социальных ценностей, которые находятся в тесной связи с образованием.

Отношение общества к межнациональным бракам. Увеличение браков между петропавловскими русскими и казахами связано не только с урбанизацией последних. Главными факторами становятся изменение среди молодежи и части старшего поколения отношения к таким ранее неодобряемым со стороны казахских родителей брачным союзам и развивающееся этнокультурное сближение и взаимопонимание, как результат длительных и толерантных отношений. Отвечая на вопрос «Как бы вы отнеслись к браку вашего сына с девушкой любой другой национальности?» (2020), 19,4% казахских студентов были

[9] Там же.

[10] При работе с актовыми записями встречались данные о повторных браках среди казахов и русских. Однако в актовую запись сведения о расторжении брака вносятся только по факту, поэтому полной информацией об очередности зарегистрированных в 1996–2016 гг. межнациональных браков казахов и русских авторы исследования не располагают.

отрицательно настроены в отношении межнациональных браков, еще 18,2% при отрицательном отношении не стали бы возражать. Безразлично, так как национальность в браке не имеет значения, отнеслись бы 20% респондентов, еще 10,6% затруднились ответить на вопрос. Остальные 31,8% в той или иной мере были настроены положительно к межнациональным бракам. Старшее поколение казахов в большинстве (48,8%) отрицательно отнеслось к возможности такого брака, только 10,6% опрошенных поддержали идею, что национальность в браке не имеет значения, и 5,7% затруднились с ответом, с оговорками не возражали 34,9%.

Для сравнения: в 1994 г. в самом Петропавловске 35,4% казахов посчитали нежелательными межнациональные браки для своих детей, 33,4% предпочли бы невесту своей национальности, но возражать относительно выбора не стали бы. Лишь 10,4% респондентов-казахов полагали, что национальность в браке значения не имеет. Очевидно, что положительный сдвиг в отношении межнациональных браков затронул в основном молодежь.

Негативное отношение к межнациональным бракам, по данным опроса 1994 г., усиливалось в случае вероятного брака дочери с представителем другой национальности. Значительно меньшая доля казахов (22,3%) и русских (36,1%) скорее согласились бы на межнациональные браки своих дочерей. В традиционном восприятии казахов жена относится к роду супруга. Поэтому женщина, вышедшая замуж за человека другой национальности, отождествляется с национальностью мужа. Русские опасались подчиненного статуса своих дочерей в браке с представителями других народов.

Спустя 26 лет большинство казахов были по-прежнему против брака своих дочерей с представителями других национальностей – среди старшего возраста 59,4% и среди молодежи 45,9%. Только для 10,6% респондентов в старшей группе и 17,6% среди студенческой молодежи национальность в браке не имеет значения. Среди русских респондентов старшей группы отрицательное отношение к межнациональным бракам сына или дочери было значительно ниже, 18,5 и 23,9% соответственно. Более половины респондентов (54,6%) полагали, что национальность в браке не имеет значения. Среди русских студентов отрицательное отношение к межнациональным бракам сына и дочери было минимальным, 3,3% и 4,9% соответственно, более 2/3 русских студентов (68,9%) ответили, что национальность в браке не имеет значения.

Опрос 2020 г. указывает на позитивное отношение молодежи к межнациональным бракам. Стабильность межнациональных отношений и накопленный социальный капитал доверия способствует распространению такого отношения. Опрос показал, что 63,6% петропавловцев положительно ответили на вопрос «Доверяете ли вы незнакомым людям другой национальности?», отрицательно ответили 18,4% респондентов, большинство (84,5%) имели друзей другой национальности. На наш взгляд, материалы опроса подтверждают связь между стиранием национальных «перегородок» в семейно-брачных отношениях и уровнем межнационального доверия в обществе.

Заключение. Исследование показывает, что межнациональные браки являются надежными индикаторами интеграции общества с сопутствующим размыванием национальных границ и уменьшением этнокультурных дистанций. В то же время распространение межнациональных браков не означает «финальную стадию» ассимиляции. Тенденции развития браков между петропавловскими казахами и русскими, имеющими разное этнокультурное наследие, позволяют говорить и о важности сформированных в обществе традиций толерантности и взаимопонимания между народами, которые снижают опасения по поводу угрозы ассимиляции. Стремительная урбанизация казахского населения и выравнивание социально-профессионального состава с русскими создала объективные предпосылки для увеличения числа межнациональных браков. Не менее важны социальные сдвиги в отношении к межнациональным бракам и отсутствие межнационального отчуждения среди местных жителей, что связано с длительностью совместного проживания и сотрудничества. Знания друг о друге порождают определенный уровень взаимного доверия и снимают опасения казахов по поводу утраты национальных традиций и тревогу

русских женщин относительно гендерного неравенства. Анализ опросов указывает на позитивное или нейтральное отношение к самому факту межнационального брака и его последствиям. Количественные данные по Петропавловску подтверждают тенденцию увеличения браков между казахами и русскими. Качественные изменения заключаются в вовлечении казашек в браки с русскими, что ранее было редкостью.

Межнациональные браки между казахами и русскими существенно влияют на поддержание этнокультурных традиций, смещая их в сторону «европейской» семьи с такими чертами, как гендерное равенство, индивидуальный выбор. Однако межнациональные браки с участием казахов и русских не ведут к складыванию гибридных и панэтнических групп, отсутствует конструирование новых национальных границ. Выбор идентичности осуществляется преимущественно по отцу. Увеличение доли городских казахов ведет к интенсификации межнациональной брачности и формированию двухсоставного местного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борзых Н.П. Распространенность межнациональных браков в республиках Средней Азии и Казахстане в 1930-х годах // Этнографическое обозрение. 1970. № 4. С. 87–96.

Гаркава Е.В., Алиакпарова А.Б., Валов Ф.В., Шуренов Д.Б. Межнациональные браки в Павлодарской области: тенденции, сложности. Павлодар: Кереку, 2014.

Евстигнеев Ю.А. Динамика межэтнических браков в среде населения Северного Казахстана (1940–1969 гг.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1973.

Ем Н.Б. Международные браки в Южной Корее: проблемы и перспективы мультикультурализма. Алматы: Қазақ университеті, 2020.

Жигунова М.А. Матримониальные установки и межэтнические браки: Евразийский контекст // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1 (1). С. 62–65.

Жигунова М.А., Коптяева Е.А. Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 100–104.

Калыш А.Б. Семья и брак в современном Казахстане. Алматы: Арыс, 2013.

Козлов В.А. Казахстан и Эстония: оценка предпочтений при вступлении в межнациональные браки // Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 71–88.

Лурье С.В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 122–148.

Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123.

Уалиева С.К. Тенденции межэтнических браков в Казахстане // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (3). С. 405–413.

Хачатрян Л.А., Чадова А.А. Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1(25). С. 127–135.

Шатных А.В., Лебедева Т.В. Население Северо-Казахстанской области за 100 лет. Петропавловск, 1993.

Cohen R. Creolizationand Cultural Globalization: The Soft Sounds of Fugitive Power // Globalizations. 2007. Vol. 4. Iss. 3. P. 369–384.

Gaines S.O., Clark E.M., Afful S.E. Interethnic marriage in the United States: An introduction // Journal of Social Issues. 2015. № 71 (4). P. 647–658.

Gordon M. Assimilation in American Life. New York: Oxford University Press, 1964.

Naumova O.B. Contemporary Ethnic Process in Kazakhstan. Treatises and Document – Razprave in gradivo, Ljubljana, december 1988, st.,21. URL: https://rig-td.si/wp-content/uploads/2018/11/O.-B.-Naumova-Contemporary-ethnic-process-in-Kazakhstan.pdf (дата обращения: 24.03.2021).

Spickard P. Mixed Blood: Intermarriage and Ethnic Identity in Twentieth – Century America. The University of Wisconsin press, 1989.

Статья поступила: 30.08.21. Финальная версия: 01.02.22. Принята к публикации: 07.09.22.

MIXED MARRIAGES BETWEEN KAZAKHS AND RUSSIANS OF NORTHERN KAZAKHSTAN

KAZIEV S.Sh.*, STARCHENKO R.A., MOGUNOVA M.V. *****

**Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan; **Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Russia; ***Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan*

Sattar Sh. KAZIEV, Dr. Sci. (Histor.), Assoc. Prof., Department "History of Kazakhstan and Socio-Humanitarian Disciplines", Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan (sattarkaz@mail.ru); *Roman A. STARCHENKO, Cand. Sci. (Histor.), Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia* (starchencko.roman@yandex.ru); *Marina V. MOGUNOVA, Senior Lecturer, Department "History of Kazakhstan and Socio-Humanitarian Disciplines", Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan* (M_mogunova@mail.ru).

Abstract. This article shows main trends in the development of marriages between Russians and Kazakhs on the example of urban residents of Petropavlovsk from the mid-1990s to 2020. The aim of the work is to study factors contributing to intensification/blocking of interethnic marriage and to analyze the impact of interethnic marriages on ethno-cultural attitudes and identities. The main sources of the study were the materials of the act books of the state registration of civil status acts in the city department of the Civil Registry Office of the Department of Justice of the North Kazakhstan region. The trends identified in the materials of the Civil Registry Office were verified by conducting ethno-sociological studies. The study showed a steady increase in the number of marriages between Kazakhs and Russians and a change in the attitude of Kazakhs to mixed marriages in a positive direction. The analysis of sociological surveys indicates a positive or neutral attitude of the majority of respondents to the very fact of mixed marriage and to its further consequences. Quantitative data on the city of Petropavlovsk confirm a long-term trend of increasing number of marriages between Russians and Kazakhs. Qualitative changes are involvement of Kazakh women in marriages with Russians, previously such marriages were rare. Interethnic marriages between Kazakhs and Russians significantly affect ethno-cultural traditions, shifting them towards a "European" family with such characteristics as gender equality and individual choice. However, mixed marriages between Russians and Kazakhs do not lead to formation of hybrid and pan-ethnic groups, there is no construction of new ethnic borders. The choice of identity is made primarily by the father. Uncreasing share of urban Kazakhs leads to intensification of interethnic marriage and formation of a two-part local community due to the assimilation of ethnic minorities.

Keywords: interethnic marriages, Kazakhs, Russians, identity, ethno-cultural attitudes.

REFERENCES

Borzykh N. (1970) The prevalence of interethnic marriages in the Republics of Central Asia and Kazakhstan in the 1930s. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 4: 87–96. (In Russ.)

Cohen R. (2007) Creolization and Cultural Globalization: The Soft Sounds ofFugitive Power. *Globalizations*. Vol. 4. No. 3: 369–384.

Em N. (2020) *International marriages in South Korea: problems and prospects of multiculturalism.* Almaty: Қазақ universiteti. (In Russ.)

Evstigneev Yu.A. (1973) *Dynamics of interethnic marriages among the population of Northern Kazakhstan (1940–1969)*. Abstract. dis. … Cand. of Hist. Sci. Moscow. (In Russ.)

Gaines S., Clark E., Afful S. (2015) Interethnic marriage in the United States: An introduction. *Journal of Social Issues*. Vol. 71. No. 4: 647–658.

Garkava E.V., Aliakparova A.B., Valov F.V., Shurenov D.B. (2014) *Interethnic marriages in the Pavlodar region: trends, difficulties.* Pavlodar: Kereku. (In Russ.)

Gordon M. (1964) *Assimilation in American Life*. New York: Oxford University Press.

Kalysh A. (2013) *Family and marriage in modern Kazakhstan*. Almaty: Arys. (In Russ.)

Khachatryan L., Chadova A. (2016) Interethnic family in modern Russian society. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sozciologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 1 (25): 127–135. (In Russ.)

Kozlov V. (2017) Kazakhstan and Estonia: evaluation of preferences in intermarriages. *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics]. No. 1: 71–88. (In Russ.)

Lurie S. (2018) Interethnic marriages in the modern Russian national scenario. *Peterburgskaya socziologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology today]. No. 10: 122–148. (In Russ.)

Naumova O. (1988) Contemporary Ethnic Process in Kazakhstan. *Treatises and Document – Razprave in gradivo*, Ljubljana. URL: https://rig-td.si/wp-content/uploads/2018/11/O.-B.-Naumova-Contemporary-ethnic-process-in-Kazakhstan.pdf (accessed 24.03.2021).

Shatnykh A., Lebedeva T. (1993) *Population of the North Kazakhstan region for 100 years.* Petropavlovsk, Kooperativ "Poisk". (In Russ.)

Soroko E. (2014) Ethnically mixed married couples in the Russian Federation. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. Vol. 1. No. 4: 96–123. (In Russ.)

Spickard P. (1989) *Mixed Blood: Intermarriage and Ethnic Identity in Twentieth – Century America*. The University of Wisconsin press.

Ualieva S. (2017) Trends of interethnic marriages in Kazakhstan. *Mir Bol`shogo Altaya* [The world of the Big Altai]. No. 3 (3): 405–413. (In Russ.)

Zhigunova M. (2017) Matrimonial attitudes and interethnic marriages: the Eurasian context. *Kul`tura v evrazijskom prostranstve: tradiczii i novaczii* [Culture in the Eurasian space: traditions and innovations]. No.1: 62–65. (In Russ.)

Zhigunova M., Koptyaeva E. (2016) National-mixed marriages as a variation of ethno-cultural identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. No. 5 (43): 100–104. (In Russ.)

Received: 30.08.21. Final version: 01.02.22. Accepted: 07.09.22.

© 2022 г.

Е.В. ФАДЕЕВА

ПРАКТИКИ ЛЕЧЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ ГРАЖДАН: ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ФАДЕЕВА Екатерина Викторовна – кандидат социологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (fadeeva.belova@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена анализу вовлеченности населения в систему оказания квалифицированной медицинской помощи и особенностей восприятия россиянами допустимых практик лечения. На основе вторичных данных показано, что существенная доля граждан не придерживается принципов здорового образа жизни, не проходит диспансеризацию, бесконтрольно и активно применяет лекарственные средства для самолечения, декларируя в то же время здоровье ключевой социальной ценностью. Хроническое недоверие населения медикам вкупе со слабой доступностью медицинской помощи и отчетливым неравенством, обусловленным экономическим положением и возрастом пациентов, привели к широкому распространению практик самолечения и пренебрежительному отношению к необходимости обращаться за квалифицированной медицинской помощью. Перечисленные обстоятельства, вызывающие обеспокоенность профессионального сообщества, привели к перегрузкам в работе учреждений здравоохранения в ситуации пандемии.*

Ключевые слова: *медицинская помощь • доступность медицинской помощи • здоровьесберегающее поведение • здоровый образ жизни • практики лечения • самолечение • пандемия*

DOI: 10.31857/S013216250020180-1

Самооценка состояния здоровья, другими словами, степень удовлетворенности его состоянием – это обобщенный индикатор здоровья. Он свидетельствует как о наличии/отсутствии заболеваний или их симптомов, так и о внутреннем, психологическом самочувствии индивида [Покида и др., 2021: 193]. Этот параметр распространен в мире и используется при проведении опросов общественного мнения, связанных с определением отношения населения к работе национальной системы здравоохранения.

Россияне относятся к числу наций, наименее довольных состоянием своего здоровья: «индекс (удовлетворенности) здоровьем» в 2020 г. установился на уровне 46%[1], тогда как в ряде стран с сильными экономиками (США, Китай, Индия) этот показатель – выше 60%. С середины 1990-х гг. данные RLMS-HSE отражали постепенное улучшение самооценок здоровья россиян [Козырева, Смирнов, 2020: 72]. В последнее десятилетие, несмотря на экстраординарную обстановку 2020–2022 гг., самооценка состояния физического и ментального здоровья граждан показывает положительную динамику: в 2011 г. доля респондентов, оценивающих состояние своего здоровья как «слабое» или «удовлетворительное», опустилась с совокупных 55 до 47%[2]. Тем не менее удовлетворенность состоянием здоровья россиян по итогам 2021 г. ожидаемо снизилась по сравнению с 2020 г.[3]

Культура здоровьесберегающего поведения. Практическая реализация сознательного отношения индивида к своему здоровью как к социальной ценности в повседневных поведенческих практиках включает в себя отказ от курения, употребления спиртных

напитков, диеты и режим питания, занятия спортом, т.е. соблюдение основных принципов здорового образа жизни [Шматова, 2015: 59]. Исследование приверженности такой модели приводит к выводу о наличии у россиян глубоких и устойчивых расхождений в восприятии здоровья и необходимости его поддержания. С одной стороны, здоровье декларируется как безусловная общественная и индивидуальная ценность, с другой – на практике принципы здоровьесберегающего поведения игнорируются. Этот феномен описан в ряде работ Н.И. Беловой [2015; 2016; 2021: 59–60].

Пандемия не изменила ситуацию. Половина граждан по-прежнему не уделяет должного внимания своему состоянию: они не проходят профилактических медицинских обследований, не следят за режимом питания и отдыха, не поддерживают мышечный тонус[4]. За последнее десятилетие доля курильщиков в России существенно не изменилась: с разной степенью интенсивности курит более трети совершеннолетних граждан. По-прежнему свыше половины взрослых неумеренно употребляет спиртное[5]. Диспансеризацию за последние 5 лет прошло около 1/5 россиян, никогда не участвовала в таком обследовании четверть населения[6].

На практике граждане РФ слабо заботятся о здоровье, но в массовом сознании сохраняется представление о нем как важной жизненной ценности. Опросы позволяют выделить репертуар наиболее актуальных социальных страхов последних лет. До 2019 г. и спустя два года после начала пандемии коронавируса основные источники субъективного напряжения россиян – здоровье близких, опасения за детей (внуков), собственное здоровье[7] – фоновые экзистенциальные страхи. По информации на конец января 2022 г., треть жителей России в повседневной жизни больше всего беспокоится о состоянии собственного организма (33%), более половины – о самочувствии близких и детей (54%)[8]. Все это косвенно свидетельствует о восприятии здоровья как ключевой социальной ценности, а потому успешное удовлетворение основных потребностей человека в этой сфере – медицинская помощь и лекарственное обеспечение – должно иметь первостепенное значение при выстраивании государственной политики в области здравоохранения.

Оценка удовлетворенности граждан работой российской системы здравоохранения. В начальной стадии пандемии среди россиян преобладала отрицательная оценка национальной системы здравоохранения (в целом отрицательно – 50%, в целом положительно – 13%)[9]. Спустя полтора года результаты опросов общественного мнения[10] стали фиксировать её дифференциацию: 46% информантов считают, что отрасль справляется, 49% – не справляется. По итогам 2021 г. около половины россиян были согласны с утверждением о том, что система здравоохранения в России неэффективна[11], довольны ее работой были 39% респондентов[12]. В той или иной мере об удовлетворенности качеством медицинских услуг заявило чуть более половины опрошенных[13].

Число жалоб россиян в страховые медицинские организации на доступность и качество медицинской помощи по программе ОМС выросло за первые 10 месяцев 2021 г. в два раза, уровень удовлетворенности граждан полученной медицинской помощью составил всего 24,6%[14].

До пандемии десятку самых частых нарушений, вызывающих жалобы граждан, составляли[15]: ненадлежащее качество медицинской помощи, превышение предельных сроков и несвоевременное ее получение, отказ в оказании медпомощи, ее недоступность, ограничение доступности лекарств по ОМС, неправильное проведение профилактических мероприятий, недостатки в организации работы медорганизаций, приписки в медицинской карте, неэтичное поведение. В 2021 г. среди ключевых ситуаций нарушения прав пациентов[16] отмечено: отсутствие нужного специалиста в поликлинике (почти 79%), ожидание приема специалиста дольше 14 дней (66%) и покупка положенных бесплатно по льготным рецептам препаратов за свои деньги (64%). Доступность многих видов медицинского обслуживания – краеугольный камень социальной сферы[17].

Сегодня большинство россиян обращает внимание на неравенство в доступе к медицинской помощи из-за экономического положения и на возрастную дискриминацию.

Так, 87% граждан указывают на то, что богатым проще получить медицинскую помощь, чем бедным; 42% заявляют о неодинаковом доступе к медицинской помощи для разных возрастных категорий населения (пожилым – сложнее)[18]. Утверждение о том, что врачам в России можно доверять, поддерживают 53% граждан, 62% оценивают профессиональный уровень большинства российских медиков как недостаточный, а 58% считают, что врачи в России больше заботятся о своих доходах, чем о пациентах[19]. В то же время глобальный индекс доверия[20] показывает, что в пандемийный период наибольший уровень доверия среди представителей общественно важных профессий у людей вызывают именно врачи. В 2021 г. отношение жителей планеты к специалистам в области здравоохранения улучшилось, особенно заметно эта тенденция проявилась среди россиян: если в 2020 г. врачам доверяли 49% опрошенных жителей России, то в 2021 г. – 67%.

В целом, люди не испытывают оптимизма в своих ожиданиях относительно вероятной трансформации качества оказания медицинской помощи в России: только четверть россиян полагает, что после пандемии российское здравоохранение будет работать лучше, чем до ее начала, половина опрошенных уверена, что ничего не изменится[21].

Практики лечения. Сложности с доступом к бесплатной медицинской помощи, слабый уровень доверия медицинским работникам и фактическое отсутствие контроля за покупкой и потреблением лекарственных препаратов привели к широкому распространению в России практик самолечения. Согласно анализу результатов опросов общественного мнения [Белова, 2021: 59–60], в допандемийный период около трети населения использовали практики нетрадиционного лечения и самолечения, несмотря на низкий уровень фармацевтической грамотности[22], в гомеопатию верил каждый пятый[23].

Посещаемость россиянами медицинских учреждений остается устойчивой в течение последних 10 лет: за год к врачу обращается порядка 65% граждан[24]. На первый взгляд, эта цифра выглядит обнадеживающе, однако с ее помощью довольно сложно оценить реальный охват включения населения в практики обращения за квалифицированной медицинской помощью. Согласно результатам опроса медиков[25], соразмерная доля врачей (65%) периодически сталкивается с ситуациями, когда человек приходит уже с последствиями самолечения (в том числе самостоятельно назначенных антибиотиков); треть респондентов заявила, что встречают это в своей работе очень часто. Следовательно, доля тех, кто в случае заболевания незамедлительно обращается к медикам, значительно ниже, чем общий процент граждан, посетивших врачей за указанный период, что косвенно свидетельствует о недоверии населения медработникам.

Осторожное отношение к медикам как профессиональной группе особенно ярко проявилось в период пандемии. В 2020 г. доля тех, кто не вызывал врача при обнаружении симптомов респираторного заболевания, составила 80%, а каждый пятый россиянин самостоятельно назначал себе антибиотики, 14% – иммуномодуляторы[26]. В ситуации пандемии коронавирусной инфекции распространенность практик самолечения оказала дополнительную и беспрецедентную нагрузку на здравоохранение: большинство госпитализированных пациентов – те, кто вовремя не обратились к врачу и лечились самостоятельно. Своевременное оказание квалифицированной медицинской помощи таким пациентам на амбулаторном уровне могло бы значительно снизить нагрузку на стационары и число тяжелобольных пациентов, а также количество летальных исходов.

Опасения людей, связанные с вакцинацией от COVID-19, и слабый объем охвата иммунизацией в России (по состоянию на апрель 2022 г., согласно статистическим данным, полностью вакцинирована только половина населения[27]) также говорят о недоверии населения существующим вакцинам, медработникам и системе здравоохранения в целом. Только чуть более трети россиян сделали прививку, потому что посчитали, что это правильно; каждый пятый – из-за того, что его вынудили[28].

Позитивные практики конструирования ответственного отношения к здоровью. Сознательное формирование ответственного поведения в отношении здоровья – процесс разнонаправленный: с одной стороны, драйвером развития такой культуры должно

стать государство как гарант охраны здоровья населения, с другой стороны, встречные шаги в этом направлении следует делать и самому населению, и бизнесу.

Положительный опыт в части вовлечения граждан в практики здорового образа жизни и ответственного отношения к здоровью со стороны государства наиболее успешно реализован в Москве. В столице уже несколько лет функционируют городские оздоровительно-досуговые центры «Московское долголетие», профилактические летние павильоны «Здоровая Москва» и проект бесплатных занятий с профессиональными тренерами на свежем воздухе «Спортивные выходные» (май – октябрь). С начала работы программы «Московское долголетие» ее участниками стали более 410 тыс. москвичей старшего возраста, организовано свыше 1,1 тыс. клубов по интересам, более половины из которых имеют ЗОЖ-направленность[29]. В 2021 г. свыше 277 тыс. человек обследовались в павильонах «Здоровая Москва»[30], более 11 тыс. – посетили тренировки проекта «Спортивные выходные»[31].

Как было сказано ранее, пандемия COVID-19 не привела к существенным изменениям образа жизни населения в части употребления алкоголя, табакокурения и прохождения диспансеризации. Тем не менее в последнее десятилетие выросла доля россиян, так или иначе занимающихся физической активностью (с 50% до 58%) и ежедневно потребляющих свежие овощи и фрукты (с 30% до 47%)[32], что свидетельствует о фрагментарном и медленном, но все же постепенном движении российского общества к ответственному поведению в отношении своего здоровья.

Еще один позитивный шаг, сделанный регулятором уже на федеральном уровне в части содействия увеличению числа граждан, внимательно относящихся к своему здоровью и физической форме, – так называемый «спортивный вычет». С 1 января 2022 г. вступил в силу закон[33], согласно которому россияне смогут получать социальный налоговый вычет по налогу на доходы физических лиц за оплату физкультурно-оздоровительных услуг. Возмещение по расходам на физкультурно-оздоровительные услуги распространяется на стоимость абонементов на посещение физкультурно-оздоровительных мероприятий в организациях, включенных Министерством спорта РФ в специальный перечень[34]. По состоянию на конец 2021 г., таких спортивных организаций насчитывалось около 4 тыс. по всей стране (из них: 60% – государственные спортивные комплексы, школы и центры; 22% – индивидуальные предприниматели; 18% – общества с ограниченной ответственностью).

Заключение. Сегодня можно уверенно констатировать: пандемия COVID-19 стала точкой роста для российской системы оказания медицинской помощи. В условиях мобилизации отечественной медицины разные ее звенья проявили изумительную сплоченность. Несмотря на то что мы весьма достойно прошли все острые фазы пандемии, первыми в мире изобрели вакцину от коронавируса и сейчас, в условиях небывалого ужесточения западных санкций, отрасль продолжает неплохо справляться с новыми вызовами, а ситуация с лекарствами в России, в целом, остается нормальной, в сложный момент россияне продолжают надеяться только на себя. Отечественная система оказания медицинской помощи находится в ситуации хронического недоверия населения. Уровень удовлетворенности медицинской помощью крайне низок. Последние два года отчетливо показали, что люди не верят ни чиновникам от здравоохранения, ни медицинским работникам, ни российским ученым-медикам. Граждане не доверяют российским врачам и считают, что их профессиональный уровень ниже необходимого. Зафиксированные всплески необычайного ажиотажного спроса на антибиотики и противовирусные препараты в разгар пандемии и лихорадочная скупка лекарств, используемых больными с гипотиреозом и эпилепсией, весной 2022 г. показали, что российское общество сомневается в надежности работы государственного механизма лекарственного обеспечения. Дело не столько в удорожании препаратов, сколько в боязни остаться без них. Работа по конструированию ответственного отношения населения к собственному здоровью – эффективное, но недостаточное решение проблемы включенности граждан в практики обращения за квалифицированной медицинской помощью. Вернуть веру людей в российское

здравоохранение просто: важно обеспечить реальный доступ к качественной и своевременной медицинской помощи для всех категорий граждан, вне зависимости от их материального, социального положения и места жительства. Система здравоохранения только тогда будет работать стабильно, исправно и эффективно, когда ее важнейшие структурные элементы – медработники и население – окажутся уравновешены в доступе к важнейшим благам: врачи – материальным (достойный уровень заработной платы в государственных учреждениях здравоохранения), пациенты – нематериальным (адекватный уровень доступности своевременной квалифицированной медицинской помощи и лекарств).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Международная аналитика Romir/GlobalNR: жители ведущих стран оценили уровень удовлетворенности здоровьем // Ромир. 2020. URL: https://romir.ru/studies/mejdunarodnaya-analitika-romirglobalnr-jiteli-vedushchih-stran-ocenili-uroven-udovletvorennosti-zdorovem (дата обращения: 29.03.2022).

[2] Забота о здоровье // Левада-Центр*. 2022. URL: https://www.levada.ru/2022/03/28/zabota-o-zdorove/ (дата обращения: 29.03.2022).

[3] Двадцать лет спустя: более половины россиян удовлетворены качеством медицинских услуг // Ромир. 2022. URL: https://romir.ru/studies/dvadcat-let-spustya-bolee-poloviny-rossiyan-udovletvoreny-kachestvom-medicinskih-uslug (дата обращения: 29.03.2022).

[4] Половина россиян ведут нездоровый образ жизни // НАФИ. 2021. URL: https://nafi.ru/analytics/polovina-rossiyan-vedut-nezdorovyy-obraz-zhizni/ (дата обращения: 29.03.2022).

[5] См. сноску 2.

[6] Здоровье и питание россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2021. URL: https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10790 (дата обращения: 29.03.2022).

[7] Страхи и проблемы российского общества // Левада-Центр*. 2022. URL: https://www.levada.ru/2022/03/10/strahi-i-problemy-rossijskogo-obshhestva/ (дата обращения: 19.04.2022).

[8] Тревоги и опасения людей // ФОМ. 2022. URL: https://fom.ru/Nastroeniya/14685 (дата обращения: 19.04.2022).

[9] Международная аналитика Romir/GlobalNR: граждане оценили общее состояние национальных систем здравоохранения // Ромир. 2020. URL: https://romir.ru/studies/mejdunarodnaya-analitika-romirglobalnr-grajdane-ocenili-obshchee-sostoyanie-nacionalnyh-sistem-zdravoohraneniya (дата обращения: 29.03.2022).

[10] Российское здравоохранение: мнения и тренды // ВЦИОМ. 2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskoe-zdravookhranenie-mnenija-i-trendy (дата обращения: 14.02.2022).

[11] Доверие системе здравоохранения // Левада-Центр*. 2022. URL: https://www.levada.ru/2022/02/16/doverie-sisteme-zdravoohraneniya/ (дата обращения: 24.03.2022).

[12] Оценка медицинской помощи // Левада-Центр*. 2022. URL: https://www.levada.ru/2022/02/18/otsenka-kachestva-meditsinskoj-pomoshhi/ (дата обращения: 24.03.2022).

[13] Двадцать лет спустя: более половины россиян удовлетворены качеством медицинских услуг // Ромир. 2022. URL: https://romir.ru/studies/dvadcat-let-spustya-bolee-poloviny-rossiyan-udovletvoreny-kachestvom-medicinskih-uslug (дата обращения: 24.03.2022).

[14] *Савенкова Д.* В России зафиксирован всплеск жалоб на государственную медицину // Ведомости. 2021. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/12/14/900494-v-rossii-zafiksirovan-vsplesk-zhalob-na-gosudarstvennuyu-meditsinu (дата обращения: 14.02.2022).

[15] *Шевченко Р.* Неправомерные требования оплаты лидируют среди нарушений прав пациентов // Медвестник. 2019. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Nepravomernye-trebovaniya-oplaty-lidiruut-sredi-narushenii-prav-pacientov.html (дата обращения: 15.02.2022).

[16] *Калиновская Е.* Больше 64% льготников покупают положенные им бесплатные лекарства за свой счет // Фармвестник. 2021. URL: https://pharmvestnik.ru/content/news/Bolshe-64-lgotnikov-pokupaut-polojennye-im-besplatnye-lekarstva-za-svoi-schet.html (дата обращения: 15.02.2022).

[17] См. сноску 7.

[18] Справедливость в оказании медицинской помощи // Левада-Центр*. 2022. URL: https://www.levada.ru/2022/02/22/spravedlivost-v-okazanii-meditsinskoj-pomoshhi/ (дата обращения: 24.03.2022).

*Выполняет функции иноагента.

[19] См. сноску 11.

[20] Global Trustworthiness Index 2021 // Ipsos. 2021. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021–10/Global-trustworthiness-index-2021.pdf (дата обращения: 24.03.2022).

[21] Жизнь после пандемии: ожидания и прогнозы // ФОМ. 2022. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14676 (дата обращения: 21.03.2022).

[22] Россияне сами назначают себе лекарства и убеждены в возможности их покупки без рецепта // Медвестник. 2019. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Rossiyane-sami-naznachayut-sebe-lekarstva-i-ubejdeny-v-vozmojnosti-ih-pokupki-bez-recepta.html (дата обращения: 19.04.2022).

[23] В гомеопатию верит каждый пятый россиянин // Исследовательский центр портала Superjob.ru. 2019. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/112233/v-gomeopatiyu-verit-kazhdyj-pyatyj-rossiyanin/ (дата обращения: 19.04.2022).

[24] См. сноску 2.

[25] *Приемская Е.* Холодный прием: почему россияне боятся идти к врачу // Известия. 2021. URL: https://iz.ru/1184254/evgeniia-priemskaia/kholodnyi-priem-pochemu-rossiiane-boiatsia-idti-k-vrachu (дата обращения: 19.04.2022).

[26] *Ясакова Е.* Врача не вызывали: как россияне занимаются самолечением COVID-19 // Известия. 2020. URL: https://iz.ru/1089977/ekaterina-iasakova/vracha-ne-vyzyvali-kak-rossiiane-zanimaiutsia-samolecheniem-covid-19 (дата обращения: 19.04.2022).

[27] Coronavirus (COVID-19) Vaccinations // Our World in Data. 2022. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=RUS (дата обращения: 23.04.2022).

[28] Коронавирус и вакцинация // ФОМ. 2022. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14715 (дата обращения: 23.04.2022).

[29] В столице открыли 13 новых центров московского долголетия // Ведомости. 2022. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/ourcity/articles/v-stolitse-otkrili-13-novih-tsentrov-moskovskogo-dolgoletiya (дата обращения: 28.04.2022).

[30] Павильоны «Здоровая Москва» вернутся в парки в мае // Официальный сайт Мэра Москвы. 2022. URL: https://www.mos.ru/news/item/105369073/?utm_source=search&utm_term=serp (дата обращения: 28.04.2022).

[31] С начала проекта «Спортивные выходные» количество участников увеличилось почти на 60% // ГБУ города Москвы «Многофункциональные центры предоставления государственных услуг». 2021. URL: https://md.mos.ru/presscenter/news/detail/10313026.html (дата обращения: 28.04.2022).

[32] Забота о здоровье // Левада-Центр*. 2022. URL: https://www.levada.ru/2022/03/28/zabota-o-zdorove/ (дата обращения: 29.03.2022).

[33] Федеральный закон от 05.04.2021 № 88-ФЗ «О внесении изменений в статью 219 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в части предоставления социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком за оказанные ему физкультурно-оздоровительные услуги».

[34] Перечень физкультурно-спортивных организаций, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности, на 2022 год // Министерство спорта РФ. 2021. URL: https://mst.mosreg.ru/download/document/11727087 (дата обращения: 02.05.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белова Н.И. Здоровье в жизненном мире россиян: противоречия и парадоксы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. № 7 (150). С. 101–105.

Белова Н.И. Здоровье в жизненном мире россиян: теория, практики поддержания, новые тенденции. М.: Ключ-С, 2021.

Белова Н.И. Здоровье и практики его сохранения/поддержания // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): науч. изд. / Под ред. *Ж.Т. Тощенко.* М.: ЦСПиМ, 2016. С. 113–129.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70–81.

Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Газиева И.А. Самооценки состояния здоровья занятых россиян и основные способы лечения // Власть. 2021. Т. 29. № 3. С. 190–200.

Шматова С.С. Опыт социологической интерпретации практик здоровьесберегающего поведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 58–60.

Статья поступила: 11.05.22. Финальная версия: 20.07.22. Принята к публикации: 30.08.22.

TREATMENT PRACTICES IN PUBLIC PERCEPTION: BASED ON RUSSIAN NATIONWIDE SURVEYING

FADEEVA E.V.

Russian State University for the Humanities, Russia

Ekaterina V. FADEEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (fadeeva.belova@mail.ru).

Abstract. The paper focuses on an analysis of reasons for low involvement of the population in the system of professional healthcare and the perception specifics of permissible treatment practices by Russians. Based on the secondary data about changes in the commitment of Russians to health preservation practices, assessment of how population is satisfied with the Russian healthcare system and subjective assessment of health status, it is shown that a significant proportion of citizens fail to adhere to a healthy lifestyle and undergo medical examinations widely applying self-medication without medical supervision, while declaring health to be a key social value. The long-established public distrust to healthcare professionals, coupled with the poor accessibility of healthcare and distinctly traced inequality arising from patients' financial situation and age, have resulted in widely spread self-medication practices and neglect of the need to seek professional medical attention, which has caused a deep concern of the professional community and overburdened healthcare institutions amid the pandemic.

Keywords: healthcare, accessibility of healthcare, health preserving behavior, healthy lifestyle, treatment practices, self-medication, pandemic.

REFERENCES

Belova N.I. (2015) Health in the lifeworld of Russians. Contradictions and paradoxes. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art Studies» Series]. No. 7 (150): 101–105. (In Russ.)

Belova N.I. (2021) *Health in the life-world of Russians: theory, maintenance practices, new trends: monograph*. Moscow: Klyuch-S. (In Russ.)

Belova N.I. (2016) Health and Practices of Preserving/Maintaining. In: Toshchenko Zh.T. (ed.) *The Life of Russians: 25 Years Later (late 1980s – mid 2010s):* Scientific publication. Moscow: TsSPiM: 113–129. (In Russ.)

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2020) Russian Citizens' Health Self-Assessment Dynamics: Relevant Trends of the Post-Soviet Era. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 70–81. (In Russ.)

Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Gazieva I.A. (2021) Self-assessment of the health state of employed Russians and basic methods of treatment. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 29. No 3: 190–200. (In Russ.)

Shmatova S.S. (2015) Experience of Sociological Interpretation of Healthy Behavioral Practices. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija* [News of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science]. Vol. 15. No. 2: 58–60. (In Russ.)

Received: 11.05.22. Final version: 20.07.22. Accepted: 30.08.22.

© 2022 г.

Е.С. БОГОМЯГКОВА, Е.А. ОРЕХ, М.Е. ГЛУХОВА

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКАХ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

БОГОМЯГКОВА Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент (e.bogomyagkova@spbu.ru); *ОРЕХ Екатерина Александровна – кандидат социологических наук, доцент* (e.orekh@spbu.ru). *Обе – кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета; ГЛУХОВА Мария Евгеньевна – аспирантка факультета социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге* (mglukhova@eu.spb.ru). *Все – Санкт-Петербург, Россия.*

Аннотация. *Представлены результаты исследования использования цифровых технологий жителями Санкт-Петербурга в практиках заботы о здоровье. Исследование включало проведение интервью (N = 90) и телефонного опроса (N = 861). Установлено, что телемедицина, применяемая в нашей стране в последнее время, в частности, для дистанционного контроля за состоянием здоровья пациентов, пока не пользуется популярностью у петербуржцев. Рассмотрены четыре формы проявления заботы о здоровье, в двух случаях сочетающие традиционные и новые практики: «цифровая забота», «здоровый образ жизни», «классическая забота» и «продвинутая забота». Цифровые технологии выступают лишь инструментами, способствующими реализации новых представлений о здоровье в конкретных практиках. Среди факторов, влияющих на вовлечение в цифровые способы заботы о здоровье, наиболее существенны возраст респондента, использование Интернета и доверие к «цифровым» источникам информации. Выявленные возрастные различия позволяют поставить вопрос о неравенстве в доступе к медицинской помощи. Исследование продемонстрировало высокие показатели доверия к медицинским профессионалам и к личному опыту.*

Ключевые слова: *цифровое здравоохранение • забота о здоровье • телемедицина • цифровой селф-трекинг • медицинский блогинг*

DOI: 10.31857/S013216250018705-8

Постановка проблемы. Темы цифровизации жизни человека, привычные для академического, политического и повседневного дискурсов, обретают сегодня новое звучание. Одной из них является цифровизация здравоохранения (digital healthcare или d-Health). Ее значение возросло в период пандемии COVID-19 благодаря обострившейся необходимости сохранения здоровья населения. Выступая одним из аспектов становления медицины 4-П (персонализированной, превентивной, профилактической, партисипативной), d-Health призвано повысить эффективность и доступность врачебной помощи для различных социальных групп, а также обеспечить индивидуализированный подход к каждому отдельному случаю. Помимо организационных изменений здравоохранения, к которым относятся внедрение телемедицинских сервисов для обеспечения коммуникации внутри профессионального сообщества, создание единых электронных карт пациента и разработка цифровых таблеток[1], речь идет также о ряде новых технологически опосредованных способов заботы о здоровье, кардинально преобразующих опыт пациента. Это дистанционное взаимодействие с врачом, цифровой селф-трекинг[2], коммуникация в сетевых

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-013-00770А).

[1] Таблетки, оснащенные сенсором, который фиксирует проглатывание пациентом лекарства и соблюдение предписанного врачом режима приема препаратов.

[2] Селф-трекинг – регулярный сбор, мониторинг и анализ биометрических, поведенческих, эмоциональных, социальных и иных персональных данных самим человеком. В случае цифрового селф-трекинга для этих целей используются гаджеты (умные часы, фитнес-браслеты) и мобильные приложения.

онлайн-сообществах, объединяющих людей со сходными недугами, участие в онлайн-марафонах и многое другое.

В зарубежных и отечественных исследованиях в рассматриваемой нами области в поле внимания наиболее часто попадают этико-правовые и организационные аспекты изменений либо конкретные «цифровые» практики заботы о здоровье. Следует отметить широкую дискуссию о развитии телемедицины в нашей стране. Статьи по данной проблематике можно найти в профильном «Российском журнале телемедицины и электронного здравоохранения»[3] и в специальных выпусках немедицинских журналов (например, № 2 журнала «Население и экономика» за 2018 г.). Несколько реже объектом интереса отечественных ученых становятся цифровой селф-трекинг [Богомягкова, Дупак, 2021; Давыдова и др., 2021; Ним, 2020] или активность пациентов в социальных сетях [Дудина, Артамонова, 2018]. В то же время чувствуется недостаток данных о том, насколько распространены новые цифровые практики заботы о здоровье среди населения и, главное, как они комбинируются с традиционными способами – занятиями спортом, контролем питания, посещением врача. Какие факторы обусловливают привлечение цифровых технологий для поддержания хорошего самочувствия? Эти вопросы остаются за рамками внимания исследователей цифровизации медицины в нашей стране. В настоящей статье мы попытаемся ответить на них, обратившись к примеру одного крупного города.

Дизайн эмпирического исследования. На первом этапе (с августа 2020 г. по апрель 2021 г.) проведены 90 полуструктурированных интервью с жителями крупных городов России (преимущественно Санкт-Петербурга, Москвы, Ульяновска, Петрозаводска, Ярославля, Нижнего Новгорода), использующими цифровые технологии для заботы о здоровье. Полученные в ходе них результаты легли в основу разработки анкеты. На втором этапе исследования (август 2021 г.) был проведен телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга во взаимодействии с Ресурсным центром Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования»[4], выборка квотная по полу и возрасту. Опрошены 861 человек, среди которых 56,2% – женщины, 43,8% – мужчины. Среди участников исследования 21,7% принадлежат к группе 18–29 лет, 19,9% – 30–39 лет, 15,8% – 40–49 лет, 17,7% – 50–59 лет, 25,0% – 60 лет и старше, около половины (47,9%) имеют высшее образование, 45,6% состоят в зарегистрированном браке, 51,2% являются наемными работниками. Около половины респондентов (51,7%) отметили, что имеют хронические заболевания. В выборку попали петербуржцы, проживающие в Санкт-Петербурге не менее одного года; опрос охватил жителей всех районов города.

Метод телефонного опроса выбран для включения в выборку также тех, кто не являются активными пользователями Интернета. В ходе опроса предполагалось обнаружить новые способы заботы о здоровье в общей популяции, рандомизированной в том числе по частоте, регулярности и длительности применения электронных новшеств.

На основе результатов интервью мы сформулировали ряд гипотез, предположив, что приверженность новым цифровым формам заботы о здоровье связана с социально-демографическими характеристиками, что с увеличением возраста будет расти обращение к телепередачам о здоровье как к источнику информации. Возраст респондента может влиять на способности и желание осваивать новые технологии. В качестве одного из факторов использования цифровых способов заботы о здоровье была рассмотрена вовлечённость в интернет-культуру. Частота и диапазон обращения к Интернету с различными целями, а главное – опривычивание использования цифровых технологий могут способствовать более успешному освоению новых практик заботы о здоровье. Поскольку модель цифрового здравоохранения подразумевает появление пациента нового типа – осознанного, автономного, вовлеченного в заботу о своем самочувствии и готового брать ответственность за него на себя, мы предположили, что значимой предпосылкой

[3] Подробнее см.: URL: https://jtelemed.ru/node/3491 (дата обращения: 12.02.2022).
[4] Проект № 106-21779.

освоения инноваций могут выступать сложившиеся представления о том, кто именно – врач или пациент – несёт наибольшую ответственность за здоровье. Далее, мы стремились обнаружить связи между доверием к источникам информации о здоровье и способами заботы о нём. С одной стороны, доверие предполагает применение того, чему доверяешь, с другой – регулярное обращение к определенным ресурсам и методам поддержания здоровья формирует доверие к ним. Так, периодический просмотр текстов/видео на тему здоровья от блогеров, вероятно, порождает доверие этой информации, и наоборот, и т.д. Однако наибольший интерес для нас представляло то, как цифровые технологии становятся элементами новых способов заботы о здоровье, как они сочетаются между собой. Мы полагали, что они будут тесно связаны, составят единый «цифровой» способ заботы о здоровье.

Полученные данные были обработаны с помощью программ R и SPSS Statistics (ver. 23). P (Sig) < 0,05 была принята значимой. Применялись корреляционный анализ (критерии Пирсона, Спирмена), эксплораторный факторный анализ, сравнение средних. При оценке показателей коэффициентов корреляции мы опирались на шкалу Чеддока. Несмотря на то, что большинство выявленных нами связей являются слабыми или умеренными, они позволяют делать важные предположения о действительных трансформациях сферы заботы о здоровье и могут служить основанием для формулирования новых гипотез. Поскольку базой настоящего исследования являются жители мегаполиса – Санкт-Петербурга, уровень жизни в котором выше, чем во многих российских городах, полученные результаты не могут однозначно распространяться на все население нашей страны. Однако с определенной долей условности они могут характеризовать жителей иных крупных городов России.

Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье. На первом этапе мы стремились выявить распространение различных практик заботы о здоровье среди респондентов. Не считая очного посещения врача (большая часть обследуемых были у врача хотя бы один раз за последние полгода), лидирующие позиции у петербуржцев занимают спортивные тренировки и физические упражнения: когда-либо практиковали спорт 94,9% опрошенных, 65,4% занимались спортом в течение последней недели. Среди практик заботы о здоровье популярен контроль показателей состояния здоровья – цифровой и нецифровой, однако обращение к «классическим» приборам (тонометр, пульсоксиметр и т.п.) происходит несколько чаще. Цифровой селф-трекинг менее популярен (им никогда не занимались половина опрошенных, классические приборы никогда не использовали 7,8% респондентов). Однако те, кто его практикует, скорее всего, делают это регулярно: среди них 32,7% контролировали свои показатели с помощью цифровых гаджетов и мобильных приложений на прошлой неделе.

Когда-либо искали информацию о здоровье в Интернете 79,3% опрошенных (четверть выборки – в течение последней недели). Просмотр телепередач о здоровье проигрывает поиску сведений медицинского характера в онлайн-пространстве, но всё же популярен: 62,3% респондентов отметили, что смотрят подобные передачи (14,5% в течение последней недели). Вероятно, обращение к интернет-ресурсам чаще происходит в поисках конкретной информации, нужной сию минуту. Даже те, кто читает/смотрит посты блогеров по вопросам здоровья (17,2% делали это в течение последней недели, 47,4% – когда-либо вообще), в большинстве своем (62,5%) не подписаны на определенных авторов, а по всей вероятности эпизодически обращаются к разным блогерам по конкретным запросам.

Остальные цифровые практики задействуются в разной степени. Четверть выборки – 25,2% – общались когда-либо с врачом дистанционно, как с применением телемедицинских сервисов, так и с помощью ставших привычными средств связи – мессенджеров, электронной почты, телефона. Менее всего петербуржцы оказались склонными делиться с другими людьми информацией о своём здоровье или о собственном опыте преодоления болезни в социальных сетях (90,7% опрошенных никогда этого не делали). Мы видим, что опосредованные цифровыми технологиями способы заботы о здоровье по популярности уступают традиционным вариантам (табл. 1).

Таблица 1

«Цифровые» и «традиционные» практики заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга
(N = 861, в % от числа опрошенных)

Проявления заботы о своем здоровье	В течение последней недели	Когда-либо	Никогда	Затрудняюсь ответить
Очно посещали врача	19,2	98,8	0,7	0,5
Занимались спортом, физическими упражнениями, тренировками	65,4	94,9	4,6	0,5
Контролировали различные показатели состояния здоровья с помощью «классических» приборов (пульсоксиметр, тонометр и т.д.)	39,4	91,3	7,8	0,9
Искали информацию о здоровье в Интернете	25,1	79,3	18,6	2,1
Смотрели ТВ-передачи, посвященные вопросам здоровья	14,5	62,3	35,9	1,8
Контролировали питание/потребленные калории	40,2	57,5	42,2	0,3
Контролировали различные показатели с помощью гаджетов и мобильных приложений (цифровой селф-трекинг)	32,7	48,7	50,9	0,4
Читали паблики, посты блогеров, смотрели видео в Интернете, посвященные вопросам здоровья	17,2	47,4	50,5	2,1
Посещали психолога, психотерапевта, медитировали или иначе заботились о своем эмоциональном состоянии	18,5	46,3	52,9	0,8
Посещали форумы и сетевые сообщества, посвященные вопросам здоровья	5,2	32,5	66,5	1,0
Участвовали в марафонах и играх (снижение веса, бег, контроль питания и т.д.)	1,8	27,4	72,2	0,4
Общались с врачом дистанционно, используя электронные средства связи (телемедицинские сервисы, мессенджеры, электронную почту и т.д.)	4,9	25,2	74,5	0,3
Подписаны на конкретных блогеров, рассказывающих о здоровье	–	13,7	82,1	4,2
Делали генетический анализ	0,6	9,6	89,6	0,8
Делились информацией о своем здоровье, опыте выздоровления и т.д. в сетевых сообществах или на специализированных форумах	2,3	8,9	90,7	0,4

Респонденты, когда-либо обращавшиеся к телемедицине, в качестве основных причин использования данного сервиса отметили оперативность (возможность получить консультацию быстро) – 41,3% от опрошенных, экономию сил и времени (нет необходимости очного визита к врачу) – 39,3%, удобство подобных консультаций в период

пандемии – 39,1%. Некоторые опрошенные отдельно указали возможность проведения личной консультации без экстренного повода, для расширения знаний о своем здоровье. Среди аргументов отказа от использования телемедицинских услуг главным является опасение в отношении получения некорректных рекомендаций – постановка диагноза о состоянии здоровья без физического контакта с врачом, без возможности проведения непосредственного осмотра для многих проблематична (26,8%). Часть респондентов считают, что в этом случае пациент должен брать на себя дополнительную ответственность за точное описание симптомов врачу (14,9%). Некоторые не знали о такой возможности (15,8% из тех, кто не пользовался подобными сервисами).

Примерно четверть респондентов (23,6%), не имевших опыта медицинских консультаций онлайн, ответили, что (пока) не возникало такой потребности: эти люди либо не болели, либо не имеют привычки обращаться к врачам в принципе, занимаются самолечением, либо имеют врача среди семейного окружения. Некоторые участники исследования (5,3%) в рамках варианта «другое» отметили сложности технического характера: кому-то проблематично понять, как работает сервис и предоставляет ли такие консультации поликлиника по ОМС; у кого-то нет стабильного Интернета, кого-то подводят зрение и нет опыта работы с цифровыми устройствами. Подобные объяснения маркируют социальное неравенство: экономические различия или разрывы в доступе к новым технологиям и в возможностях их освоения. Таким образом, нельзя утверждать, что цифровые технологии действительно обеспечивают большую доступность медицинской помощи. Скорее, они порождают новые виды неравенства.

Участники исследования, использующие гаджеты и мобильные приложения, чаще применяют их для мониторинга показателей физической активности: контролируют количество шагов (82,1% от использующих), величину пройденной дистанции (56,8%), пульс (52,7%). Менее популярно отслеживание пищевых привычек – потреблённых калорий (20,0%) или количества выпитой воды (13,8%), качества сна (26,6%). Респонденты назвали следующие причины использования цифровых устройств для самонаблюдения: почти половина (48,0%) из числа тех, кто так или иначе вовлечен в цифровой селф-трекинг, стремятся таким образом следить за здоровьем, 35% отметили, что оптимизируют образ жизни, 46,1% нравится наблюдать за числовыми показателями самочувствия, а 14,2% стремятся быть в тренде современной жизни. При этом среди занимающихся самомониторингом 40,3% отметили, что следуют рекомендациям цифровых устройств, 25,1% указали, что не следуют, а 31,9% ответили, что их девайс не дает советов.

Среди респондентов, не контролирующих показатели здоровья с помощью цифровых устройств, 27,8% склонны доверять своим ощущениям, не ориентируясь на количественные показатели, 18,1% в принципе не интересуются информацией данного рода. Еще 20,6% отметили, что сомневаются в надежности рекомендаций и советов, поставляемых девайсом, 10,8% пугает высокая стоимость подобных устройств, а 4,7% не знали о таких возможностях. Любопытно, что наиболее дискутируемые в публичном и научном дискурсах риски цифровизации в наименьшей степени волнуют респондентов: 6,1% указали, что воспринимают цифровое устройство как источник нежелательного контроля, 5,9% беспокоятся о безопасности и конфиденциальности персональной информации.

В ходе исследования обнаружены корреляции между новыми практиками заботы о здоровье и вниманием респондента к своему психоэмоциональному состоянию. Например, тот, кто следит за психологическим самочувствием, несколько чаще ищет информацию в Интернете (0,167[5]), посещает форумы и сетевые сообщества (0,222), читает паблики и посты блогеров (0,206), обращается к услугам телемедицины (0,195) и занимается цифровым селф-трекингом (0,229). Заботиться о внутреннем мире несколько больше свойственно молодым людям (0,228).

[5] Здесь и далее, если не указано иное, критерий Спирмена, $p < 0,01$.

Вопреки ожиданиям, связи показателей самооценки здоровья и готовности нести за него ответственность с использованием цифровых технологий обнаружено не было. Наличие хронического заболевания также не коррелирует с вовлечением в цифровизацию. Напротив, группе хронических больных свойственны практики просмотра телепередач медицинской направленности и применение нецифровых приборов (например, пульсоксиметра, тонометра и др.) для мониторинга своего состояния (критерий Манна-Уитни, $p<0,01$). Статистически значимых интересных различий в использовании инноваций в зависимости от пола, образования и уровня дохода не выявлено. Наиболее существенным показателем, связанным с принятием новых практик заботы о здоровье, оказался возраст: представители старших групп склонны меньше вовлекаться в цифровые способы поддержания хорошего самочувствия, что может быть обусловлено менее регулярным использованием Интернета (0,469), в том числе для поиска информации о здоровье (0,273). За такого рода сведениями они несколько чаще обращаются к ТВ-передачам (–0,292[6]). Чем старше человек, тем менее он склонен общаться с врачом дистанционно (0,210). Молодые респонденты несколько чаще, чем представители старших поколений, посещают форумы и специализированные сетевые сообщества (0,282), читают паблики и посты блогеров, а также просматривают видео в Интернете, посвященные вопросам здоровья (0,308).

Доверие к цифровым технологиям. На этапе планирования исследования мы предполагали, что вовлеченность в использование цифровых технологий связана с доверием к ним. Однако если 79,3% респондентов когда-либо искали медицинскую информацию в Интернете, то полностью или частично доверяют данному источнику сведений 25,6%. Схожие данные получены и по другим технологиям. Обнаруженный в общем массиве столь значительный разрыв заставил нас рассмотреть распределения доверия в группах тех, кто использовал цифровые технологии когда-либо и делал это недавно (табл. 2). Оказалось, что, действительно, доля доверяющих «цифровым помощникам» полностью или

Таблица 2

Доверие цифровым источникам информации о здоровье

Источник	Доверяют полностью или скорее доверяют (% от всей выборки)	Не доверяют полностью или скорее не доверяют (% от использовавших когда-либо)	Доверяют полностью или скорее доверяют (% от использовавших в течение последнего месяца)
Медицинской информации из Интернета	25,6	30,8	35,9
Телепередачам, посвященным вопросам здоровья	19,5	28,1	47,3
Мобильным приложениям, смарт-часам, фитнес-браслетам, с помощью которых вы отслеживаете состояние своего организма	**28,2**	**52,2**	**57,7**
Блогерам	**8,0**	**15,6**	**20,5**
Участникам специализированных сетевых сообществ, которые делятся опытом выздоровления или жизни с недугом	18,9	36,2	36,2

[6] Частота использования тех или иных практик измерена по шкале от более частого к менее частому, вследствие чего возникает отрицательный коэффициент корреляции при положительном направлении связи.

частично выше среди тех, кто обращался к ним минимум в течение последнего месяца. Интересно, что меньше всего участники исследования доверяют блогерам: даже в группе использующих данный информационный источник недавно таких пятая часть (20,5%). Лучше дела обстоят у тех, кто занимается цифровым селф-трекингом: соответствующим устройствам доверяют более половины (57,7%) респондентов, применявших их в течение последнего месяца.

Согласно результатам корреляционного анализа, обращение к цифровым ресурсам связано с доверием к ним: те, кто доверяют телевидению как источнику информации о здоровье, чаще смотрят ТВ-передачи подобного содержания, и наоборот (критерий Пирсона симм.[7] 0,473, p<0,01). В случае с Интернетом этот показатель составляет 0,339, с устройствами для цифрового селф-трекинга 0,517, с подпиской на медицинских блогеров 0,403. Те, кто доверяет участникам сетевых онлайн-сообществ, не только склонны чаще их посещать (критерий Пирсона симм. 0,345, p<0,01), но и доверять медицинским блогерам (критерий Пирсона симм. 0,435, p < 0,01). Вместе с тем важно подчеркнуть, что даже в группе активных пользователей конкретной технологии доля доверяющих ей полностью или частично не превышает половины, за исключением девайсов для самомониторинга.

В сравнении с цифровыми технологиями в большей степени респонденты доверяют врачам государственных (73,3% доверяют полностью и частично по выборке) и частных (59,1% соответственно) лечебных учреждений. О высоком доверии институциональной медицине свидетельствует и то, что лишь 14,9% опрошенных приходилось перепроверять поставленный диагноз в течение последнего года. Даже советы родственников, друзей, знакомых опережают в этом отношении цифровые источники – доверяют им полностью или частично 36,5% участников исследования. Лидирует здесь доверие личному опыту – 88,1% респондентов склонны полагаться на него при принятии медицинских решений. Несмотря на обилие традиционных и цифровых источников информации о здоровье и стратегиях лечения, опрошенные склонны, прежде всего, полагаться на себя – свои знания и навыки, получаемые как при взаимодействии с врачами и ближайшим окружением, так и в результате успешных или не очень предыдущих попыток совладания с болезнью.

В результате эксплораторного факторного анализа (с вращением по методу Varimax) вопросов о доверии различным источникам информации о здоровье изначальные переменные удалось сгруппировать в три фактора (названия условные): «доверие институциональной медицине», «доверие цифровым технологиям», «доверие традиционным информационным источникам». Так, мы можем полагать, что те, кто доверяет информации от врачей государственных учреждений, скорее всего, будут доверять также данным от медицинских специалистов частных клиник. Те, кто доверяет сведениям из Интернета, будут доверять и показателям цифровых гаджетов, информации от блогеров и участников специализированных сетевых сообществ. И, наконец, «доверие традиционным источникам» обнаруживается в доверии телевидению, знакомым и друзьям, а также личному опыту. Проявление одного фактора в случае каждого конкретного респондента не исключает проявления другого, хотя, вероятно, интенсивность их выражения будет различна. Молодые респонденты склонны больше доверять «цифровым информационным источникам» (0,454) и врачам (0,255).

Современные способы заботы о здоровье. Чтобы выяснить, как комбинируются цифровые и нецифровые практики заботы о здоровье, также был реализован эксплораторный факторный анализ (с вращением по методу Varimax). В результате изначальные переменные удалось сгруппировать в четыре фактора, которые мы обозначили: «цифровая забота о здоровье», «здоровый образ жизни», «классическая забота о здоровье», «продвинутая забота о здоровье». Полагаем, эти группы практик соответствуют

[7] Симм. – симметричный. Указывает на то, что мы не можем делать вывод о направленности связи, можем лишь утверждать о ее наличии.

складывавшимся на протяжении многих лет способам заботы о здоровье, которые в последнее время подверглись трансформации. Изменения обусловлены, прежде всего, глобальными трендами цифровизации, распространения неолиберальных ценностей и психотерапевтического поворота, пришедшими в нашу страну после перестройки. Во-первых, терапевтический поворот, связанный с проникновением терминов популярной психологии в повседневный дискурс, внес вклад в понимание здоровья как состояния не только соматического, но и психического и эмоционального благополучия [Furedi, 2004]. Во-вторых, цифровизация всех сфер общественной жизни, включая здравоохранение [Lupton, 2016], сделала жизненный мир человека гибридным и привела к формированию новых практик. В-третьих, распространение идеологии хелсизма (healthism) [Crawford, 1980], возникшей на волне повышенного внимания к образу жизни как ключевой детерминанте болезней и рутинизированной благодаря национальным кампаниям по охране здоровья, а также блогерам и иным лидерам мнений, привело к упрочению неолиберальных ценностей. В результате расширились трактовки здоровья и набор возможных/желательных способов заботы о нем. Мы попытаемся охарактеризовать обнаруженные в исследовании способы заботы о здоровье в контексте указанных изменений. Несмотря на то что проявление одного способа в случае каждого конкретного респондента не исключает проявления другого, возможно говорить о них как об отдельных, специфических явлениях.

Первый фактор объединяет такие практики заботы о здоровье, как поиск информации медицинского характера в Интернете, посещение сетевых сообществ и форумов, посвященных вопросам здоровья, чтение пабликов, постов блогеров, просмотр видео в Интернете соответствующего содержания. Являясь выражением неолиберальной логики, все больше смещающей ответственность за принятие решений с врача на пациента, он символизирует возрастающую экспертность человека в отношении собственного здоровья. Использование интернет-ресурсов в поисках медицинской информации, доступ к которым сегодня упростился, вносит вклад в развитие такой экспертности. И характер, и источник этих сведений могут быть различными: от данных на сайтах ВОЗ и Минздрава РФ до рассказов обывателей о собственном пациентском опыте. Полагаем, что новые практики, объединенные в первом факторе, являются наследниками «традиционных» способов получения информации о здоровье: обращения за советом к друзьям или знакомым профессионалам, чтения медицинских справочников и популярных периодических изданий. Они в большей степени свойственны тем, кто доверяет «цифровым технологиям» (0,427), а также более молодым респондентам (0,306).

Во втором факторе сочетаются такие способы поддержания хорошего самочувствия, как занятия спортом/иная физическая активность, контроль питания, забота о психическом здоровье, цифровой селф-трекинг, участие в марафонах и играх, связанных со здоровьем. Наряду с практиками здорового образа жизни, распространенными в России до перестройки, он содержит новые способы заботы о себе. Обновленный вариант здорового образа жизни характерен для людей, которые восприняли современные представления о здоровье как состоянии комплексного благополучия, находящегося в зоне ответственности и контроля самого человека. Они стремятся быть проактивными и управлять своей жизнью, организовывать ее, опираясь не только на личные ощущения, но и на данные, поставляемые цифровыми девайсами. Важным аспектом такой заботы о себе является внимание к психоэмоциональному состоянию. Современный здоровый образ жизни свойственен более молодым респондентам (0,363) и более активным пользователям Интернета (0,306). С вовлеченностью в данный тип практик коррелирует доверие «цифровым технологиям» (0,332).

Третий фактор – «классическая забота о здоровье» – включает очное посещение врача, нецифровой селф-трекинг, просмотр телепередач о здоровье. К нецифровым устройствам самомониторинга относятся не только те, что необходимы для отслеживания хронических состояний (например, тонометр, глюкометр), но и, например, обычный термометр, а ещё пульсоксиметр, ставший «популярным» в пандемию COVID-19. Сравнение

средних в группах респондентов по полу (критерий Манна-Уитни, $p<0,05$) показало, что «классическая забота о здоровье» свойственна больше женщинам, чем мужчинам. Это соответствует представлению о роли женщины в семье как прикрывающей домашний «тыл», в том числе умеющей манипулировать разными приборами в связи с заботой о здоровье детей, пожилых родителей, мужа. Кроме того, этот способ заботы о здоровье связан с наличием хронических заболеваний (критерий Манна-Уитни, $p<0,05$) и более низкой оценкой своего самочувствия (0,294). Мы полагаем, что практики, вошедшие в третий фактор, почти не изменились за последние тридцать лет и остаются одним из основных способов заботы о здоровье. Этот способ заботы о здоровье – единственный, не содержащий цифровые практики.

Наконец, в четвертый фактор входят такие мало распространенные среди респондентов практики, как обращение к телемедицине, генетическое тестирование на риски заболеваний, обмен опытом совладания с болезнью в социальных сетях. Так же, как в случае «классической заботы о здоровье», «продвинутая забота» предполагает обращение к институциональной медицине. Вероятно, те, кому этот способ присущ, находятся в авангарде социальных изменений и расширяют границы своих представлений, знаний, практик, рискуя пробовать новое. Оговоримся: количество наблюдений в данном случае невелико, что ограничивает возможность делать обоснованные выводы. Однако, полагаем, именно этот способ заботы о здоровье отражает перспективы развития здравоохранения. Расширяется спектр используемых методов медицинской диагностики, приемлемой оказывается дистанционная связь с врачом с помощью специализированных телемедицинских сервисов, мессенджеров, социальных сетей. Важно, что пациент играет здесь активную роль: он перестает быть лишь объектом медицинского вмешательства, а наравне с врачом производит новое знание о своем теле. Оно становится, в свою очередь, предметом коммуникации в онлайн-пространстве.

Заключение. В условиях пандемии коронавируса стало очевидно, что мы движемся в сторону гибридизации мира, необходимость сочетать онлайн- и офлайн-практики превращается в рутину современного человека. Это справедливо и для сферы здравоохранения. Несмотря на то, что сегодня будущее медицины чаще связывается с цифровыми технологиями, проведенный анализ показал, что петербуржцы недостаточно вовлекаются в новые практики заботы о здоровье. Важно, что цифровые технологии не приходят взамен имеющихся способов поддержания хорошего самочувствия, а пока ещё встраиваются в существующий репертуар. Значительный практический интерес представляют возникающие в данном случае комбинации нового и старого. В результате настоящего исследования выявлены способы заботы о здоровье, сочетающие традиционные и цифровые практики, появление и распространение которых мы связываем с актуальными трендами социальных изменений. Наряду с «классическим» способом заботы мы выделили «цифровую заботу», «здоровый образ жизни» и «продвинутую заботу» о здоровье. Например, цифровой селф-трекинг становится элементом здорового образа жизни, а поиск информации медицинского характера на различных интернет-ресурсах, вероятно, является аналогом традиционного обращения за советами к близкому окружению, соседям, знакомым. Можно предположить, что источником изменений в способах заботы о здоровье оказываются не цифровые инновации сами по себе. Скорее горожане, воспринявшие новые представления о здоровье, гибко используют имеющиеся в их активе технологии.

Среди тех, кто прибегает к новым способам заботы о здоровье, в большей степени представлены молодые респонденты, регулярно использующие Интернет и доверяющие «цифровым источникам информации». Возраст оказался наиболее значимым показателем, связанным с вовлеченностью в цифровизацию здравоохранения. Несмотря на то, что d-Health призвано способствовать преодолению разрывов в доступе к медицинской помощи, в наиболее уязвимой позиции оказываются люди старшего возраста – именно те, с удовлетворением потребностей которых и связываются зачастую преимущества цифровизации. Полагаем, что причины их исключения обусловлены не только цифровым

неравенством – различиями в доступе к технологиям, но и характерными для этой социальной группы представлениями о здоровье и приемлемых способах заботы о нем.

Несмотря на использование «цифровых помощников», доверие к ним петербуржцев пока невелико. Гораздо большим весом обладают институциональная медицина и личный опыт респондента. Вероятно, в ситуации избытка информации о здоровье, а также в условиях пандемии COVID-19 жители города разрабатывают индивидуальные стратегии самостоятельного получения медицинских сведений, определения их надежности и достоверности. В целом, для успешной цифровизации здравоохранения должны утвердиться не только практики использования Интернета и иных инновационных технологий, но и современные представления о здоровье, соответствующие трендам социальных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Богомягкова Е.С., Дупак А.А. Мобильное здравоохранение в действии: практики цифрового селф-трекинга студентов России и Европы // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 2. С. 88–101. [Bogomiagkova E.S., Dupak A.A. (2021) Mobile Healthcare in Action: Digital Self-tracking Practices of Students in Russia and Europe. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Research result. Sociology and Management]. Vol. 7. No. 2: 88–101. (In Russ.)] DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-7.

Давыдова А.М., Солянова М.А., Соренсен К. Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 217–240. [Davydova A.M., Solyanova M.A., Sorensen K. (2021) Disciplinary Digital Self-Tracking Practices: Between Emancipation and Control. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 217–240. (In Russ.)] DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797.

Дудина В.И., Артамонова К.Н. Стигматизация людей, живущих с ВИЧ/СПИД, и проблема раскрытия статуса: анализ высказываний пользователей онлайн-форума // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 1. С. 66–78. [Dudina V.I., Artamonova K.N. (2018) Stigmatization of people living with HIV/AIDS and the problem of disclosure: Analysis of the online forum discussions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. Vol. 11. No. 1: 66–78. (In Russ.)] DOI: 10.21638/11701/spbu12.2018.106.

Ним Е.Г. Студенческий дискурс о цифровом селф-трекинге: риторики и практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 191–211. [Nim E.G. (2020) Student discourse on digital self-tracking: rhetorics and practices. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 191–211. (In Russ.)] DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.989.

Crawford R. (1980) Healthism and the Medicalization of Everyday Life. *International Journal of Health Services*. Vol. 10. No. 3: 365–388. DOI: 10.2190/3H2H-3XJN-3KAY-G9NY.

Furedi F. (2004) The silent ascendancy of therapeutic culture in Britain. In: *Therapeutic Culture: Triumph and Defeat*. New Brunswick, N.J. Transaction Publishers: 19–50.

Lupton D. (2016) Towards Critical Digital Health Studies: Reflections on Two Decades of Research in Health and the Way Forward. *Health.* Vol. 20. No. 1: 49–61. DOI: 10.1177/1363459315611940.

Skrabanek P. (1994) The Death of Humane Medicine and the Rise of Coercive Healthism. Suffolk: Social Affairs Unit.

Статья поступила: 14.02.22. Подписана к публикации: 29.08.22.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE HEALTHCARE PRACTICES OF ST. PETERSBURG RESIDENTS

BOGOMIAGKOVA E.S.*, OREKH E.A.*, GLUKHOVA M.E.**

**St. Petersburg State University, Russia; **European University at St. Petersburg, Russia*

Elena S. BOGOMIAGKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (e.bogomyagkova@spbu.ru); *Ekaterina A. OREKH, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof.* (e.orekh@spbu.ru). *Both – the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University; Maria E. GLUKHOVA, PhD student at the department of Sociology, European University at Saint Petersburg* (mglukhova@eu.spb.ru). *All – St.-Petersburg, Russia.*

Acknowledgements. This article was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project No. 20-013-00770A.

Abstract. The article presents results of an empirical study of the digital technologies in the healthcare practices of St. Petersburg residents,– a telephone survey (N=861, August 2021). Although the healthcare digitalization is attracting attention of scholars today, there is a lack of data on how widespread are digital healthcare practices among the population, and whether they are combined with traditional options (for example, doing sports or visiting a doctor). Of particular importance is the identification of factors that determine adoption of new ways to maintain health. As a result of the study, we obtained data on the usage of digital healthcare practices among residents of St. Petersburg. While telemedicine is seen as a main frontier of healthcare digitalization in our country, it does not enjoy significant popularity among respondents. Four modes of healthcare were found, in two cases combining traditional and new practices: "digital care", "healthy lifestyle", "classic care" and "advanced care". We associate adoption of new practices with current social transformations that contribute to emergence of modern interpretations of what it means to be healthy today. Digital technologies are just tools facilitating implementation of new ideas in practice. Factors for engagement in digital healthcare include age, Internet use, and trust in digital sources of information. The identified age differences allow us to raise the question about emerging inequality in medical care access. The study showed high levels of trust in medical professionals and personal experience, combined with acceptance of other sources of medical information – digital data.

Keywords: D-Health, health care, telemedicine, digital self-tracking, medical blogging, telephone survey, exploratory factor analysis, correlation analysis.

Received: 14.02.22. Accepted: 29.08.22.

ДАВИДУ ЛЬВОВИЧУ КОНСТАНТИНОВСКОМУ – 85 лет!

28 октября отметил юбилей один из признанных лидеров отечественной социологической науки, специалист в области социологии образования, основатель нового научного направления, изучающего дифференциацию в образовании, роль образования в социальной мобильности и формировании структуры общества, доктор социологических наук, профессор Давид Львович Константиновский.

Давид Львович родился в Челябинске, там же окончил политехнический институт. После окончания института уехал в Новосибирск. Работал инженером в «почтовом ящике», потом в Академгородке в Институте ядерной физики, участвовал в создании ускорителя частиц на встречных пучках. В 1960-е гг. увлекся социологией. Этот интерес во многом связан со знакомством с В.Н. Шубкиным, с которым впоследствии Давид Львович долго работал.

В 1969 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Вопросы социального прогнозирования в области образования: опыт построения математико-статистических моделей». Работал зав. сектором в Институте истории. С 1994 г. Давид Львович работает в Институте социологи. В 1998 г. защитил докторскую диссертацию «Динамика ориентаций и социального поведения молодежи в сфере образования: по материалам повторных обследований выпускников средних школ 1960–1990-х гг.». Руководил Центром социологии образования, науки и культуры (ЦСОНК) Института социологии РАН, в течение пяти лет был зам. директора института. Сегодня Давид Львович – главный научный сотрудник института, руководитель отдела социологии образования, член ученого совета ФНИСЦ РАН, вице-президент Исследовательского комитета RC04, руководитель исследовательского комитета социологии образования РОС. Под его руководством осуществлен ряд масштабных исследований, среди них: «Профессиональные и образовательные траектории молодежи в изменяющейся России» (РГНФ, 2007–2009), «Рабочая молодёжь сегодня: учеба, работа, социальное самочувствие» (РГНФ, 2010–2011), «Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи» (РГНФ, 2013–2014), «Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации» (РНФ, 2014–2015), «Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации» (РНФ, 2015), «Youth in transition countries – innovative potential, new context, new challenges and new problems» (2013–2016, соруководитель проекта). На протяжении своей трудовой биографии демонстрирует пример сочетания качеств серьезного ученого-исследователя с умением конструктивно решать организационные задачи.

Давид Львович руководит семинаром ЦСОНК и круглым столом «Российское образование сегодня». Является членом экспертных советов: International Research and Consulting: expertise and support for European Cooperation in Education, Training, Youth and Sport, Российского научного фонда, Федерального реестра экспертов научно-технической сферы; членом диссертационных советов ФНИСЦ РАН и НИУ ВШЭ. Член редколлегий ведущих научных журналов в сфере социологии и образования: Вестник Института социологии, Социологический журнал, Социологическая наука и социальная практика, Journal of Contemporary Educational Research, Human Resources Management and Service, Вопросы образования.

Преподавательская деятельность Давида Львовича включает лекции по социологии в ведущих российских и зарубежных вузах, таких как Институт нефти и газа, Государственный академический университет гуманитарных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Центр социологического и политологического образования ИС РАН, а также престижные вузы Франции – Высшая школа социальных наук и École normale supérieure.

Давид Львович – автор большого числа монографий и научных статей, посвященных неравенству и образованию. Его книги «Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х)» и «Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования» стали хрестоматийными.

За значительный вклад в развитие отечественной науки Константиновский награжден Премией Президента Российской Федерации в области образования, Почетной грамотой Российской академии наук, Почетным знаком «Заслуженный деятель Российского общества социологов».

Давид Львович чрезвычайно разносторонний человек. Он не только известный ученый, но и писатель, член Союза писателей. Писать он начал в 1960-е гг., публиковался в Литературной газете, его повести и романы изданы крупнейшими отечественными издательствами. Проявил себя и в спорте: занимался лыжным и конькобежным спортом, альпинизмом – участвовал в восхождении на Тянь-Шань.

Известнейший ученый, опирающийся на лучшие стандарты отечественной и мировой социологии, основатель собственной школы научных исследований, связанных с образованием и воспитанием молодежи, мудрый и ответственный человек, служащий для молодых людей лучшим примером наставничества, творчески одаренный и многосторонний – таким мы знаем нашего коллегу Давида Львовича и поздравляем его с замечательным юбилеем. Желаем ему крепкого здоровья, новых выдающихся успехов, интересных и амбициозных исследовательских проектов и преподавательских побед.

Друзья, коллеги, ученики

СЕМЕНОВУ ЕВГЕНИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ – 70 лет!

13 октября отметил свой юбилей Евгений Васильевич Семенов, доктор философских наук, профессор (1989), организатор науки, специалист в области науковедения, методологии научного познания, социологии науки, почетный работник науки и техники РФ (2012), иностранный член НАН Украины (2003), главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (с 2019 г.).

Евгений Васильевич родился в Казахстане, школьные годы провел в Новосибирске. Закончив в 1975 г. Новосибирский госуниверситет с отличием по специальности историка, поступил в аспирантуру. После досрочной защиты кандидатской диссертации по философии (1977) служил в Советской армии, работал в СО АН СССР. Творческая и научная среда, семинары, дискуссии, научная коммуникация с исследователями всех уровней – от академиков до ассистентов – вот, что отличало в те годы Академгородок, подарив в том числе социологии многих известных исследователей. Эта атмосфера сформировала Евгения Васильевича как ученого, который всей душей болеет за развитие российской науки. В те годы он разработал авторскую концепцию науки как вида интеллектуального производства, защитив по этой теме докторскую диссертацию (1988).

Идеи научной кооперации деятельности как основополагающего вида социального взаимодействия, выдвинутые в ранних работах, развивались Е.В. Семеновым на

протяжении многих лет, выразившись в создании и руководстве научных фондов (РФФИ, РГНФ), журналов («Вестник РГНФ» (1995–2003), «Науковедение» (1999–2005), «Наука. Инновации. Образование» (2006–2016), «Управление наукой: теория и практика (УНТП)» (с 2019 г.)), управлении научными коллективами, в том числе Российским научно-исследовательским институтом экономики, политики и права в научно-технической сфере (директор с 2005 до 2016 г.). Евгений Васильевич член редсовета журнала «Идеи и идеалы», «Информационное общество», был членом редколлегии нашего журнала.

1990 год Семенов встретил в Москве в должности зав. сектора политического анализа и прогноза отдела науки ЦК КПСС. После событий августа 1991 г. год проработал гл. научным сотрудником Аналитического центра РАН по проблемам социально-экономического и научно-технического развития (1991–1992), затем был советником по науке в Правительстве РФ (1992–1993), зам. председателя РФФИ (1993–1994). Видя разрушения, что происходили в начале 1990-х гг. в науке, руководствуясь нравственными принципами поддержки ученых-гуманитариев, оказавшихся в сложном социально-экономическом положении и порою не имевших возможности продолжать работу, он начинает воплощать свои идеи кооперации в науке.

Е.В. Семенова порою называют спасителем социогуманитарной науки. Его роль в создании и руководстве Российского гуманитарного научного фонда (1994–2003) велика. Фонд помог ученым-гуманитариям выживать в непростое для страны время. Особенностью РГНФ была поддержка – в том числе – небольших научных проектов, финансирование непосредственно исполнителей, а не организаций, что позволяло избегать лишней бюрократии и расходования средств; прием заявок независимо от мест работы исследователя; конкурсный отбор заявок экспертным советом авторитетных ученых, не обязательно занимавших административные должности. «Республика ученых», любит говорить о своем детище Евгений Васильевич. Объединив вокруг Фонда известных и перспективных ученых, он поддерживал атмосферу научного диалога и равенства в продвижении научных идей. Семенов подчеркивает: чтобы не происходило «утечки умов» из науки, необходимо соблюдать три группы условий: материальные, социальные и ценностные. Своей деятельностью он пытался всегда учитывать эти факторы, помогать ученым в производстве знаний.

Наряду с огромной организационной работой, Семенов плодотворно работает как исследователь. Он автор более 200 научных работ, в том числе восьми монографий, например «Огонь и пепел науки» (1990), «Явь и грезы российской науки (1996), «Мерцающий свет науки» (2001), «Россия с наукой и без науки» (2009), за яркими и поэтическими названиями скрыт глубокий анализ состояния и развития науки, проблемы и возможные точки роста. В настоящее время возглавляет Сектор комплексных исследований научной политики и управления наукой ИС ФНИСЦ РАН, а также журнал УНТП. Его цель – наладить конструктивный диалог между государственными структурами управления наукой и научным сообществом.

Отметим и человеческие качества юбиляра. Обладая большим исследовательским, педагогическим, редакторским и научно-организаторским опытом, он старается передавать свои познания младшему поколению ученых, исследователей, вдохновляет и служит примером. Цельный человек недюжинной энергии и работоспособности, обладающий чувством юмора, целеустремленный, Евгений Васильевич остается примером истинного интеллигента, ратующего за судьбы страны. Пожелаем ему здоровья, научного долголетия, новых проектов и монографий.

Коллеги, друзья, соратники

© 2022 г.

Н.Н. ЗАРУБИНА

СУДЬБА УЧЕНОГО И СУДЬБЫ НАУКИ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (о книге Л.Г. Ионина о М. Вебере)

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, Москва, Россия (n-zarubina@yandex.ru).

Аннотация*. В монографии Л.Г. Ионина «Драма жизни Макса Вебера» раскрывается целый ряд новых для отечественного вебероведения аспектов жизни и творчества Вебера, связанных как с глубоко личными, так и профессиональными и общественно-политическими коллизиями. В рецензии анализируются проблемы профессионального самоопределения, вставшие перед Вебером, и его отношение к науке и политической деятельности. Рассматривается судьба научного наследия Вебера в контекстах противоречий развития современной науки, в том числе проблемы перевода и международного языка науки в глобальном мире. Показано, что неизбежное превращение некоторых его идей в «поп-социологию» обусловлено как становлением массового общества, так и проблемами развития института науки. Рассматривается проблематика рационализации и «расколдования мира» как центральная идея творчества Вебера. Особое внимание уделяется интерпретации Л.Г. Ионины малоизвестных положений Вебера о соотношении эротики и рациональности, об «эротическом господстве», в контексте коллизий личной жизни ученого.*

Ключевые слова*: М. Вебер • рациональность • расколдование мира • профессия • призвание • язык науки • поп-социология • харизма • социология эротики • эротическое господство*

DOI: 10.31857/S013216250021520-5

Прочитавшие книгу Л.Г. Ионина «Драма жизни Макса Вебера» уже не смогут по-прежнему воспринимать немецкого социолога как личность, ученого и политика. И не потому, что автор разрушает устойчивый «миф Вебера», сложившийся еще при его жизни и определявший наше восприятие. Написанная Л.Г. Ионины научная биография не только открывает новые грани личности героя, она представляет новый, редкий для отечественной науки жанр и подход, в основу которого положен анализ глубочайших личных, даже интимных травм и переживаний сквозь призму творческих озарений одного из величайших мыслителей XX в. Примечательно, что контекстом развертывания драмы Вебера избраны не столько политические коллизии, в которых он принимал активное участие, сколько культурные тренды начала прошлого века, испытывавшие на прочность основы протестантской аскетики, которую он так убедительно описал. Ранний феминизм и распространение женского образования, профессиональной и политической активности; анархизм как общественно-политическое течение и распространение идеологии свободной любви; радикальные социалистические идеи; секуляризация, космизм и эзотерика, растущий культурный плюрализм и многое другое, чем жила западноевропейская интеллектуальная элита перед Первой мировой войной, чем была насыщена атмосфера мюнхенского Швабинга и швейцарской Асконы, бывшей для Вебера не только модным курортом, но и интересным объектом наблюдения. Параллельно автор знакомит читателя

с малоизвестным в нашей стране пластом веберианы, посвященным его личной жизни, полной драматизма и страстей как интеллектуального, так и интимного характера. «Драмы жизни» М. Вебера, описанные в книге Л.Г. Ионина, представляются отражением тех проблем, которые тревожат всех современных людей.

Одной из описанных «драм жизни» Вебера, как ни парадоксально, была *проблема профессии и призвания*. Вебер описал этику профессионального призвания как одну из основ капиталистической культуры, сложившейся на Западе благодаря протестантской мирской аскезе. Однако сам Вебер в силу ряда личных обстоятельств, в том числе и тяжелой болезни, как раз после своего триумфа в качестве ученого – публикации «Протестантской этики», оставил университет, с удовольствием приняв статус независимого исследователя (Privatgelehrte). Занятие наукой и преподавание перестали для него быть источником средств существования, личной идентификации и самореализации (подчеркивается «холодность» ученого к собственным успехам), определять его образ жизни через включение в соответствующие статусные сообщества и рационализированные практики. Биограф подчеркивает, что Вебер ни в этот период, ни позже *не осознавал науку своим призванием в харизматическом смысле,* в том, что «правильно ли им избрана наука как сфера деятельности, в которой он может реализовать свой внутренний потенциал с максимальной пользой для себя и общества» (с. 148). Вебер не был уверен в том, что в науке он «на своем месте». Биограф утверждает, что он хотел скорее стать политиком, чем ученым, о чем свидетельствуют его постоянные попытки заниматься публичной политической деятельностью, однако «политика его не приняла» (с. 338). Свои научные идеи Вебер пытался использовать в публичной политической деятельности, однако соратники использовали его как оратора и страстного полемиста, но ни разу не дали соответствующей формальной позиции.

Биограф перечисляет целый ряд личных морально-психологических качеств Вебера, сделавших его неудобным и нежелательным в профессиональной политике (с. 335–336, 338). Наиболее важным представляется соображение, что он *прекрасно писал* о том, как должна делаться политика, *но сам ее делать не умел*, ибо ценностная рациональность у него одерживала верх над целерациональными расчетами практического толка, которые столь необходимы в реальной политике (с. 336). В период баварской революции 1919 г. его действия свидетельствовали о том, что в политических противниках он видит скорее оппонентов в философских дискуссиях, поэтому готов их защищать, не видя реальной опасности и враждебности (с. 336).

Примечателен один из моментов его политической биографии, проясняющий не только его политические позиции, но и отношение к России. Известно, что русские революции начала XX в. вызвали у него живой интерес, в том числе к изучению русского языка, и первоначально его отношение к происходящему можно было охарактеризовать как «снисходительный» оптимизм. Но после окончания Первой мировой войны Вебер принял участие в переговорах в Версале в качестве члена делегации немецких профессоров, призванных снять с Германии обвинения в развязывании войны. И здесь, а также в личной переписке Вебера, приводится жесткая аргументация в пользу виновности Российской империи и постоянной «российской угрозы» для Западной Европы, спасителем которой предстает Германия. Причем англосаксонская гегемония в послевоенном мире рассматривается как неизбежность и явно меньшее из зол, чем «русский кнут» (с. 331; см. также: [Вебер, 2007: 523]). Таким образом, суждения Вебера вполне годятся и для Европы после Второй мировой войны, и даже выглядят предвосхищающими современные мировые политические процессы, определяемые для Запада гегемонией США и «сдерживанием» России (с. 331). Так что политическая аналитика и интуиция Вебера заслуживают высоких оценок, что все-таки

свидетельствует о его *научном* призвании, а отношение к нашей стране следует рассматривать в контексте его либеральных и патриотических[1] убеждений.

Судьба объемного многогранного научного наследия Вебера также в чем-то *драматична*. Многие значимые произведения – «Хозяйственная этика мировых религий», «Хозяйство и общество», были целиком опубликованы уже после его смерти и предстали так, как их видели издатели, прежде всего жена Марианна. После выступления знаменитого ученика К. Ясперса надолго утвердилось мнение о «*фрагментарности*» наследия и самого мышления Вебера, и следует поддержать его опровержение Л.Г. Иониным, утверждающим, что все разнообразие исследовательских интересов Вебера объединено «сверхидеей» объяснения происхождения современного капитализма и, добавим, природы и развития рационализации (с. 350).

Важнейшая проблема наследия Вебера – это его обращение в *поп-социологию,* в социологический «масс-культ». Л.Г. Ионин объясняет это так: «…когда из сложных отношений и мыслей извлекают некую примитивную схему чаще всего идеологического содержания и используют ее для обоснования собственных целей и интересов» (с. 130). С одной стороны, это свидетельствует о популярности и востребованности, поскольку в поле зрения оказываются наиболее известные и яркие ученые, идеи которых реально помогают понять социальные явления и процессы. Но с другой – поп-наука наносит удар и по конкретному ученому, и по научному сообществу, упрощая научные идеи до уровня примитивных объяснительных схем, идеологических максим, тем самым дискредитируя их.

Первой жертвой поп-социологии стала «Протестантская этика» Вебера: идея об «*избирательном сродстве*» между протестантизмом и капитализмом, сложная аргументация, богатство иногда противоречивых исторических примеров были предельно упрощены до схемы «порождения» протестантизмом «правильного» капитализма через трудовую этику и (мнимую!) сакрализацию богатства. Идеи Вебера использовали для подрыва научного авторитета К. Маркса на том основании, что он якобы противопоставил одностороннему материалистическому объяснению истории капитализма религиозно-культурное объяснение, столь же одностороннее, стал «буржуазным Марксом», что не соответствует реальности [Зарубина, 1998: 29]. Кроме того, «Протестантская этика» стала моделью противопоставления «правильного» и «неправильного» капитализма, объяснений «успешности» Запада и обреченности непротестантских регионов мира на вечное отставание (с. 131–132). Если вдруг в них наблюдается экономический рост, то тут же заявляется о наличии автохтонных «аналогов» протестантизма и его трудовой этики, «объясняющей» этот феномен, как это было с некоторыми японскими и китайскими сектами [там же: 153, 158–159]. Как справедливо отмечает Л.Г. Ионин, «поп-Вебер», как и поп-социология, становится частью поп-культуры, которую распространяют журналисты, телеведущие, публицисты (с. 131–132), добавим сюда также и преподавателей и ученых, ориентированных либо на «интерес» аудитории, либо политический заказ, а не на анализ фактов и научную истину.

Еще одной жертвой поп-социологии стало веберовское понятие «харизмы» (с. 249). Введенное Вебером в социологию, имеющее первоначальный смысл божественного дара привлекать людей и управлять ими, оно вошло в современное массовое словоупотребление как синонимичное способности завоевать популярность у самых разнообразных аудиторий, от электората до подписчиков соцсетей. «Цифровые харизматики», порожденные новыми СМИ и цифровыми средствами коммуникации, представляют совершенно иной, чем предполагал Вебер, тип господства над умами и волей людей. Поскольку на этой волне к власти приходят лидеры, реальности которых Вебер, думается, даже не

---

[1] В цитированном письме к Крузиусу Вебер пишет о немецкой нации: «Все ее слабые стороны уже известны, но можно, если хотеть, увидеть ее баснословную добропорядочность, скромность, деловитость, способность достигнуть, нет: уже достигнутость! – "красоты повседневности", в противоположность красоте дурмана или жесту других» (цит. по: [Вебер 2007: 523]).

предполагал, – артисты, юмористы и т.п., надо согласиться с Иониным, что этот феномен нуждается не в «поп-социологическом», а серьезном научном анализе (с. 250).

Представляется, что распространение поп-социологии, вовлечение в ее оборот все новых объяснительных моделей и понятий является неизбежным, как и развитие поп-науки и поп-культуры в современном обществе. Об их природе отлично написал озабоченный судьбой науки и ученых в массовом обществе Х. Ортега-и-Гассет [2020: 89]. И собственно наука ничего с этим поделать не может. Совсем другое дело, когда *развитие самой науки, современные тенденции порождают поп-науку, в том числе поп-социологию*. Одной из таких тенденцией стало требование использовать «международный язык науки», которым сегодня повсеместно признан английский, и само англосаксонское доминирование.

Как известно, Вебер писал по-немецки, хотя владел несколькими языками. В его время никому в голову не приходило ради демонстрации «достижений мирового уровня» использовать чужой язык. Первые английские переводы работ Вебера, в первую очередь «Протестантской этики», сделал, как известно, Т. Парсонс в конце 1920-х гг. Хотя, как показывает биограф, в годы господства нацизма в Германии имя и творчество Вебера формально не были под запретом, все же после Второй мировой войны веберовский ренессанс начался с его «репатриации» из Америки, и для многих читателей в разных странах мира оригинал заменили английские переводы. Как справедливо отмечает Ионин, специфика переводных текстов в том, что их точное соответствие оригиналу принципиально невозможно даже при стремлении переводчиков к максимальному воспроизведению референции и места понятий в системах языка и картинах мира. Но иная ситуация возникает тогда, когда переводчик имеет собственные представления о предмете переводимого текста и вольно или невольно вкладывает именно их в свой перевод. Так возникла, например, мучительная для отечественных авторов и редакторов проблема понятия «железная клетка» («*Iron Cage*»), введенного Парсонсом в научный оборот при переводе веберовского «stahlhartes Gehäuse», что более адекватно переведено в русском издании «Протестантской этики» в «Избранных произведениях» 1990 г. как «*стальной панцирь*». Так «клетка» или «панцирь»? Российские исследователи творчества Вебера высказывали на этот счет свое мнение [Забаев, 2019: 43; Зарубина, 2020: 7], но представляется, что Ионин своим блестящим комментарием окончательно разрешил все сомнения: понятие «клетки» подразумевает *внешние* оковы социальных и культурных норм, ограничивающих «естественного» человека, противоречит веберовскому решительному неприятию естественного права, в то время как «панцирь» предполагает *внутреннюю* защиту и упорядоченность мира, которую дает, например, веберовское видение бюрократии как формы легального господства, защищающего человека от произвола при его ответной готовности подчиняться интериоризированным нормам (с. 136). Понятие «железной клетки», принадлежащее не Веберу, а Парсонсу, стало, как представляется, одним из самых ярких феноменов поп-социологии, демонстрирующим ее влияние на науку.

При переводах Вебера с английского на другие языки возникает множество национальных «образов Вебера», это «и есть ментальная основа социологии Вебера как поп-социологии» (с. 138). Конечно, ученым нужен язык международного общения, наука переходит национальные, в том числе языковые, границы, но полная подмена национальных языков английским, англосаксонское доминирование в мировом научном процессе приводит к деградации национальных языков науки и, как результат, их неадекватности для отражения и анализа национального опыта, а также ведет к искажению научных фактов и вырождению подлинной науки в поп-науку.

Известной противоположностью поп-социологическим интерпретациям наследия Вебера стала так называемая «веберовская карусель» (с. 132), под которой Ионин понимает тщетные попытки опровержения идей, прежде всего «Протестантской этики», с помощью дотошных поисков фактических «ошибок», «подтасовок», неточностей. За ними, как правило, следуют контропровержения, опровержения контропровержений, и, таким

образом, как остроумно замечает автор, «кормятся поколения исследователей». Вращается карусель совместными усилиями социологов, экономистов, философов (примером является дискуссия в журнале «Экономическая социология» в 2018 г. (№ 3, № 4) и 2019 г. (№ 1, № 3), что представляет собой своего рода интеллектуальную «игру в бисер» в «научном парке культуры и отдыха» (с. 134).

Все многочисленные «драмы жизни» Вебера по большому счету обусловлены главной, которую, как представляется, можно охарактеризовать как противоречие между идеями и жизнью, рациональным познанием и рационализацией Lebensfuerung, «ведения жизни», и самой жизнью во всем богатстве и сложности ее проявлений. Сквозной темой через его научную биографию проходит сложная история его интимных переживаний. Тяжелая болезнь, сложная и драматичная история любви Макса Вебера и Эльзы Яффе, его крайне непростые отношения с родителями и братом Альфредом, с женой Марианной и с подругой Миной Тоблер – все это предстает в научной биографии как контекст личностного и творческого развития и его детерминанты.

Поставленный автором биографии вопрос состоит в том, был ли реальный Вебер на протяжении всей своей творческой жизни таким суровым моральным ригористом, каким он предстает в ранний период жизни и каким его представляет «гейдельбергский миф»? В какой момент происходит понимание сложности, противоречивости бытия, протекающего не только в жестких рамках нравственных норм, но и в бурях живых страстей? Затрагивая более или менее подробно различные аспекты творчества Вебера, Ионин делает особый акцент на *концепции эротики* в рамках веберовской теории рационализации и в контекстах личных переживаний, страстей и любовных драм своего героя. *Такого* Макса Вебера российский читатель, даже знакомый с его научным творчеством, еще не знал. Столь основательное погружение в глубоко интимные чувства и переживания реального человека, к тому же известного научным творчеством и политической деятельностью, а не «донжуанским списком», поначалу удивляет. Если добавить к этому неоднократные упоминания о тяжелом характере, надменности, конфликтности, даже жестокости к оппонентам и к собственному отцу, и многие другие нелестные характеристики, то невольно возникают ассоциации с романом Т. Манна «Лотта в Веймаре», где великий человек (Гёте) в первых главах предстает через нелицеприятные отзывы со стороны близких и не очень людей, на которых «давит» его личность. Однако эта параллель быстро исчезает благодаря, во-первых, пояснению авторской позиции в разделе «Мораль в этой книге» (с. 78), во-вторых, многократным напоминаниям о том, что научные идеи – не плод чистой логики мышления, а «продукт осмысления тяжелых страданий болезни и любовных переживаний. Это в некотором смысле результат близкого знакомства с демонами» (с. 84–85). Здесь автор вводит российских читателей, пока знакомых с личностью Вебера по книге жены Марианны [Вебер, 2007], в курс зарубежных биографических исследований, опирающихся на богатые документальные материалы, не опубликованные на русском языке. Жаль, что эти экскурсы оказываются недостаточно подробными, чтобы познакомить с обширной исследовательской литературой в данной области.

Исследования любви и интимности как социокультурных феноменов, их социально обусловленных трансформаций, стали весьма популярными в современной социологии (Э. Гидденс, З. Бауман, например), однако с этой проблематикой в научном наследии Вебера знакомы только профессиональные специалисты, тем более что это лишь наметки концепции. Самый известный фрагмент анализа эротики у Вебера включен в работу «Промежуточное рассмотрение», известную российскому/русскоязычному читателю как «Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира» [Вебер, 1990: 307–343]. Здесь, как известно, Вебер рассматривает отторжение религиями спасения, исповедующими «братскую любовь», формально-рациональных отношений в экономике и политике, а также «тех сил мирской жизни, сущность которых в основе своей нерациональна или антирациональна» [там же: 325], т.е. эстетики и эротики. Вебер представляет постепенную сублимацию и рационализацию сексуальной жизни от «трезвого натурализма крестьян»

в направлении эротики рыцарского культа прекрасной дамы, регламентированного многими культурными конвенциями, выведенного за рамки повседневности, последующего усиления особого значения эротики в противопоставлении ее витальным жизненным началам, что делает лишь особые ее формы – внебрачную любовь, например, «единственной связью с природным источником жизни человека» [Вебер, 1990: 331]. Таким образом, Вебер наметил контуры концепции эротики в контекстах теории рационализации, которую автор научной биографии справедливо называет «сверхидеей и сущностью» социально-исторической концепции Вебера, позволившей ему стать в ряд основоположников идеологии модерна (с. 228–229). Однако именно иррациональная природа любовных отношений, переживаемая как судьба, высшее предназначение, делает ее не только неприемлемой с точки зрения религиозной «этики братства» и потому отрицаемой религиями спасения. Она легитимирует и присущее, с точки зрения Вебера, каждой «полной эротической общности» отношение *эротического господства*, которое предполагает «насилие над душой другого человека в виде рафинированного – ибо выступающего как готовность отдаться – собственного наслаждения в другом» [Вебер, 1990: 333]. Суть господства во взаимном желании сторон подчинять и подчиняться, это же отношение и предполагает эротическое господство, ставшее, по мнению автора, «*недостающим звеном* или недостающей ступенью в восхождении от анимального секса к так называемой платонической любви или к мистической братской любви», и таков любой любовный союз, в том числе и пережитый Вебером с Эльзой Яффе (с. 299). Здесь мы видим попытку логического достраивания веберовских понятий, связанных с эротикой, и одновременно – проникновение в суть судьбоносных для него любовных переживаний и жизненных решений последних лет. Ибо, как отмечает биограф, выбирая близость к Эльзе, предпочтя сомнительный контракт в Мюнхене более выгодному предложению из Бонна, Вебер предпочел «позднюю юность» с ее страстями обещанной врачами ранней старости, спокойной работе, благополучию и, таким образом, выбрал свою смерть (с. 286). Кажется, автор подводит читателя к ассоциации с новеллой Т. Манна «Смерть в Венеции», рассказав сначала о «любви в Венеции» (Глава 5), а затем о «выборе смерти». Как известно, там описана гибель выдающегося человека, отказавшегося от своих рациональных жизненных принципов под влиянием внезапной безумной страсти. Убил ли Вебера рационализм или отступление от него?

При чтении биографии создается впечатление, что Вебер нередко вел себя, пользуясь его же категориями, ценностно-рационально там, где требовалась здравая целерациональность, приведенные выше примеры с его неудачами в практической политике это подтверждают. Однако сам же биограф убеждает нас, что в отношениях «поздней юности» под видом страстных, самоотверженных, даже «субмиссивных» признаний и поступков скрывался *брутальный рационализм* эротического господства (с. 360). Почему рационализм «всегда брутален», а иногда оказывается и убийственным? Потому что расчленяет и упорядочивает проявления жизни, отбрасывая все «лишнее», чем оказываются и «тонкости душевной жизни и духа» (с. 360). И сам Вебер раскрыл это своим понятием «расколдования мира», предполагающим как его абсолютную рациональную познаваемость (если не сейчас, то потенциально), и возможность выразить результаты в рациональных категориях, так что люди больше не нуждаются в «чуде» и «волшебстве» для объяснения сущего. Сам Вебер на последних страницах «Протестантской этики» пишет о воцарении «бездушных профессионалов», *ничтожных* «последних людей» (понятие из «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше) после того, как капиталистическое общество окончательно утрачивает духовные ориентиры [Вебер, 1990: 207].

Главная же проблема, которую увидел Вебер, состоит в том, что «расколдование» мира основано тоже *на вере*, только вере не в чудеса, а в способности разума, что и заводит его в тупик. Рациональный познающий разум в своей гордыне приходит в тупик как общечеловеческого, так и личностного бытия. Ссылаясь на немецких философов, автор подчеркивает, что «Вебера погубила надменность познающего разума и открывшееся

ему ничто. Или иначе: его убил рационализм» (с. 347). Вебер столкнулся с неспособностью рационального разума и рационализированных практик вместить и постичь сложность живого бытия.

Подводя итоги, можно с уверенностью предположить, что эта книга должна иметь большой успех не только у профессиональных социологов, занимающихся творчеством М. Вебера, но и у всех, кто интересуется судьбами ученых и науки в современном мире. Многие проблемы, которые автор поставил, анализируя драму жизни Вебера, более чем актуальны и сейчас. В первую очередь – проблема способности науки и ее специфического языка постичь и отразить сложность и противоречивость современного общества. Представляется очень актуальной проблема нового «заколдования» мира в контексте кажущегося господства рационального научного знания, которую поднял в этой и других своих работах Л.Г. Ионин (с. 223), а также проблема языка науки, не всегда способного в своих понятиях отразить сложность жизни человека и современного мира, в том числе о необходимости иногда допускать использование обыденного языка, который отражает те области опыта, для которых пока нет научных понятий (с. 88–89). Судьба национальной науки и ее языка в глобальном мире также представляется проблемой, требующей осмысления и нового взгляда. И драма жизни Макса Вебера – мужчины, ученого, политика, гражданина своей страны, заставшего переломную эпоху в истории европейской культуры и политики, демонстрирует попытки дать ответы на вызовы времени и обстоятельств. Конечно, в рецензии невозможно отразить все поставленные в монографии Л.Г. Ионина проблемы, каждый читатель найдет в ней что-то свое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007.

Ионин Л.Г. Драма жизни Макса Вебера. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.

Забаев И.В. Ницшеанский взгляд на стодолларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 1. С. 20–71.

Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: Макс Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ, 1998.

Зарубина Н.Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 3–15.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2020.

THE FATE OF A SCIENTIST AND THE FATE OF SCIENCE AT THE TURN OF EPOCH (about the book by L.G. Ionin "The Drama of Max Weber's Life")

ZARUBINA N.N.

Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Russia

Natal'ja N. ZARUBINA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. of the Department of Sociology, Moscow State University of International Relations, MFA of Russia, Moscow, Russia (n.zarubina@inno.mgimo.ru).

Abstract. Ionin's monograph "The Drama of Max Weber's Life" reveals a number of aspects of Weber's life and work that are new to Russian web studies, related to both deeply personal and professional and socio-political conflicts. The review analyzes the problems of professional self-determination faced by Weber and his attitude to political activity. The fate of Weber's scientific heritage is considered in the context of contradictions in the development of modern science, including the problems of translation and the language of science in the global world. Here the author gives very valuable comments on the translation of some concepts introduced into science by Weber. It is shown that the inevitability of the transformation of some of his ideas into "pop sociology" is due to both the formation of mass society and the problems of the development of the institute of science. The problems of rationalization and "disenchantment of the world" are considered as the central idea of Weber's work, special attention is paid to L.G. Ionin's interpretation of Weber's little-known statements about the relationship of eroticism and rationality, about "erotic domination", in the context of collisions of the scientist's personal life.

Keywords: M. Weber, rationality, disenchantment of the world, profession, vocation, language of science, pop sociology, charisma, sociology of eroticism, erotic domination

REFERENCES

Ionin L.G. (2022) *Drama life of Max Weber*. Moscow: Izdatlskij dom "Delo" RANHiGS. (In Russ.)

Ortega y Gasset H. (2020) *The uprising of the masses*. Moscow: AST. (In Russ.)

Zabaev I. (2019) A Nietzschean Take on a Hundred Dollar Bill: Reading Weber's "Protestant Ethic" in Connection with a Contemporary Economist's Comments. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 20. No. 1: 20–71. (In Russ.)

Zarubina N.N. 1998. *Socio-Cultural Factors of Economic Development: M. Weber and Modern Theories of Modernization*. St. Petersburg: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta. (In Russ.)

Zarubina N.N. (2020) The Theory of Rationalization of Max Weber as a Methodology for Understanding Modern Sociocultural Processes. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological issues]. No. 6: 3–15. (In Russ.)

Weber M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Коротко о книгах

Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. НА ПЕРЕЛОМЕ ВЕКОВ: СОЦИОДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с.

В монографии рассматриваются проблемы социодинамики российской культуры в конце XX – начале XXI в., дается обобщение данных многолетних социологических исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, Института социологии РАН, ФНИСЦ РАН, а также других социологических центров страны, дается социокультурный анализ организационно-структурных и содержательно-качественных изменений культурной деятельности населения и художественно-творческого процесса.

Монография адресована преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется проблемами современной российской культуры

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ОТ РЕАЛЬНОСТИ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ БУДУЩЕГО / Под ред. В.Н. Бобкова, Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: Экон-Информ, 2022. 274 с.

В книге представлены результаты исследовательского проекта «Компоненты, социальные стандарты и индикаторы уровня и качества жизни населения в современной России: качественная идентификация и количественное оценивание в условиях социально-экономического неравенства», выполненного в ИСЭПН РАН и ИСЭПН ФНИСЦ РАН в 2018–2021 гг. Авторы рассматривают феномен уровня и качества жизни – теоретико-методологические основы, современные вызовы, мониторинговую динамику, новые инструменты государственной и корпоративной политики – и предлагают свои подходы к проектированию уровня и качества жизни россиян, а также рекомендации для государственной социальной политики.

Монография адресована специалистам, аспирантам и студентам, занимающимся проблемами труда и занятости, повышения уровня и качества жизни.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТА: ОТ ЦИФРОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ К ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 228 с.

Доклад, подготовленный Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, продолжает серию ежегодных публикаций о тенденциях развития интернета. Исследование проводилось по четырем основным направлениям: «анатомия» интернета (доменное пространство, телекоммуникационная инфраструктура, безопасность в сети), интернет для экономики (цифровизация отраслей экономики и социальной сферы, электронная торговля), интернет для общества (население в интернете, цифровые навыки и профессиональная деятельность), тренды развития интернета.

Исследование базируется на данных Росстата, Минцифры России, Банка России, Технического Центра Интернет, Совета европейских национальных регистратур доменов верхнего уровня (CENTR), компании Verisign, аналитических и прогнозных материалах международных организаций (ОЭСР, Евростата, МСЭ), консалтинговых и иных компаний, а также на собственных разработках ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития интернета, процессами цифровизации российской экономики и общества.

Игнатьев В.И. МОРФОГЕНЕЗ ГИБРИДНОГО СОЦИУМА. ОНТОЛОГИЗАЦИЯ ЦИФРЫ. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. 412 с.

Монография посвящена исследованию влияния информационных процессов на социальный морфогенез, ведущий к становлению гибридного социума. Автор анализирует социальные и антропологические предпосылки и последствия перехода к цифровому обществу, обосновывает и подробно описывает концепцию онтологизации цифры. Глубинная цифровизация трактуется как катализатор морфогенеза гибридного социума. В книге выявляются причины появления нового вида социального агента – техно-субъекта – и предлагается классификация их видов, излагается авторская трактовка появления феномена гибридных социо-техно-систем и возникновения иерархической социальной структуры у взаимодействующих множеств интеллектуальных машин с искусственным интеллектом.

Для специалистов в области социологии, философии и STS, экспертов по прогнозированию социальных последствий развития технологий искусственного интеллекта и всех, кто интересуется процессами трансформации общества под воздействием цифровых технологий.

Ильичева М.В. ГОСУДАРСТВО И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ЦИФРОВАЯ ДОМИНАНТА. М.: Проспект, 2022. 176 с.

В монографии анализируется взаимодействие государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности. Автор обращается к аспектам формирования новых субъектов гражданского общества в цифровой реальности, определяет современные тенденции развития цифровой среды и их влияние на взаимоотношения гражданского общества и государства в новых политических процессах и реалиях. Особое внимание уделено разработке предложений по совершенствованию механизмов этого взаимодействия на основе цифровых информационно-коммуникационных технологий.

Рекомендуется для студентов высших учебных заведений и специалистов, занятых исследованием актуальных проблем современной России.

Ростовская Т.К., Нарутто С.В., Ворошилова С.В. ПРАВОВОЙ СТАТУС И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН, ОСВОБОЖДАЕМЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ. М.: Проспект, 2022. 192 с.

Актуальность монографии состоит в междисциплинарном подходе к изучению проблем молодых женщин, совершивших преступление и отбывших наказание в местах лишения свободы. В работе последовательно рассмотрены вопросы генезиса женской преступности в контексте исторического подхода. Представлена информация о женской преступности и ее отличительных чертах, проанализирована динамика состояния женской преступности в современной России. Особое внимание уделено правовым механизмам социализации молодых женщин, освобождаемых из мест лишения свободы, их социальной адаптации.

Книга адресована юристам, научным работникам, специалистам социальной сферы, представителям органов государственной власти и органов местного самоуправления, правозащитникам и всем, кто интересуется проблемами молодежи, социальной роли государства и гражданского общества в обеспечении и защите прав и свобод человека.

Чернышев К.А., Чернышева Н.В. МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК РЕГИОНА-ДОНОРА: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ. М.: Проспект, 2022. 272 с.

В монографии рассматриваются миграционные связи Кировской области как одного из наиболее крупных регионов-доноров в России – со времени образования региона по 2020 г. Проанализировано миграционное взаимодействие Кировской области с укрупненными регионами нашей страны и странами ближнего зарубежья. Проведена оценка миграционных потерь, их роли в сокращении численности населения региона.

Монография предназначена для специалистов в сфере демографии и социально-экономической географии, преподавателей вузов, практических работников органов власти, а также всех интересующихся вопросами демографического развития Кировской области.

МУЛЬТИСЕНСОРНЫЙ МУЗЕЙ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОСЯЗАНИЕ, ЗВУК, ЗАПАХ, ПАМЯТЬ И ПРОСТРАНСТВО / Под ред. Н. Левент, А. Паскуаля-Леоне. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 520 с.

Сборник статей посвящен осмыслению значения тактильных, слуховых, пространственных, обонятельных и вкусовых ощущений в музеях настоящего и будущего. Авторы статей подчеркивают искусственный характер разделения различных модальностей восприятия и демонстрируют многоуровневые мультисенсорные системы взаимодействия с реальностью. Они предлагают по-настоящему междисциплинарный взгляд на посетительский опыт, анализируя, как личные и групповые идентичности влияют на наше культурное потребление, как посредством мультисенсорного взаимодействия с пространством и экспонатами музея формируются воспоминания и как эти воспоминания определяют наш опыт.

Авторы предлагают антропологический взгляд на историю развития мультисенсорного взаимодействия с ритуальными объектами и предметами искусства, особенно в культурах, где доминирующее положение среди способов восприятия занимает не зрение. Помимо социологов и культурологов, среди авторов статей – психологи, нейробиологи, а также педагоги, рассматривающие музеи как уникальные образовательные площадки, позволяющие совмещать различные стили обучения и проектной работы, дизайнеры и архитекторы, размышляющие о возможностях создания интуитивно понятной, доступной и мультисенсорной музейной среды. Особое внимание уделяется вопросам доступности пространства и экспозиции музея для людей с разными формами инвалидности.

Голубев А. ВЕЩНАЯ ЖИЗНЬ. МАТЕРИАЛЬНОСТЬ ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА / Пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 328 с.

Какую роль материальные объекты играют в общественной жизни? Насколько окружающие нас предметы влияют на конструирование коллективной и индивидуальной идентичности? В своей книге автор ищет ответы на эти вопросы в истории позднего СССР. В отличие от большинства исследователей, которые фокусируются на роли языка и идеологии в формировании советского «я», он подчеркивает значение материальности для исторического и социального воображения, сложившегося у жителей страны в период позднего социализма. Он демонстрирует, как самые разные объекты в диапазоне от архитектурных памятников до телевизоров структурировали социальную жизнь советских людей, выстраивали их вкусы и предпочтения, определяли отношения внутри коллективов и сообществ. Такой взгляд на позднесоветскую историю не только помогает лучше ее понять, но и позволяет увидеть этот опыт как неотъемлемую часть глобальной модерности.

Флигстин Н., Макадам Д. ТЕОРИЯ ПОЛЕЙ / Пер. с англ. Е.Б. Головляницыной; под науч. ред. В.В. Радаева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 464 с.

В книге обобщаются значимые идеи теории социальных движений, организационной теории, экономической и политической социологии для построения общей теории социальной организации и стратегического действия; предлагается концептуально выверенный и практически применимый способ осмысления и понимания социального порядка и социальных изменений, а также их взаимосвязи в современных сложных обществах. Понимание социальных изменений и социального порядка, по мнению авторов, возможно через призму концепции полей стратегического действия, которые являются универсальными строительными блоками политической и экономической жизни, гражданского общества и государства, а также фундаментальной формой порядка в современном мире. Поля вложены одно в другое и связаны друг с другом в более широкой среде, состоящей из бесчисленного множества соседствующих, пересекающихся и взаимозависимых полей. Основу теории полей составляет концепция социального навыка, отражающего в том числе способность социальных акторов к стратегическим действиям. Абстрактные принципы теории демонстрируются на конкретных примерах.

Батлер Дж. СИЛА НЕНАСИЛИЯ: СЦЕПКА ЭТИКИ И ПОЛИТИКИ / Пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. Е. Бондал, А. Павлова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 224 с.

В своей книге автор показывает, что этика ненасилия должна связываться с широкой политической борьбой за социальное равенство. Один из современных вызовов, с которыми сталкивается политика ненасилия, сводится к расхождениям во мнениях о том, что считать насилием и ненасилием. Батлер утверждает, что ненасилие часто ошибочно принимают за пассивную практику или за сосуществование с властью, но на самом деле ненасилие – этическая позиция, находящаяся в самом центре политического поля. Если рассматривать ненасилие как этическую проблему в рамках социальной и политической философии, то потребуется осуществить критику индивидуализма, а также понять психосоциальный аспект насилия.

Книга адресована философам, социологам, политологам, культурологам и всем интересующимся современной социальной и политической философией.

Подготовила А. ГОВОРОВА

Письмо в редакцию

© 2022 г.

А.Г. МЯСНИКОВ

О НАСТУПИВШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВОТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-МАТРИЧНОГО ПОДХОДА С.Г. КИРДИНОЙ-ЧЭНДЛЕР

МЯСНИКОВ Андрей Геннадьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры методологии науки, социальных теорий и технологий Пензенского государственного университета, Пенза, Россия (myasnikov-g@mail.ru).

Аннотация. *Дается переоценка полемики между автором и профессором С.Г. Кирдиной-Чэндлер на страницах журнала СоцИс в 2016 г. по поводу понятия «гражданского общества». Ее суть заключалась в том, что С.Г. Кирдина-Чэндлер признает «гражданское общество» не общечеловеческим и не общенаучным понятием, а «идеологемой», сформированной западноевропейской цивилизацией, основанной на Y-матрице, которая навязывается остальным обществам и народам в качестве образца для самооценки и подражания. Авторская позиция заключалась в признании «гражданского общества» общечеловеческим и общенаучным понятием, которое предполагает продвижение всего человечества от социально-экономической самостоятельности к высшим степеням свободы – политической, нравственно-религиозной и творческой. Новейшие исторические события позволяют признать наступившую историческую правоту институционально-матричного подхода С.Г. Кирдиной-Чэндлер, а именно возврат российского социума к доминирующей роли институтов X-матрицы – распределительной экономике, централизованному управлению и коммунитаристской идеологии. Институционально-матричный подход позволяет предполагать, что через несколько десятков лет потенциал институтов X-матрицы может быть исчерпан, и тогда российское общество начнет активизировать институты частной собственности, рыночной экономики, реальной федеративности, политической конкурентности, духовной свободы и гражданского общества.*

Ключевые слова: *институционально-матричный подход • гражданское общество • гражданское участие • степени свободы • Россия*

В 2016 г. на страницах журнала СоцИс состоялась научная полемика между мною и С.Г. Кирдиной-Чэндлер, в ходе которой я настаивал на ограниченном характере теории доминирования институциональных матриц и ее бесперспективности для нашей страны [Кирдина, 2012; Мясников, 2016; Кирдина, 2016]. Само вопрошающее название моей статьи «Нужно ли отказываться от гражданского общества?» предполагало отрицательный ответ и оптимистическую надежду на то, что российское общество не сможет больше вернуться в закрытое, полувоенное состояние. Но новейшая история, сама общественно-политическая практика наглядно показала и показывает нам правоту теории институционального доминирования X-матрицы в России.

В своей полемической статье я утверждал: «Кирдина пытается доказать, что понятие "гражданское общество" – не общечеловеческое и не общенаучное понятие, а "идеологема", сформированная западноевропейской цивилизацией, основанной на Y-матрице, и навязываемая остальным обществам и народам в качестве образца самооценки и подражания» [Мясников, 2016: 141]. В 2022 г. мне остается признать свои надежды

несбывшимися, некоторые рассуждения преждевременными и еще раз внимательно вдуматься в основные положения теории С.Г. Кирдиной-Чэндлер и свои контраргументы.

О гражданском обществе. В центре нашей дискуссии находилось понятие гражданского общества, которое определялось мною как общество частных собственников, имеющих экономическую и политическую свободу-самостоятельность, а С.Г. Кирдина-Чэндлер определяла его в качестве идеологемы европейско-американского общества, «западного» мышления, для которого характерны черты ценностно-мировоззренческого индивидуализма, рыночной экономики и демократических институтов управления.

С.Г. Кирдина-Чэндлер утверждала, что эмпирически обнаружен «закон устойчивости доминантных институтов матриц», не допускающий замещения базовых институтов доминирующей матрицы, и что в России всегда будут преобладать «коллективизм», а не «индивидуализм», «редистрибутивность», а не конкуренция, ценность «порядка», а не свободы, ориентация на некое общее благо, а не на частный интерес граждан. Фундаментальным основанием такого доминирования признаётся материально-природная среда [Мясников, 2016: 145].

В свою очередь я отвечал на эти аргументы тем, что современные общества могут успешно адаптироваться к суровым климатическим условиям с помощью научно-технического и интеллектуального прогресса. И если конкретный социум выходит из состояния непрерывной борьбы за выживание, стремление к личному благу и индивидуальным ценностям становится преобладающим [Инглхарт, Вельцер, 2011].

Исходя из концепции 10 степеней свободы как самостоятельности (которую я разработал после нашей дискуссии), мы должны признать, что большинство россиян до сих пор остаются на 4 степени свободы-самостоятельности (правовой), а в кризисные периоды (например, пандемии или военных действий) доходят до 3 степени свободы, т.е. выживания [Мясников, Мясникова, 2020]. Это значит, что потребность в политической свободе (7 степень) не актуальна для большинства россиян, находящихся на 4–3 степенях свободы, вынужденных постоянно бороться за свое существование и стремиться, прежде всего, к ближайшей задаче – к социально-экономической свободе-самостоятельности (5–6 степени).

При этом мы можем допустить, что сильная централизованная власть не заинтересована в продвижении большинства членов общества к высшим степеням свободы (политической, нравственно-религиозной и творческой), поэтому не поддерживает развитие свободы из опасения негативных последствий для сложившегося типа управления в соответствии с основными институтами Х-матрицы. Например, новейшие исторические события в России (прежде всего, ускоренное принятие поправок в действующую Конституцию в 2021 г.) показывают консервативно-традиционалистский ренессанс, который спокойно поддерживается постковидным большинством россиян. Таким образом, возврат к доминированию Х-институтов – распределительной экономике, централизованному управлению и коллективистской системе ценностей – позволяет сохранить российский социум на 3–4 уровнях свободы на достаточно продолжительное время.

При этом нужно учитывать возможные трудности, связанные с новыми цифровыми поколениями, с их ожиданиями открытой мировой интеграции и личностного самовыражения. В ближайшее время придется ускоренно приучать эти новые поколения к необходимости материальных и нематериальных самоограничений, в том числе и к внутренней самоцензуре и постоянным опасениям за самостоятельную социальную активность, а также установкам и практикам типичного российского выживания в экстремальных условиях.

К тому же современные нейробиологические исследования российского менталитета показывают его доминирующую склонность к восточному типу мышления (холизм, синкретизм, ситуационность, стремление к диалектической гармонии с опорой на традиционные способы коллективного выживания), который с трудом приемлет такой демократический институт, как гражданское общество [Бажанов, 2019: 86–97].

О гражданском участии. В ходе прошлой дискуссии с С.Г. Кирдиной-Чэндлер я отмечал, что институт «гражданского участия» вполне приемлем для практического

взаимодействия россиян с органами власти для решения частных социально-экономических проблем, сложных жизненных ситуаций, но этот институт не нацелен на продвижение общества к высшим степеням свободы – политической, нравственно-религиозной и творческой самостоятельности, т.е. он имеет до-гражданский характер и соответствует ценностям простого биосоциального выживания, т.е. низшим степеням свободы. С точки зрения цивилизационного и институционально-матричного подходов институт «гражданского участия» может рассматриваться в качестве инструмента выживания традиционного социума и соответствующей ему командно-административной системы управления в ситуации глобальной конкуренции. При этом институт «гражданского участия» имеет эффективное применение именно в экстремальных условиях выживания и в ближайшем будущем, скорее всего, будет востребован российским социумом.

О нашем будущем. Следуя логике институционально-матричного подхода, усиление институтов X-матрицы может дойти до своего предела при наступлении экономического коллапса и дальнейшей деградации всей социальной системы: обеднении населения и неспособности государства выполнять свои социально-экономические обязательства. Судя по эффективным усилиям нынешнего правительства РФ, этот вариант развития событий маловероятен, поэтому X-матричная тенденция, скорее всего, продолжится на несколько десятилетий.

В заключение своей полемической статьи 2016 г. я писал: «В современных условиях российскому обществу предстоит сделать историко-цивилизационный выбор: продолжать ориентироваться на лучшие достижения западной цивилизации, в том числе идти к гражданскому обществу и правовому государству, или закрыться, гордиться великим геополитическим положением, огромными ресурсами, вместе с тем довольствуясь унизительно бедным положением половины населения страны и его нераскрытым потенциалом в надежде на чудо преображения» [Мясников, 2016: 147].

Институционально-матричный подход С.Г. Кирдиной-Чэндлер позволяет нам предполагать, что через несколько десятков лет потенциал институтов X-матрицы может быть исчерпан, и тогда российское общество начнет активизировать институты частной собственности, рыночной экономики, реальной федеративности, политического плюрализма и конкурентности, духовной свободы и гражданского общества. Именно комплементарный (ваимодополнительный) характер X и Y матричных институтов позволяет нам сохранять исторический оптимизм и надеяться на будущую равнопартнерскую интеграцию России с другими национальными экономиками.

Судя по новейшим тенденциям, в ближайшее время мы будем наблюдать жесткую мировую политическую поляризацию, замедление глобальных процессов и возможный исторический реванш стран с доминирующей X-матрицей, т.е. стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки. В 2022 г. мы должны признать, что заявка на мировую геополитическую и военно-политическую конкуренцию со стороны России сделана, и началась активная мобилизация всех X-институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бажанов В.А. Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019.

Инглхарт Р., Вельцер К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Кирдина С.Г. «Гражданское общество»: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–73.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб., расшир. и иллюстр. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.

Кирдина С.Г. О некоторых проблемах социологического дискурса // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 148–153.

Мясников А.Г., Мясникова Т.А. Условия реализации политической свободы в постсоветском обществе: опыт социально-философского анализа и моделирования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 81–90.

Мясников А.Г. Нужно ли отказаться от гражданского общества? // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 141–148.

ON THE HISTORICAL CORRECTNESS OF THE INSTITUTIONAL-MATRIX APPROACH BY S.G. KIRDINA-CHANDLER

MYASNIKOV A.G.

Penza State University, Russia

Andrey G. MYASNIKOV, Dr. Sci. (Philos.), Associate Prof., Prof. of the Department of Methodology of Science, Social Theories and Technologies of Penza State University, Penza, Russia (myasnikov-g@mail.ru).

Abstract. This publication is a sequel to polemics that took place between me and S.G. Kirdina-Chandler in the journal "Socis" in 2016 about the concept of "civil society". The essence of the polemics was that S.G. Kirdina-Chandler recognizes civil society not as a universal or general scientific concept, but as an "ideologeme" formed by Western European civilization, based on the Y-matrix, and imposed on other societies and peoples as a model of self-evaluation and imitation. My position consisted in the recognition of civil society as a universal notion, which presupposes the advancement of all mankind from socio-economic independence to the highest degrees of freedom – political, moral, religious and creative. S.G. Kirdina-Chandler argued that, empirically, the "law of stability of the dominant matrix institutions" was found to prevent the replacement of the basic institutions by the dominant matrix, and that in Russia "collectivism" rather than "individualism", "redistributiveness" rather than competition, the value of "order" rather than freedom, orientation to some common good rather than to the private interest of citizens will always predominate. The material-natural environment is recognized as the fundamental basis of this dominance. The latest historical events allow us to recognize the historical correctness of S.G. Kirdina-Chandler's institutional-matrix approach, namely, the return of Russian society to the dominating role of X-matrix institutions – distributive economy, centralized management and communitarian ideology. The institutional-matrix approach allows to assume that in several decades the potential of X-matrix institutions may be exhausted, and then the Russian society will start to activate the institutions of private property, market economy, real federalism, political pluralism and competitiveness, spiritual freedom and civil society. In 2022 we must, however, recognize that the bid for global geopolitical and military-political competition from Russia has been made, and active mobilization of all X-institutions has begun.

Keywords: institutional-matrix approach, civil society, civic participation, degrees of freedom, Russia.

REFERENCES

Bazhanov V.A. (2019) *Brain – Culture – Society: A Kantian Program in Cognitive Research*. Moscow: Kanon+ ROOI "Rehabilitatsiya". (In Russ.)

Inglehard R., Vel`cer K. (2011) *Modernization, cultural change and democracy. Consistency of human development*. Moscow: Novoe izdatel`stvo. (In Russ.)

Kirdina S.G. (2012) "Civil Society": a departure from the ideologeme. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 63–73. (In Russ.)

Kirdina S.G. (2014) *Institutional matrices and development of Russia.* Introduction to X-Y-theory. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)

Kirdina S.G. (2016) On some problems of sociological discourse. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 148–153. (In Russ.)

Myasnikov A.G., Myasnikova T.A. (2020) Conditions for the realization of political freedom in the post-Soviet society: the experience of socio-philosophical analysis and modeling. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. No. 4: 81–90. (In Russ.)

Myasnikov A.G. (2016) Should we abandon civil society? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 141–148. (In Russ.)

SOCHUM

Государственный академический университет гуманитарных наук приглашает организации науки и образования к сотрудничеству с Электронной библиотечной системой социогуманитарного знания «SocHum.ru», целью которой являются популяризация отечественной науки, знакомство читательской аудитории с актуальными тенденциями социогуманитарного знания и создание пространства обмена идеями между авторами и читателями электронной библиотеки.

- Электронная библиотечная система социогуманитарного знания «SocHum.ru» обеспечивает доступ к научным и образовательным материалам, в том числе периодическим изданиям, по основным социогуманитарным дисциплинам.
- ЭБС «SocHum.ru» соединяет в себе результаты современных актуальных научных исследований и ранее не представленные в электронном формате архивные публикации ведущих социогуманитарных журналов РАН.
- Удобный кроссплатформенный читательский интерфейс ЭБС «SocHum.ru» обладает широким функционалом для учебных и научных задач.
- Использование электронной библиотечной системы социогуманитарного знания «SocHum.ru» в учебной и научной работе открывает доступ к надежной научной информации, прошедшей строгое экспертное рецензирование.
- Каждому автору доступен единый профиль, в котором отображаются его научные труды, размещенные в ЭБС «SocHum.ru» и на редакционно-издательской платформе JES.SU.

ЭБС «SocHum.ru»
https://SOCHUM.RU
Для оформления Заявки на доступ:
https://sochum.ru/podpiska-dlya-organizaciy.html
Сайт редакционно-издательского портала
RAS.JES.SU «Журналы РАН»:
https://RAS.JES.SU
По вопросам работы с платформой:
dsp@gaugn.ru
+7 (499) 238-02-24

SOCIOLOGICAL STUDIES
Monthly
2022 No. 10

CONTENTS

XXIV KHARCHEV READINGS

3 KIRDINA-CHANDLER S.G. Unipolarity, Multipolarity and Bipolar Coalitions. XXI Century
17 ZAITCEV A.V. “Colonial Democracy” in A.A. Zinovyev’s Sociology
27 VOLKOV Yu.G. Social Justice as a Value: in Search of a New Theoretical Optics

IMAGES OF THE FUTURE OF RUSSIA IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

37 TROFIMOVA I.N. Russians’ Ideas about the Future of the Country: is there a Consensus?
49 ANDREEV A.L., ANDREEV I.A., SLOBODENYK E.D. Russians' Ideas about the Future of Russia

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

62 TOSHCHENKO Zh.T. Evolution of Ideas of the Social Structure of Russian Society
74 KARAVAY A.V. Factors of Access to Social Network Resources in Modern Russia

POLITICAL SOCIOLOGY

85 USTYZHANIN V.V., SUMERNIKOV E.A., GRININ L.E., KOROTAYEV A.V. Urbanization and Revolutions: a Quantitative Analysis
96 BASAEVA E.K., KAMENETSKY E.S., KHOSAYEVA Z.Kh. Forecast of Socio-Political Instability (the Case of the Arab Spring)

SOCIOLOGY OF FAMILY

107 GURKO T.A. Dynamics of Indicators of Development and Well-Being of Adolescents in Various Types of Families
117 BEZRUKOVA O.N., SAMOYLOVA V.A., MAL’KOV N.R. Paternity of Young Convicted Fathers Going through Imprisonment
128 KAZIEV S.Sh., STARCHENKO R.A., MOGUNOVA M.V. Mixed Marriages between Kazakhs and Russians of Northern Kazakhstan

SOCIOLOGY OF HEALTH AND MEDICINE

138 FADEEVA E.V. Treatment Practices in Public Perception: Based on Russian Nationwide Surveying
145 BOGOMIAGKOVA E.S., OREKH E.A., GLUKHOVA M.E. Digital Technologies in the Healthcare Practices of St. Petersburg Residents

ANNIVERSARY

156 Konstantinovsky D.L. is 85!
157 Semenov E.V. is 70!

REFLECTING ON A NEW BOOK

159 ZARUBINA N.N. The Fate of a Scientist and the Fate of Science at the Turn of Epoch (about the book by L.G. Ionin “The Drama of Max Weber's Life”)

167 **BOOKS IN BRIEF**

LETTER TO EDITORS

170 MYASNIKOV A.G. On the Historical Correctness of the Institutional-Matrix Approach by S.G. Kirdina-Chandler

174 **INFORMATION**

175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)